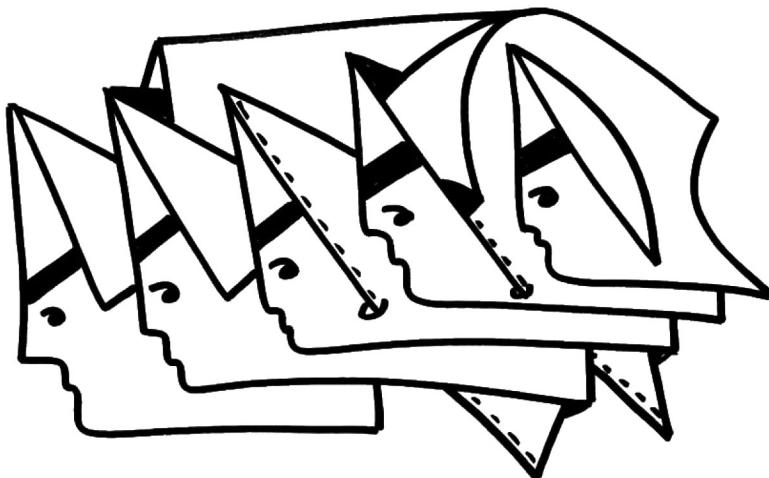

eISSN 2592-916X
ISSN 2592-9232

ПАЛАДАИОН PALADIUM

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного
университета • Free University Journal #10 (2024/2)

ПАТОГЕНЕЗ СУВЕРЕНИТЕТА

СВОБОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
BRĪVĀ
UNIVERSITĀTE
RĪGA
freeuniversity.education • freeuniversity.pubpub.org

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ПАЛЛАДИОН
IO (2024/2)

ПАТОГЕНЕЗ
СУВЕРЕНИТЕТА

Brīvās Universitātes Žurnāls
Журнал Свободного университета
Free University Journal

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfofoundation.org

Palladium • Палладиум • Палладиум

Brīvās Universitātē Žurnāls • Журнал Свободного университета •

Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CCo 1.0 Universal Public Domain Dedication

10 (2024/2) «Патогенез суверенитета»

DOI: 10.55167/8DAE96489D1A

Редакция: Елена Лукьянова, Владимир Харитонов

Рисунок на обложке Марина Садомская

Ответственный за выпуск Владимир Харитонов

Свободный Университет
freeuniversity.education

Издательство Свободного Университета
freeuniversity.pubpub.org

В издательстве Свободного университета вышли в свет книги:

- Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»
- Елена Лукьянова, Илья Шаблинский «Авторитаризм и демократия» (2-е изд.)
- Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью:
Университет на карантине и в дистанте»
- Елена Лукьянова, Евгений Порошин (при участии Андроника Арутюнова, Сергея Шпилькина и Екатерины Зворыкиной) «Выборы строгого режима»
- Elena Lukyanova, Evgeniy Poroshin with the participation of Sergey Shpilkin, Andronik Arutyunov, and Ekaterina Zvorykina «Maximum Security Elections»
- Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»
- А также восемь номеров журнала «PALLADIUM»:
1 «Город как текст» # 2 «Современные угрозы свободе» # 3 «Социология войны» # 4 «Ролан Барт и культура демократического общества» # 5 «Мир и войны. Двойная оптика» # 6 «Государство и война» # 7 «Наука и культура в эпоху катастрофы» # 8 (2023/4) «Русский мир: история болезни» # 9 (2024/1) «Язык и свобода»

Содержание

ПАТОГЕНЕЗ СУВЕРЕНИТЕТА

- 6 АЛЕКСАНДР ПОГОНЯЙЛО К понятию «суверенитета»
22 Кирилл Мартынов От суверенитета государства к гражданскому суверенитету
31 ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА Суверенитет, международное право и война
58 Дмитрий Орешкин Российский империализм
155 Михаил Савва Идея охранительной суверенности в современной российской практике
174 Константин Пахалюк Риторика и практика «суверенитета» в контексте российско-африканских отношений
209 Андрей Кротов Размыщления о концепции суверенитета в тоталитарном государстве
237 Владимир Харитонов Гибридная цензура на службе суверенитета

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

- 244 ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА Хроники Свободного университета. Часть 9
264 Ян Левченко, Виктор Вахштайн Виновность и ответственность: возвращение к разговору на третьем году большой войны

Content

THE PATHOGENESIS OF SOVEREIGNTY

- 6 ALEXANDER PAHONYAYLO To the notion of «sovereignty»
22 KIRILL MARTYNOV From State sovereignty to civil sovereignty
31 ELENA LUKYANOVA Sovereignty, International Law and War
58 DMITRY ORESHKIN Russian imperialism
155 MIKHAIL SAVVA The idea of protective sovereignty in modern
Russian practice
174 KONSTANTIN PAKHALYUK The rhetoric and practice of
«sovereignty» in the context of Russian-African relations
209 ANDREI KROTOV Reflections on the concept of sovereignty in
a totalitarian state
237 VLADIMIR KHARITONOV Hybrid censorship in the service of
sovereignty

UNIVERSITY LIFE

- 244 ELENA LUKYANOVA Free University Chronicles. Part 9
264 JAN LEVCHENKO, VIKTOR VAKHSTEIN Guilt and responsibility:
returning to the conversation in the third year of the great war

ПАТОГЕНЕЗ
СУВЕРЕНИТЕТА

К понятию «суверенитета»

Александр Погоняйло

Аннотация. Понятие «суверенитета» рассматривается в статье в контексте эпохального сдвига от средневековой, условно «имперской», в ее нормативности, идеи власти к новоевропейским представлениям о власти и практикам правления, связанным с возникновением и укреплением новоевропейских национальных государств. Его необходимым историческим коррелятом выступает концепция (концепции) общественного договора как секулярная версия Завета.

Ключевые слова: суверенитет, империя, государство, общественный договор, наука правления, биополитика.

Работа с понятиями, согласно Гегелю, ведется двояким образом: она начинается с мышления понятиями, претворяясь в итоге в мышление в стихии понятия. Первое — это мышление с помощью понятий. Как же иначе? Мы мыслим понятиями, и критерий их истинности — соответствие понятия вещи. Однако такие понятия, посредством которых мы мыслим, суть, по Гегелю, «только», или «всего лишь» понятия (*nur Begriffe*), подлежащие снятию в стихии (элементе) мышления как *схватывания* (*Begreifen*) в понятии, собственно, понимания, критерием правильности которого является соответствие уже не понятия вещи, но вещи своему понятию. К так понятой вещи можно добавить прилагательное «настоящая». Например, о друге сказать, что он настоящий друг. Нижеследующее — это попытка разобраться в указанной феноменологической перспективе с понятием суверенитета.

Суверенитет — право правителя на осуществление суверенной власти. Обладание этим правом ставит вне закона любые попытки вмешательства в осуществление власти сувереном¹. В этом плане суверенная власть — верховная. Термин «суверен»

1. Фр. *souverain* от вульг. лат. *superanus*, лат. *super*, «находящийся над», «высший».

известен с XIII века как употреблявшийся в отношении лиц, осуществлявших верховную власть в государствах — королей, императоров. Современные концепции суверенитета так или иначе восходят к доктринах XVII века, появившимся в связи с формированием новоевропейских государств, отчетливо противопоставивших свою внутреннюю и внешнюю политику средневековым способам осуществления и понимания власти.

Считается, что окончание Тридцатилетней войны, ознаменованное подписанием Вестфальского мира (1648), стало тем историческим рубежом, с которого начинается политическая история современности как времени сложившихся более или менее независимых национальных государств, провозгласивших собственный суверенитет, запретивших соседям вмешиваться в их внутренние дела. Тем самым в принципе был положен конец религиозным войнам, поставившим Европу на грань разорения.

Признание государственного суверенитета стало возможным на пути трансформации средневекового феодального мира, цивилизации, преимущественно сельской, в цивилизацию «буржуазную», преимущественно городскую, в ходе которой радикально менялись представления о власти и ее источнике. Средневековая идея власти — это идея единоначалия, понимаемая в рамках монотеистического креационизма (нормативного для эпохи) как верховная власть Творца (*auctor mundi*) над своим творением, осуществляющаяся посредством его *auctoritas*, божественной благодати (харис, *gracia*). Проводниками ее служат «чины» небесной, церковной и светской иерархий. Это чиноначалие является священноначалием (иерархией) держателей божественного авторитета, правящих не «от себя», но силой власти Творца и его именем. Обе земные иерархии сакрально легитимированы: так, на Западе папа — викарий Господа на земле; император, король — священная особа, его помазанник, христианский государь, *правящий во имя спасения душ подданных*. Власть в этом мире мыслилась как приходящая извне, что в принципе уравнивало перед лицом вечности пра-

вителей и подвластных². Такое *нормативное* (парадигматическое) единовластие вносило идею порядка в реальное соперничество и борьбу за власть и земли в условиях средневековой «вольницы», которая закончилась с выходом на историческую сцену новоевропейского *функционального* государства, и коль скоро функционального, то, тем самым, в недалеком будущем государства-машины.

Средневековая власть, как сакрально легитимированная, была в *принципе имперской*, ограниченной стенами не *города*, но *града* (божьего), то есть последней границей пространства и времени — Судным днем. Средневековая империя — это «империя последнего дня», и как таковая она в своей имперской идее — всегда *singularia tantum*, она существует только в единственном числе. Деля обитаемое пространство на «область войны» и «область веры», сакральная держава воплощает собой стремление к мировому господству. Таким образом ведущаяся ею войны считается и является для нее священной.

Смысл существования новоевропейского государства — тоже «спасение»³, но не душ подданных или граждан, а самого государства, т. е. забота о его укреплении и процветании. Как заботящееся о самом себе оно было названо «государством государственного интереса» и «полицейским» государством, где *полисия* означала попечение о нуждах целого⁴. Такая государственная забота о себе была продиктована самим смыслом существования новоевропейского государства: процветание и укрепление в конкурентной борьбе с другими такими же государствами. Оно изначально и конечно существует в окру-

2. В монотеистическом креационизме потусторонность власти понимается радикально; непреодолимая пропасть отделяет творение от его Творца.
3. «Спасти» на языке ренессансных гуманистов — обеспечить целостность и сохранность, актуальный и поныне смысл, ср. исп. *Sano y salvo*.
4. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011. Ради того же процветания новоевропейское государство установило *принцип веротерпимости* в отношении других конфессий и этнических групп, входящих в состав национального государства и способствующих его развитию.

жении себе подобных. Следовательно, как таковое оно — *pluralia tantum*. Тут и заходит разговор о государственном суверенитете.

Два взаимосвязанных процесса характеризуют становление новоевропейской формы правления («правительности»)⁵: (1) находящиеся под властью новоевропейского монарха земли с живущими на них людьми становятся территорией, monopoly управляемой из единого центра суверенным государем, и (2) проживающие на ней люди подпадают под новую политэкономическую категорию *населения*, которую надо принимать во внимание в интересах государственного целого и его процветания.

Общей матрицей новоевропейских теорий суверенитета является концепция общественного договора в разных ее версиях — от Жана Бодена и Томаса Гоббса до Жан Жака Руссо. «Левиафан» Гоббса занимает в их списке почетное место. Суверенитетом, согласно Гоббсу, обладает не народ и не правитель, а именно государство, которое не было участником договора, поскольку до договора его не было; оно возникло в результате соглашения⁶. Описав в первом параграфе великой книги устройство большого «искусственного человека», как бы самодвижущегося механизма (автомата), и перечислив все его органы, их части и функции, Гоббс торжественно заключает, что «договоры, его скрепляющие, это то *Fiat!* (Да будет!), которое Бог произнес при сотворении мира». Государство — вместе со своим государственным суверенитетом, воплощенным для Гоббса в личности монарха — *возникает в момент заключения договора*, равно как и «волки» естественного «права на все», когда речь идет о защите своей жизни, семьи и имущества (это первое из «естественных прав»), в этот самый миг неисповедимым образом превращаются в граждан с их уже граждан-

5. *Правительственность (gouvernementalité)* — введенный Фуко термин, переключающий внимание с источников власти на фактическую форму правления, с *что* власти, на ее *как*, с мифической «властной инстанции», на властные отношения, собственно, на *форму власти, ее диспозитив, или, по-русски, расклад*.

6. Мусихин Г. И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма»//Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 9.

скими правами. Подобно тому как в архаическом ритуальном жертвоприношении распавшийся и обветшавший мир восстанавливается в своей целости, или как призванный Моисеем к соблюдению заповедей Израиль заключает *завет* (тот же договор) с единственным Богом, становясь «избранным народом», так же акт заключения общественного договора, который сам Гоббс уподобил Заветам, как Ветхому, так и Новому, творит гражданское общество. Не случайно процедура выборов, периодически обновляющая власть в суверенных демократиях и являющаяся возобновлением общественного договора, до сих воспринимается как квазисакральная. Даже в похоривших все права граждан диктатурах диктаторы считают нужным время от времени проводить мероприятие, называемое ими «выборы».

Уподобление общественного договора Завету говорит о том, что, невзирая на все теологические импликации, новая его версия — секулярная. Гоббсово положение о том, что государство *сделано самими людьми*⁷ — в акте заключения общественного договора — является основополагающим для понимания новоевропейской идеи государственного суверенитета. Какие бы формы потом ни приобретала теория общественного договора с ее очевидно богословскими корнями, незыблемым остается факт десакрализации государственной власти. Гоббс

7. Важно отметить, что политическая концепция Гоббса логично проистекает из его общей гносеологической позиции и соответствующей классификации наук. Знание он делит на «абсолютное» (это то, которым обладают свидетели) и «условное» (научное; «если..., то...»). Последнее характеризуется разной степенью достоверности, зависящей от возможно более полного перечисления «если». Наиболее достоверное научное знание мы имеем (можем иметь) там, где сами являемся творцами исследуемой нами реальности. Таким образцовым, по Гоббсу, научным знанием является геометрия, исходные элементы которой — точки, линии и фигуры — суть данные им нами самими определения. Это знаменитый, благодаря более поздней формуле Дж. Вико, принцип *verum-factum*: истинным знанием о чем-либо обладает тот, кто это нечто сам сделал. Желательно, «из ничего». Такой «автор» (*auctor*, делатель) известен. Это Бог. Так вот, человек — не творец мира, он не в состоянии творить из ничего, чтобы знать все причины вещей; поэтому полное знание природы ему недоступно, но есть вещи, которые творит он сам — в числе их, наряду с геометрией, политика и этика.

может молиться на смертного бога и на его монаршую ипостась, но он знает: бог — смертный, ибо сделан самими людьми по их образу и подобию (как многочисленные искусственные автоматы эпохи).

Аллюзия на искусственный автомат тоже не случайна. В отличие от средневекового *сюзерена*, новоевропейский *суверен* опирается не на верных ему («крышущим» им) вассалов и союзников, но управляет государством, неуклонно эволюционирующем в регулярное, по отношению к которому он — такая же *функция*, как и его подданные. Гражданином Капетом Капетинг стал задолго до того, как ему отрубили голову.

Конечно, определение государства как смертного бога — метафора. Но, как писал в свое время Джамбаттиста Вико, всякая метафора — это маленький миф, и когда-то она была мифом большим, реальностью «века поэтов», творивших богов своим воображением. Власть государства — власть целого над своими частями, которое, в отличие от конгломерата, *артикулируется*, то есть со-членяется из определенных (системных) частей, располагающихся в строго определенном порядке (это называется *кодом*), благодаря чему и возникает эмерджентное качество целого, которым в отдельности не обладает ни одна из составных частей⁸. Как секулярная версия древнего Завета (Ветхого и Нового) монотеистической религии общественный договор *артикулирует целое нации*⁹: его пункты (условия) суть те же заповеди (или табу), принятие которых и следование им, собственно, и сообщает возникающей общности черты целого,

8. Так, Платон и Аристотель различали «части золота» и «части лица».

9. Повторю, механическая сумма частей не дает целого, но конгломерат. Слово «народ» может обозначать какое-то число где-то народившихся и живущих людей, но «избранным», т. е. целым, народ сделает соблюдение заповедей, а именно, условий договора, предлагаемых ему Богом как высшей властной инстанцией через своего пророка. Можно говорить о репертуаре табу, составляющих *код культуры*. В этой связи становится понятным сопряжение *мистики* и *аскезы*: аскетическое воздержание от определенных действий созидает некую духовную общность «своих», «верных» и т. п., обединенную молчаливым взаимопониманием ее членов — непропицаемой *unio mystica*.

простирающего свою власть на всех граждан государства. Как секулярная версия Заветов, общественный договор в некотором смысле восстанавливает политеизм, потому что независимых государств много и созданы они разными общественными договорами. Граждане разных государств подчиняются разным смертным богам, хотя могут принадлежать одной конфессии¹⁰.

Ключом к пониманию власти в любом обществе служит сама *процедура установления* властных отношений. Для феодальной власти эта процедура заключалась в установлении вассально-сеньориальных отношений в ритуале оммажа (фр. *homage* от лат. *homagium* или *hominium*). Ритуал здесь не дань традиции, а самая суть совершающегося действия, имеющего характер священнодействия. Ритуально-сакральный характер средневековой культуры предполагал возведение любого действия к протодействию и протопоступку — божественному акту сотворения мира. Ритуальное действие было актом причащения божественной благодати, той самой *auctoritas* творца мира, его автора (*auctor*), которого требовало любое начинание, и без которой было невозможно какое-либо умножение сущего. Оммаж был церемонией публичной, что хоть как-то гарантировало соблюдение клятвы в верности. Феодальная власть держалась честным словом (на честном слове), как банковская держится на доверии (кредит). И еще одна важная деталь: церемония не могла не быть личной (руки в руки, поцелуй и т. д.). Интронизация или инаугурация правителя новоевропейского государства использует старую атрибутику, включая клятву в верности, приносимую на Библии или конституции главой суверенного государства, но теперь это ритуал в современном смысле, «формальность», протокол вступления в должность.

Конституции современных демократий, где они есть, как правило, провозглашают или подразумевают источником и но-

10. Государственный суверенитет вносит существенные поправки в отношение к религии. Откровенно высказывается Гоббс: «Религия — пишет он, — страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством. Когда они не допущены — это *суеверие*» (с. 43). Выдумки, допущенные государством, — религия, не допущенные — суеверия. Тем не менее, человек свободен исповедывать ту или иную конфессию.

сителем государственного суверенитета народ. Проведение в них выборов обеспечивает регулярную смену власти посредством возобновления общественного договора и, тем самым, осуществление народного суверенитета. Разделение властей — исполнительной, законодательной и судебной — наряду с действующей системой защиты прав «человека и гражданина», призвано предотвращать всегда возможную узурпацию власти.

Демократическое устройство общества в современном мире, отнюдь не в противоречии с критикой, иногда радикальной, представительной демократии, вслух или молча признается если не нормативным, то желательным; вполне себе тоталитарные режимы именуют себя народными, совершающие государственный переворот генералы и полковники обещают скорые выборы, режим аятолл правит в исламской *республике*. Очевидные минусы и недостатки демократических систем правления в суверенных государствах оправдываются тем соображением, что все равно человечество в своей истории лучше ничего не придумало. Крах советского блока в противостоянии капитализма и социализма (не будем забывать, что это был «реальный» социализм, т. е. социализм закавыченный), представлявшийся победой либеральной демократии, даже поселил в некоторых ученых головах мысль о конце истории, не состоявшемся, как вскоре выяснилось. История снова, как всегда, только начинается.

Очевидно, что провозглашение источником власти в стране народа само по себе реального народовластия не обеспечивает, требуя упомянутых выше гарантий народовластия. Народ может名义上 считаться источником власти, но реально она сосредоточивается в руках представляющих его народных *представителей*, окопавшихся в выборных *органах*; прямое народное правление в большой стране неосуществимо. Манипуляции общественным мнением, подкуп избирателей и тех же депутатов, судей, СМИ; межпартийные договоренности лидеров партий и фракций в парламенте, применение грамотных политтехнологий, работающих на нужного кандидата, непрозрачная процедура выборов, позволяющая фальсифицировать их результаты, словом, все то, что составляет арсенал средств так называемой *реальной политики*, выхолащивает

саму идею народного правления. Критики представительной демократии имеют резон называть ее обществом спектакля¹¹. Понятие народа-суверена как источника политической власти, понятное и оправданное исторически, ничего не говорит о действительном характере власти и ее осуществлении, оно объявляет народ властной инстанцией, не проясняя того, что такое политическая власть в принципе, и в какую парадигму мы встраиваемся, полагая ее источником народ.

Но даже народовластие, предположим, осуществленное, может радикально не совпадать с тем, что ныне считается демократическим устройством общества, либеральной демократией, отличительная особенность которой состоит в том, что в ней соблюдаются *права человека и гражданина*. Авторитарные и тоталитарные режимы сплошь и рядом именуют себя истинной демократией, апеллируя, опять же, к своему суверенитету (ср. характерное: «суверенная демократия»). Запрещающее вмешательство во внутренние дела других государств, откровенно попирающих права собственных граждан, понятие народного суверенитета вполне может быть юридическим прикрытием фактического отъема власти у населения и передачи ее правящим элитам, контролирующим госаппарат и силовые структуры; в межгосударственных отношениях суверенные выборные демократии, *по определению озабоченные благосостоянием в первую очередь собственных граждан*, легко идут на уступки агрессивным тоталитарным режимам и на сотрудничество с ними. *Real politics* правит как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях.

Вернемся к политическому порогу современности, к рождению суверенитета. Хоть он и понимается как верховная власть, но верховенство власти вводилось здесь как ограничитель вмешательства; суверенитет означал и означает прежде всего невмешательство. Персонификация суверенитета в личности монарха, ставящая последнего над законом, мыслилась в свое время лучшей гарантией невмешательства. Этот цветочек рос как бы между ветвей власти, осуществляя высший арбитраж. Что касается межгосударственных отношений

11. Дебор, Ги. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.

и международного права, то в этой сфере суверенные государства сохранили свое «естественное право на все»¹², не суверенные или менее суверенные государства позволить себе этого не могли. Суверенитет надо было отвоевывать и защищать. Вестфальский мир, в целом положивший конец религиозным войнам в Европе, не только не стал «вечным миром», но открыл эру войн секулярных, межгосударственных. Таким образом, суверенитет как принцип невмешательства во внутренние дела другого государства работает (т. е. позволяет избежать войны) там, где сложившийся на международной арене баланс сил и интересов более или менее устраивает основных (наиболее сильных) игроков, предпочитающих, глобальным конфликтам локальные горячие точки как полезные для поддержания тонуса. Так или иначе, суверенитет остается частью нашей реальности; мы живем в более или менее суверенных государствах, не связанных между собой отношениями общественного договора, но связанных отношениями..., в которых, повторю, решающим оказывается баланс сил и интересов. Как политico-юридическое, унаследованное от прошлого со всеми свойственными ему коннотациями понятие суверенитета размыто, противоречиво. Например, принцип национального государственного суверенитета противоречит принципу национального самоопределения: каким надо быть народу, чтобы заявлять претензию на национально-государственную идентичность? Как быть с беженцами? Все это реальные проблемы глобализирующегося мира, с которыми приходится иметь дело, и которые не решаются простой апелляцией к чьему бы то ни было предполагаемому, вымышленному или реальному суверенитету.

Мишель Фуко в свое время показал, как по мере становления, укрепления и развития новоевропейского государства его внутренняя политика становится *биополитикой* в связи с появлением нового политического феномена «население», представляющего собой экономический ресурс, о котором власти вынуждены теперь заботиться, регламентируя частную сферу жизни, ранее регламентации не требовавшую.

12. Включая, как мы видим, угрозу применения ядерного оружия.

Но Фуко показал не только это. В его общей историко-философской концепции («истории настоящего») прогрессирующая регламентация человеческой жизни поставлена в прямую связь с «субъективизацией» (*assujettisation*), амбивалентным процессом превращения человека в новоевропейского *субъекта*, каковым мы все себя считаем в качестве существ разумных и более или менее самостоятельных, но также и с процессом *подчинения* этого субъекта все более тотальной государственной регламентации, ярмо которой он *добровольно* надевает на себя, поскольку до поры до времени полагает, что регламентация — в его личных интересах, и принимаемые нормы сводятся в основном к обеспечению его *безопасности*. Таким образом он оказывается прямым проводником государственной политики, лишающей его права принимать решения относительно собственного тела и поведения и апеллирующей к науке (или псевдонауке) и выносимым ею рекомендациям, т. е. все шире замещающей *поступок* разнообразными «научно обоснованными» (можно и без кавычек) *техниками и технологиями*. Изначально передав заботу о себе государству, новоевропейский субъект в принципе позволил ему *научно-технически управлять всей тотальностью своего существования*. Возложив заботу о себе на государство, он сложил ее с себя.

В гораздо более радикальной концепции Джорджа Агамбена биовласть и биополитика изначально присущи суверенной власти как таковой, так как ее учреждение в качестве *политической* происходит за счет исключения из нее так называемой «голой жизни», исторгаемой в сферу, нейтральную как к правовому, так и неправовому состояниям. В *структуре исключения* как то, что исторгается из сферы права. *Правовой механизм включается в действие посредством исключения из него*. Исключение создает зону *по ту сторону* как правового, так и неправового состояний, нейтральную по отношению к обоим. Понятие «голой жизни» появляется в этом контексте в связи с тем, что у живших в античном *полисе* изобретателей политики существовало строгое концептуальное разграничение между политикой и домашним хозяйством, между *полисом* и *оikosом*. «Закон дома», *оикономос*, откуда наша «экономика», обеспечивал воспроизводство «просто» жизни, в отличие от нее *политика* — имела целью со-

вместную «благую» жизнь «политических животных», которые потому и «политические», что наделены словом и разумом и способны управлять полисом ради совместной благой жизни. Домом правил *деспотес*, господин, глава семьи, включавшей всех, кто живет и работает в доме, и только он — свободный гражданин полиса — наряду с такими же господами свободными гражданами — допускался к его правлению; женщины, дети, рабы, бедняки, не-граждане политических прав не имели.

Исторгнутая из права и закона «голая жизнь», «священного человека» (*homo sacer*), которого нельзя принести в жертву, но можно безнаказанно убить, жизнь, «недостойная быть прожитой», оказывается таким образом в зоне, нейтральной по отношению к закону или беззаконию. Такова необходимая «структура исключения», вне которой не может возникнуть инстанция политического. Слово «зона» в этом контексте оправдывает возникающие коннотации с «зоной», потому что реальным ее воплощением в современности выступает концентрационный лагерь: не тюрьма (область права) и не «гражданка», а некое *al di qua* обеих.

В связи с этим, согласно Агамбену, нельзя говорить, что естественное состояние исторически предшествовало гражданскому правовому: *естественное состояние* хронологически не предшествует основанию государства, но «представляет собой сущностное свойство этого последнего, проявляющееся в тот момент, когда Город предстает *tanquam dissoluta* (следовательно, как находящийся в ситуации чрезвычайного положения)». Отсюда капитальная максима, позаимствованная у Карла Шмитта: суверен — тот, кто вводит чрезвычайное положение.

Эту мысль можно пояснить, проведя аналогию с естественным языком: доязыковое состояние, которое в эволюции жизни на Земле, вроде бы, предшествовало появлению говорящих существ, и которое несомненно осознается нами, когда мы говорим, как независимое от наших речей (вещи существуют независимо от того, говорим мы о них или нет), тем не менее, не предшествует языку, но представляет собой некое сущностное его свойство (способность относить слова к вещам, порождая смыслы и значения), причем, свойство, проявляющееся в тот миг,

когда язык предстает *tanquam dissoluta*, в ситуации сбоя в обществе, т. е. тоже оказывается как бы в чрезвычайном положении. Внеязыковая реальность существует как истончната из языка. Именно поэтому язык на самом деле способен описывать *действительное* положение дел и называть вещи своими именами. Язык и политика начинаются «всегда сейчас», и их «начало» обнаруживает себя в *структуре исключения* как то, что истончнется из языковой или правовой сфер.

Последовательно проводя эту идею, Агамбен проследил существенную связь биополитики с тоталитаризмом: власть фюрера неограничена в той мере, в какой он отождествляет себя с самой биополитической жизнью народа. Благодаря достигнутой биополитической *identity*, *тождество* лидера нации с его народом, слово вождя немедленно становится законом. Замечу, что это же тождество, прокламируемое и аккламируемое в патриотических акциях, неизбежно ставит вопрос о коллективной вине и ответственности народа за преступления режима.

Это важно подчеркнуть: власть вождя — дуче, фюрера, отца народов или лидера нации — *не является* властью диктатора, извне подчиняющей себе волю и тело подданных; вождь — *репрезентант* буквально, поскольку ре-презентирует, т. е. *представляет собой*, собственной персоной, единство и родовое равенство нации. Чем больше «репрезентируемых» готовы и счастливы узнать себя в репрезентанте, тем больше его сила. В отличие от представительной власти народных представителей, представляющих себя таковыми, вождь непосредственно *себой* представляет род, народ, нацию, причем именно их *родовое единство*, которое может быть и многонациональным, например, в случае «отца народов».

Власть эта апеллирует к архаике даже в случае «самого передового учения», а архаика — это, так или иначе, кровь и почва. Номос земли и «традиционные ценности». На новом историческом витке биополитическая *identity*, оседлав которую вождь въезжает в капиталистическую современность, автоматически делает его защитником почвенных и кровных рода-племенных традиций, а на самом деле, племенной мифологии, нарочито к этим целям подверстываемой. Архаика домостроя совмещается с современностью биополитики, то-

тально регулирующей частную жизнь, превращенную в биополитико-экономический ресурс уже чисто диктаторского правления. Таким образом, вся «органика» отождествления народа со своим вождем остается на стороне народа, и именно, совсем уж «глубинного»; на стороне вождя, это — если не понятное помешательство на собственном величии, то циничный расчет, а чаще и то, и другое.

Народ, между тем, как его ни квалифицировать, хотя бы в зародыше сохраняет то, что принято называть *способностью суждения*, на которую и обрушивается вся мощь государственной пропаганды и государственного насилия с целью редуцировать ее к минимуму и подпереть единовластие откровенно насаждаемым единомыслием. Потому что опасность для узураторов власти на самом деле исходит отсюда.

И тут самое время расширить понятие суверенитета, включив в него суверенную личность. Речь пойдет об уже упомянутой в связи с Фуко «заботе о себе». Забота о себе, как она интерпретируется в «Герменевтике субъекта», представляет собой некую рефлексию буквально, т. е. не мышление о чем-то, а такое обращение на себя, или «мышление себя мыслящего», которое впервые (всегда впервые) *приводит меня в себя* и собой делает. Оно приводит меня в себя, то есть в ум, потому что делает меня способным *отнестись* к себе самому, иначе говоря, установить с собой отношение. Чисто логически это *установление отношения с тем, с чем его нельзя установить*. Невозможно вступить в отношение или выйти из отношения с тем, что принадлежит самой форме отношения. Однако логический круг разрывается герменевтическим (потому и герменевтика субъекта). И не будем забывать, что речь о заботе о себе, заходит у Платона в связи с освоением науки *правления* («Алкивиад I»), которая постигается *в мгновение ока*, ибо и является ни чем иным, как *фактическим* установлением отношения с самим собой в поисках того пра-вящего начала, которое есть «самое само» души, а не нечто мне принадлежащее. Эта «забота» отделяет меня от всего *моего* (тела, души со всей их начинкой, вещей, обстоятельств, мнений, оценок, поступков...). Без такого отделения я бы принадлежал им безраздельно, как скупой рыцарь своим сокровищам, т. е. они не были бы моими, поскольку меня бы не было.

Наука правления постигается в мгновение ока в этом первичном опыте себя (в заботе о себе), почему последняя и оказывается условием заботы о других. Опыт себя реально делает меня собой, потому что я смотрю на себя глазами другого, который всегда уже там, где я, ни раньше и не позже.

Сенека писал Луцилию: «*Multa effugisti, te nondum*», ты от многоного ушел, но не от себя самого. Римскими стоиками забота о себе (*cura sui*) понималась как избавление от самого тяжелого и безысходного вида рабства, *рабства себе*, тождественного глупости — *stultitia*. *Stulti* — те, кто не умеет позаботиться о себе, обернуться на себя, сделавшись самим собой, *кормчим* (кубернетес) самого себя. Они глупцы, потому что не видят себя «со стороны»... другого или других, не могут посмотреть на себя их глазами. Я — это тот, кто знает, что на него смотрит другой, глазами которого он смотрит на себя «со стороны» с тем, чтобы понять, как к нему относиться. Мое отношение к себе опосредовано другим, без которого оно было бы невозможно, и я бы не мог время от времени приходить в себя.

Опыт себя делает меня кормчим (кубернетес) самого себя; с правления собой начинается правление другими, потому что эта «кибернетика» и есть подлинное начало власти, начало правления (а также науки правления, но тем самым и науки свободы), ведь если ты не правишь собой, как же ты правишь другими? Другая — и важнейшая — часть той же науки — это полученное на себе (опыт себя) феноменологическое (значит, очевидное абсолютное) знание того, что другие, те, которыми ты управляешь, во-первых, есть, во-вторых, они — такие же, они способны прийти в себя (посмотреть на себя со стороны предположительно твоими глазами). Они есть, потому что их бытие есть условие твоей возможности смотреть на себя глазами другого, т. е. быть собой.

Пробивающее брешь в глухой стене рабства себе (например, моего страха за себя) искусство обращения — это умение быть свободным («не по праву квиритов»), и если политика есть искусство правления свободными (это не идеал политики, а ее онто-логическая реальность), то прав Фуко, сказавший, что в самом средоточии власти ей бросает вызов свобода.

Власть и свобода берутся из одного источника, однако это «начало» — не субстанция, не всеобщее «подлежащее» во всех возможных его ипостасях (ум, единое...), а опыт, опыт себя. Опыт, т. е. испытание, испытание свободой для личностей, народов, суверенных наций и государств, которое — как всякое испытание — то ли проходят, то ли нет. Расплата за непрохождение — частичная или полная утрата суверенитета.

Towards the notion of «sovereignty»

Alexander Pahonyaylo

Abstract. The concept of “sovereignty” is examined in the article in the context of an epochal shift from the medieval, conventionally “imperial” in its normativity, idea of power to new European ideas about power and practices of government associated with the emergence and strengthening of new European nation states. Its necessary historical correlate is the concept(s) of the social contract as a secular version of the Testament.

Keywords: sovereignty, empire, state, social contract, science of government, biopolitics.

DOI: 10.55167/bde97951a4a2

От суверенитета государства к гражданскому суверенитету

Кирилл Мартынов

Кандидат философских наук, профессор Свободного университета,
email: kirill.martynov@gmail.com

Аннотация. Концепция суверенитета развивалась параллельно с идеей частной собственности. Домовладелец выступает в качестве эквивалента суверена на территории, в отношении которой они имеют законные права. В течение XX века права членов семьи стали пониматься как фундаментальные по отношению к праву главы семьи распоряжаться своей собственностью. Механизм, который определил этот переход, был связан с массовым движением женщин за избирательные права — то есть за право быть представленным за пределами домовладения без посредничества отца или мужа. Эмансипация привела к тому, что женщины стали субъектами отношений частной собственности, а государства были вынуждены разрабатывать эффективные правовые и полицейские институты защиты интересов членов семей. Аналогичный процесс, с опорой на идею прав человека развивался в XX веке применительно к понятию политического суверенитета, однако переход к праву граждан быть представленными в мире без посредничества своих правительств не был завершен, а существующие институты международного права деградируют перед лицом агрессивной идеологии «органических» притязаний великих держав. Поиск нового баланса между суверенными интересами государства и граждан может потребовать ревизии поствестфальских представлений о политических сообществах.

Ключевые слова: суверенитет, гражданский суверенитет, частная собственность, права человека, эмансипация, международное право, демократия, национальные интересы, органические теории суверенитета, политическое представительство, международные институты, баланс суверенитетов.

В политической философии XX века широкую дискуссию о суверенитете попытались редуцировать к вопросу о статусе суверена, персонификации верховной власти на определенной территории. Классическое определение, принадлежащее Карлу Шмитту, утверждает, что суверен определяется через возможность объявления чрезвычайного положения, то есть приостановки действия обычных законов. Задача Шмитта за-

ключалась в том, чтобы определить сущность верховной власти и отличить ее тем самым от всех прочих видов политических отношений. Философ находит место суверена в его праве выйти за рамки повседневных правил и обратиться к самому источнику верховной власти, подобно тому как христианские теологи описывали отношения бога с миром. Суверен для Шмитта — творец политической реальности, определяющий ее границы, но не один из ее участников. Если политическая власть сводится к конституционному порядку, то суверен, по Шмитту, находится вне этого порядка, ведь иначе он был лишь одним из участников процесса отправления власти.

Эта концепция Шмитта широко обсуждалась в последующие десятилетия. Современная теория прав человека и Всеобщая декларация прав человека (1948) стала общепризнанным ответом, призванным ограничить концепцию внутреннего суверенитета как неограниченной власти на данной территории. В данной статье мы вернемся к концептуальным предпосылкам неограниченного внутреннего суверенитета и проведем параллель между понятием суверенитета и теорией частной собственности.

Идея неограниченного внутреннего суверенитета (в противовес внешнему суверенитету как праву политического сообщества, как правило, нации или государства, представлять себя на международной арене) разрабатывалась, в частности, в работах Томаса Гоббса. Гоббс также был теоретиком частной собственности как фундаментальной идеи для европейской политической мысли XVII века. Частная собственность, согласно философу, характеризуется неотчуждаемым правом владельца распоряжаться своими активами на определенной территории — как деривативом от права суверена распоряжаться территорией государства (для Гоббса в отличие от Локка именно государство становится условием возможности стабильных прав частной собственности). Между концепциями суверенитета и частной собственности, таким образом, обнаруживается структурное сходство: собственник выступает как суверен на законно контролируемой им территории, признанной другими собственниками принадлежащей ему, никто не вправе

вмешиваться в дела такого собственника, а его власть, в свою очередь, ограничивается лишь естественным правом.

Собственнику, как и суверену, вменена обязанность заботиться о территории и находящихся на ней подвластных субъектах. Право частной собственности, которое легло в основу общества модерна, развивается параллельно с суверенным правом государств вести независимую политику, не ограниченную властью императора, вольных городов или церкви. Аналогом идеи невмешательства в дела суверенного государства становится запрет проникновения в частную собственность: оба правила дают государству или собственнику иммунитет от покушения на его интересы извне.

К XX веку классическая теория частной собственности, представленная Гоббсом, столкнулась с системным кризисом. Представления философа о собственности, выстроенные вокруг концепции домовладения как суверенной территории, которое контролируется старшим в роду — отцом и мужем, были противопоставлены растущему запросу женщин на участие в политической жизни. Скандал, вызванный движением суфражисток, требовавших распространить избирательное право на женщин, обозначил проблему теории частной собственности: помимо собственника-суверена на территории частного домовладения находятся другие субъекты, обладающие собственной волей и интересами. Система права, выстроенная в течение XIX века, предполагала, что собственник-суверен может распоряжаться членами своей семьи по своему усмотрению, поскольку обладает полнотой власти на данной (частной) территории. Механизмы вмешательства в частную жизнь семьи были недопустимы, поскольку предполагали ограничение полновластного правления собственника. Так, в викторианской Англии замужняя женщина с юридической точки зрения считалась ограниченно дееспособной, а ее муж выступал в роли ее опекуна. Именно эти соображения приводили консервативно настроенных юристов к выводу о том, что женщины не нуждаются в собственном голосе на выборах, поскольку интересы их домовладения полноценно представлены главой семьи.

Движение за всеобщее избирательное право активно развивалось в мире в тот момент, когда Карл Шmitt писал свою «Политическую теологию». Женщины боролись за право обладать собственной политической субъектностью и быть частью конституционного порядка без посредничества мужей и отцов и параллельно разрушали представление о классической теории частной собственности, в которой они (а также несовершеннолетние члены семьи) фактически рассматривались как находящиеся во владении мужа и отца. После окончания Второй мировой войны, параллельно с созданием Всеобщей декларации прав человека, законодательство, защищающее право собственника-суверена неограниченно распоряжаться своим домовладением, начало сворачиваться повсеместно. Женщины получили право на развод, было легализовано право женщины распоряжаться собственным телом (право на аборт), насилие в семье было криминализировано, мужья потеряли право на «супружеское изнасилование».

Эмансипация женщин стала примером наиболее успешного в истории западного мира примера разрушения внутреннего суверенитета, примененного к частному домовладению. В контексте теории суверенитета трансформация правовой системы западных стран в ходе XX века привела к ограничению власти собственника-суверена за счет появления новой системы политического представительства. Избирательницы-женщины реже были склонны голосовать за правительства, которые призывают к подавлению их прав, и фактически объявили о своем «суверенитете» в отношении бывших домовладельцев. Примечательно, что этот фундаментальный переход в рамках гендерной политики до сих пор часто считается маргинальным явлением, изучением которого занимаются лишь ученые-специалисты, несмотря на то, что он касался половины жителей западных стран и всего мира, а его результаты воспринимаются сегодня как «естественное положение вещей».

Правовая система западных стран, а также стран, взявших курс на западную модель модернизации, после разрушения классической теории собственности, была серьезно переориентирована на создание институтов, защищающих личную неприкосновенность, свободу и достоинство членов

семьи. Полиция обязана защищать права жен перед возможной агрессией со стороны мужей. Таким образом, классическая концепция частной собственности была эффективно ограничена правами человека.

Подчеркнем, механизм, который стоял за этим переходом, начинался с радикальной борьбы за признание политических прав и представительства для женщин, после чего демократические государства были вынуждены встать на защиту избирательниц и ограничить традиционно существовавшие «внутренние суверенитеты» домовладельцев. Ограничение частной собственности на территории домовладельца связано с эффективным расширением права государства на легитимное политическое насилие в отношении агрессоров в семье. Помимо юридических ограничений агрессоров сдерживает общественное мнение: даже самые крайние консерваторы в современном мире опасаются провозглашать *Realpolitik* в отношении своих домочадцев, опасаясь социальных последствий со стороны соседей, работодателей и медиа.

В том же направлении двигалась созданная после окончания Второй мировой войны Организация Объединенных Наций и другие международные институты. Одна из функций, закрепленных в уставе ООН, связана с представительством интересов граждан в том случае, когда их права нарушены национальным правительством. [Параллельно были учреждены такие институты, как Международный уголовный суд и Европейский суд по правам человека. В отличие от национальных правовых систем, эти институты не имеют эффективных инструментов для принуждения суверенных правительств к отказу от агрессии в отношении граждан. Однако для демократического государства признание приоритета международного права и возможности международных организаций защищать права человека на суверенной территории связаны с волеизъявлением избирателей, которые видят в этих институтах дополнительные гарантии безопасности. Демократия в этом вопросе оказывается сущностно связана с выстраиванием системы ценностей, где права человека стоят выше интересов национального правительства.

Однако, таким образом, на пути безусловной защиты прав человека по аналогии с защитой интересов членов домовладения, встали отсутствие эффективной системы принуждения агрессора-государства к выполнению своих обязательств, а также сам дизайн поистребительской международной системы, в которой государство объявляется приоритетным легитимным представителем интересов своих граждан на международной арене. Действия суверенного правительства отождествляются с коллективной волей граждан вне зависимости от того, какие конкретные последствия они несут для конкретных людей на суверенной территории.

Неограниченный внутренний суверенитет и идея государства-универсального представителя интересов граждан неизбежно коррумпирует представления о внешнем суверенитете как праве наций автономно действовать на международной арене. Если в отношении собственных граждан суверенное государство обладает абсолютными правами, то единственным способом действия в международной политике становится *Realpolitik*, право сильных государств диктовать свою волю всем остальным. Отношение к другим странам строится по аналогии к собственным гражданам: ради суверенитета большого государства их собственный суверенитет может быть произвольно ограничен.

Анализ того, как в XXI веке возрождаются «органические», то есть внеправовые, не построенные на международном праве, концепции суверенитета, представлены во влиятельной статье Роланда Пэриса «Право доминировать. Как старые теории суверенитета бросают вызов мировому порядку». Статья была опубликована накануне вторжения Российской Федерации в Украину, но уже могла опираться на события, связанные с аннексией Крыма и поддержкой российской диктатуры «сепаратистских движений» на востоке Украины. С точки зрения Пэриса, аналогичные тенденции к обоснованию «органического суверенитета» над внешними территориями, связанными с «исторической справедливостью» или просто права сильного, характерны для современного Китая и администрации Трампа в США.

В случае российской агрессии суверенитет стал, по сути, магическим концептом, который, с одной стороны, обозначает право Кремля на агрессию на своих имперских территориях, а, с другой, претензию на возвращение к старой норме в международных отношениях, которая предполагает деление государств на империи и их сателлитов. Официальный российский «суверенитет» начинается, как право диктатора творить произвол в отношении собственных граждан, и завершается мечтой о новой Ялте, разделе сфер влияния в мире в интересах великих держав. В такой картине мира суверенитета никогда не бывает достаточно. Самодостаточной целью диктатуры становится одновременно умножение произвольных правил и ограничений, наложенных на граждан в борьбе за «суверенное право государства» (здесь российская диктатура достигла больших успехов), а также захват территорий более слабых государств. Бастардизированная концепция суверенитета предполагает, что суверенитет растет, если растет территория государства.

В литературе о гендерной теории широко распространен тезис о том, что система патриархальной власти является системой угнетения не только для женщин, но также для «привилегированного класса» мужчин, которым навязывается определенная модель социализации. Сопротивление домашнему насилию, например, выгодно не только женщинам, но и мужчинам. В этой логике государствам, в том числе так называемым великим державам, в том случае, если они заинтересованы сохранять потенциал к устойчивому развитию, должно быть выгодно ограничивать свой внутренний суверенитет за счет гражданского суверенитета, представленного в виде концепции прав человека.

Модель Карла Шмитта, связывающая фигуру суверена с правом объявлять чрезвычайное положение, должна быть ограничена правом гражданина на защиту своих базовых интересов через апелляцию к международным институтам, своего рода права индивида объявить чрезвычайное положение и быть представленным в мире без посредничества собственного государства. Путь к ограничению органических теорий внешнего суверенитета и права сильного в международной политике лежит через ограничение внутреннего суверенитета

как права государства на произвол в отношении граждан. Мир сделал к этому несколько шагов во второй половине XX века, учредив международные институты по защите прав человека, но на сегодняшний день идея изолированных национальных политических сообществ в духе Шмитта возвращается и берет реванш. Баланс суверенитета гражданина и интересов государств, проблемы которого становятся очевидной не только на фоне роста числа диктатур, но и кризиса массовых демократий, может потребовать пересборки основных принципов формирования политических институтов в мире. Как женщины сто лет назад боролись за право быть представленными в парламентах без посредничества своих мужей, граждане будут бороться за право представления своих интересов на международной арене без посредничества национальных правительств. В дополнение к теряющей влияние платформе ООН может потребоваться учреждение мировой ассоциации гражданских объединений. Великие державы не должны иметь права вмешиваться в суверенные дела других государств, но граждане любого государства должны иметь право на защиту своих интересов перед лицом своих суверенитетов. В этой пересборке глобальных политических сообществ, возможно, открываются часть ответов на вызовы, стоящие перед современными демократиями и системой международных отношений: граждане должны получить право представлять свои интересы не только в рамках своих национальных сообществ, но и глобально.

Библиография

- Гоббс Т. О гражданине // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1991.
- Пейтмен, Кэрол. «И сотворил бог мужчине помощника»: Гоббс, патриархат и супружеское право // Феминистская критика и ревизия истории политической философии. М., 2005.
- Paris, Roland. “The Right to Dominate: How Old Ideas About Sovereignty Pose New Challenges for World Order” // International Organizations, 2020.
- Shanley, Mary Lyndon. Feminism, Marriage, and the Law in Victorian England, 1850–1895. Princeton University Press, 1993.
- Schmitt, Karl. Political Theology. Four chapters on concept of political sovereignty. MIT, 1986.

From State Sovereignty to Civil Sovereignty

Kirill Martynov

PhD in Philosophy, Professor, Free University, email: kirill.martynov@gmail.com

Annotation. The concept of sovereignty developed in parallel with the idea of private property. The householder acts as the equivalent of the sovereign in the territory over which they have legal rights. During the twentieth century, the rights of family members came to be understood as fundamental to the right of the head of the household to dispose of his or her property. The mechanism that determined this transition was the mass movement of women for suffrage — that is, the right to be represented outside the household without the mediation of a father or husband. Emancipation brought women into private property relations, and states were forced to develop effective legal and police institutions to protect the interests of family members. A similar process, based on the idea of human rights, developed in the twentieth century in relation to the notion of political sovereignty, but the transition to the right of citizens to be represented in the world without the mediation of their governments has not been completed, and the existing institutions of international law are degenerating in the face of the aggressive ideology of the “organic” claims of the great powers. The search for a new balance between the sovereign interests of the state and citizens may require a revision of post-Westphalian notions of political communities.

Keywords: sovereignty, civil sovereignty, private property, human rights, emancipation, international law, democracy, national interests, organic theories of sovereignty, political representation, international institutions, balance of sovereignties.

DOI: 10.55167/71675dc8e736

Суверенитет, международное право и война

Попытка развенчания мифов

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Latvija)

Аннотация. Автор рассматривает эволюцию понятия суверенитета в современном международном праве. Суверенитет государства не является абсолютным и может ограничиваться добровольно принятыми международными обязательствами. В работе проводится различие между внешним и внутренним суверенитетом, при этом подчеркивается, что в демократических государствах не может быть неограниченного внутреннего суверенитета, в отличие от диктатур, которые манипулируют этим понятием. Классическая концепция суверенитета, продолжающая оставаться императивом в поведении большинства государств, на теоретическом уровне давно уже не выглядит бесспорной, и многие научные школы так или иначе пересматривают это понятие.

Ключевые слова: суверенитет, суверенное государство, Вестфальский суверенитет, внутренний суверенитет, народный суверенитет, суверенитет и война, суверенитет и диктатура, ограниченный суверенитет, угроза суверенитету, ответственность по защите, обязанность защищать, любимое слово Путина.

Суверенитет является одним из самых любимых слов человека, называющего себя Президентом России. Все годы своего почти четвертьвекового правления он говорит о суверенитете. В последнее время особенно много. Слово это звучит из его уст практически рефреном. Только в предисловии ко своей прямой линии 14 декабря 2023 года (ежегодное мероприятие, в ходе которого он якобы отвечает на вопросы граждан России) он семь раз повторил его. Потом произнес его еще 11 раз. Он сам признает за собой это множественное словоупотребление: «Я много раз говорил, что существование России без суверенитета

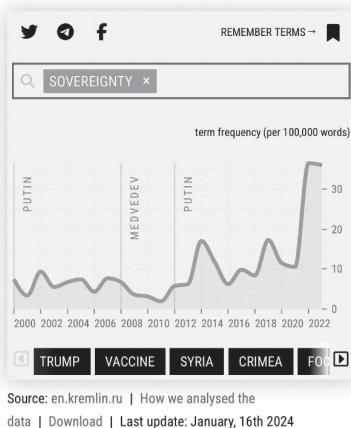

Рис. 1

по Конституции своей страны вправе определять основные направления внутренней и внешней политики государства (ч. 3 статьи 80). Поэтому его слова и смыслы, которые он в эти слова вкладывает, далеко небезразличны и, более того, небезопасны. Эти смыслы становятся смыслами той самой политики. И если внутренняя политика в первую очередь важна для граждан России, то внешняя касается ее соседей и всего мира в целом. Именно поэтому считаю необходимым попытаться разобраться с любимым словом Владимира Путина и с различными коннотациями этого непростого термина, который много и серьезно обсуждается политиками и учеными. Насколько эти коннотации соответствуют современным представлениям о международном праве, о добросовестном политическом поведении, об уважении и сотрудничестве, о войне и мире?

Вот динамика употребления термина «суверенитет» российскими политиками с начала века² (рис. 1). Примечательно,

ренитета невозможно. Поэтому главное — его укрепление¹. Путин не разъясняет нам, что такое суверенитет. Его пассажи о суверенитете довольно туманны. А общий вывод примерно такой: у нас отнимают наш суверенитет, мы должны за него бороться, а иначе всем нам будет плохо и все мы станем рабами.

Так ли это? Казалось бы, ну что такого, что человеку нравится какое-то слово. Пусть себе говорит. Но! Человек этот

1. Почему Путин бесконечно (уже два десятилетия) говорит о суверенитете? И что вообще значит это слово — для него и для всех остальных? URL: <https://tinyurl.com/26dz3ds7>.

2. Онлайн-платформа dekoder проанализировала более 10 000 кремлевских публикаций, чтобы определить как часто употребляются те или иные термины: <https://putin.dekoder.org/en/#q=sovereignty>.

что все подъемы этой динамики приходятся на агрессию, а пик совпадает с началом полномасштабной войны.

Суверенитет — что это такое?

О суверенитете написано очень много научных исследований. Историками, политологами, юристами, лингвистами. Суверенитет является одним из наиболее часто используемых полемических и вызывающих раздражение понятий в политике. Что же это такое на самом деле?

С самых первых дней учебы в любом российском юридическом вузе студенты механически выучивают четыре главных признака государства: территория, публичная власть, гражданство и суверенитет. И если потом в других учебных курсах три первых признака подробно и детально исследуются и конкретизируются, то четвертый так и остается однажды механически заученным и неразъясенным. Просто принятый как аксиома. К этому все привыкли как к некой данности, к затверженной наизусть формуле о том, что суверенитет — это верховенство государства в пределах его границ и независимость на международной арене (упрощенное в России до независимости внутри страны и за ее пределами).

Суверенитет — неизмеряемое состояние (качество, признак — как угодно). Территорию можно измерить, граждан можно снабдить паспортами и посчитать, публичную власть описать поинститутно. А суверенитет нельзя. И полноценной дефиниции ему невозможно дать³. «Общепризнанного опре-

3. Определения, дающиеся понятию суверенитет различными учеными, весьма лукавы. Например, многократно перечитав и многажды пытаясь постичь определение А. Д. Каткова, я так и не смогла понять, о чем идет речь. «Суверенитет (государственный) (фр. *souveraineté* — верховная власть) — это неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политico-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права; необходимое для исключительного верховенства государственной власти и предполагающее неподчинение власти другого государства; возникающее или исчезающее в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социального

деления суверенитета, закрепленного в каком-либо международно-правовом или внутригосударственном источнике, не существует. Суверенитет является умозрительной правовой конструкцией, которая, однако, имеет вполне ощутимые политico-правовые последствия для государств» — утверждает профессор Алексей Моисеев⁴. Потому что, что такое независимость? Неуловимый Джо, который неуловим, потому что он никому не нужен и его никто не ловит? Независимый депутат парламента, от которого в действительности ничего не зависит, поскольку он вне фракций и коалиций? Можно ли сегодня представить себе государство, которое ни в чем не зависит ни от кого? Лично мне на ум приходит только город-государство в пустыне, окруженный высокими стенами, да и то только ночью, когда закрыты городские ворота. Как только ворота открылись и в город вошел первый караван, начинается согласование интересов, которое ограничивает абсолютную независимость внутри крепостных стен. Конечно, за исключением случая, когда погонщики каравана убиты, товар разграблен, а верблюды съедены. Но в таком случае следующий караван не войдет в этот город. И что тогда ему остается посреди пустыни? Только голая независимость?

«Есть ли в мире «суверенные страны? Боюсь, что нет, — рассуждает финансист и экономический блогер Андрей Мовчан. — Суверенитет красиво звучит, но плохо работает. „Суверенными“ пробуют быть разные страны. Как правило в мире всеобщей кооперации они обречены либо на очень существенное отставание в качестве жизни, либо на достаточно жесткую зависимость от кого-то под маской „парадного суверенитета“. В последнем случае качество жизни в них тоже сильно страдает — этот „кто-то“ является монопольным патроном и эксплуа-

организма; обусловленное правовым равенством независимых государств и лежащее в основе современного международного права».
Вот о чем это? См.: Катков А.Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // Международные отношения. 2019. № 3.

4. Mouseev A. A. Об особенностях современной трактовки понятия «суверенитет» // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2011. № 3 (23). С. 28–34.

тирует своего клиента без зазрения совести. Кто у нас такой „независимый“? Северная Корея. Живет не очень, несмотря на закулисную помощь Китая. Иран. То же самое. Венесуэла — там поменьше закулисной помощи и богатейшая страна мира с точки зрения ресурсов является одновременно одной из беднейших с точки зрения доходов населения и демонстрирует один из самых высоких уровней преступности в мире. Невозможно построить независимую экономику от мировой, если ты, например, не можешь производить средства производства»⁵.

Думается, что именно потому и не существует предельного правового понятия. И именно поэтому политики употребляют этот термин в спорах каждый по своему разумению, которое тоже не всегда является именно разумением и нестабильно. Все зависит от тактики момента и политической целесообразности. Но последствия эти (их особенно ясно видно сегодня) происходят именно из-за размытости этой конструкции, из-за ее умозрительности, из-за зависимости от угла зрения «умозрящего». Аксиоматичное мышление, использованное с политическим умыслом, сыграло с нашей страной злую шутку. Это мышление стало огромной трагедией России, когда под предлогом защиты суверенитета соседнему дружественному государству была объявлена экзистенциальная война.

Вестфальский суверенитет. Самоограничение или свобода рук?

Современную систему международных отношений, основанную на принципе суверенитета, нередко называют вестфальской. Однако впервые суверенитет как правовая конструкция появился не ранее середины XVIII в. спустя столетие после заключения Вестфальского мира. В тексте самого Вестфальского договора (1648 г.) слово «суверенитет» отсутствует, что вполне объяснимо, поскольку в латинском языке, на котором составлен договор, его нет. Самый близкий к нему термин — *supremum dominium* (полное господство), которое Франция, согласно договору, приобрела над новообретенными землями.

5. Мовчан А. Суверенитет и все-все-все. URL: <https://blogs.7iskusstv.com/?p=111145>.

ми⁶. Сам же термин «суверенитет» был введен французским юристом-философом Жаном Боденом в конце XVI века⁷, но использован в международных договорах существенно позже. Идея суверенитета не сразу стала доминирующей и пережила не одну трансформацию. Ее окончательное утверждение относится к середине XX в. Именно тогда, на волне деколонизации и массового появления на политической карте неевропейских игроков, была полностью признана та концепция суверенитета, которую мы по иронии судьбы по-прежнему называем «вестфальской».

Значение Вестфальского договора, пожалуй, в другом. Именно в том, чего принципиально не понимает и не хочет понимать Владимир Путин и другие диктаторы, использующие термин «суверенитет» в целях территориальной экспансии и удержания власти — Вестфальский договор *не расширял, а ограничивал власть князей*. Этим договором был фактически отменен принцип «чья власть — того и вера». Отныне князья не могли принуждать подданных к перемене религии или вынуждать их к эмиграции по религиозным мотивам. Более того, права большей части принцев были дополнительно ограничены властью рейхстага, который мог лишить князя владений в случае неподобающего поведения и за серьезные нарушения

6. Куприянов А. «Вестфальский миф» и «Вестфальский суверенитет» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. URL: https://www.afjournal.ru/index.php?page_id=168; Beaulac S. The Power of Language in the Making of International Law: The Word Sovereignty in Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia. Leiden, Brill, 2004.

7. В сочинении «Шесть книг о государстве» (издано на французском в 1576 году, на латыни в 1584) Боден впервые в истории политico-правовой мысли сформулировал и обосновал понятие суверенитета как существенного признака государства: «Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства... Абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными». Это власть высшая и независимая как внутри страны, так и в отношении с зарубежными державами. Выше носителя суверенной власти только бог и законы природы. Суверенитет, по Бодену, означает, прежде всего, независимость государства от папы римского, от церкви, от германского императора, от сословий, от другого государства.

во время правления (в том числе за сношения с враждебным государством). В общей сложности в течение второй половины XVII–XVIII вв. было отстранено от власти минимум полсотни князей.

То есть суверенитет, в отличие от его авторитарной трактовки, не есть абсолютная независимость (самоуправство). Наоборот. Это, как минимум, ограниченная созависимость, а как максимум — сознательное самоограничение своих действий во имя расширения своих же возможностей во взаимоотношениях с другими странами. Документально зафиксированное согласование воль с жестко очерченными принципами, процедурами и потенциальными санкциями. Вступая в международные отношения и подписывая международные соглашения, государство берет на себя обязательства по самоограничению своего суверенитета, вернее, каждый раз задает (очерчивает) его новые пределы. Именно в этом смысле части 4 статьи 15 Конституции России о приоритете международного права над внутригосударственным — любой ратифицированный международный договор по юридической силе выше внутренних правовых норм. Никакой закон не может противоречить внешним обязательствам государства, поскольку он ограничен официально провозглашенным самоограничением (простите за тавтологию) суверенитета.

Современное международное право допускает, что государство может добровольно взять на себя обязательства, которые приведут к ограничению его суверенитета. Основополагающий принцип международного права *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) основывается на взаимном ожидании соблюдения договоренностей каждой из сторон, даже если одна из них приняла на себя невыгодные обязательства вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств. Участие государства в международной жизни, в том числе посредством заключения договоров, которые могут включать в себя санкции и наказание за несоблюдение обязательств, не считается нарушением суверенитета. В том числе и потому, что оно не нарушает других фундаментальных принципов международного права. В частности, принципа суверенного равенства государств. Все государства, гласит этот принцип,

«чтобы быть равноправными, должны быть суверенными; чтобы оставаться суверенными, они должны быть равноправными»⁸. Поэтому в международных отношениях точка зрения, согласно которой обязательство государства следовать договоренностям не нарушает суверенитет, а выступает лишь формой его реализации, является общепринятой.

Участие в международных соглашениях, которыми ограничиваются права государства или самого суверена, но не подвергается сомнению их суверенность, проистекает из неотчуждаемого свойства (права) суверена ограничивать самого себя. Государство не может считаться ограниченным в своем суверенитете на том лишь основании, что оно берет на себя международные обязательства. Наоборот, вступление в международные союзы или присоединение к межправительственным соглашениям повсеместно признается суверенным правом государства. Даже если реализация этого суверенного права ведет к ограничению суверенитета. Подавляющая часть межправительственных договоров, многосторонних конвенций и других форм межгосударственного сотрудничества содержит жестко очерченный круг требований, которые не могут быть изменены или расширены без согласия государства-участника.

Постоянная палата международного правосудия указала: «Любой договор, создающий обязательство (действовать или не действовать определенным образом), накладывает ограничение на реализацию суверенных прав государства в том смысле, что от него требуется реализовывать их в определенном ключе. Но право входить в международные соглашения составляет признак государственного суверенитета в том смысле, что от него требуется реализовывать их в определенном ключе»⁹.

8. Международное право. — М.: Международные отношения, 2000. С. 67. См.: *Bodin J. The Six Books of the Commonwealth. Bk. 1. Ch. 10 (Bodin J. On Sovereignty. P. 55, 56).*

9. *Heller T., Sofaer A. Sovereignty. The Practitioners' Perspective / S.-G. Krasner (ed.) // Problematic Sovereignty. N. Y.: Columbia University Press, 2001. P. 31, 32.*

Реальную угрозу суверенитету представляет лишь такой международный договор, по которому государство передает право принимать обязательные к исполнению нормы наднациональным органам власти и соглашается на учреждение механизмов принуждения к соблюдению этих норм. Но, опять-таки, передача права принятия решений является добровольной волей государства-суверена.

К таким выводам сегодня приходит подавляющее большинство настоящих ученых, исследующих проблему суверенитета в современном мире (в отличие от ученых фейковых, которых в России, увы, довольно много¹⁰). В качестве примера лучших исследований на русском языке можно привести работы Екатерины Кузнецовой и ее монографию «Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен»¹¹. Вот ее позиция: «Суверенитет, как принцип организации власти

10. В отечественной «науке» есть некоторое количество весьма своеобразных исследований суверенитета как признака государства. Как ни странно, большинство из них проведено в самых разных институтах МВД и одно даже в университете аэрокосмического приборостроения. См., например: Романова Л. М. Национальный суверенитет в условиях глобализации. Институционально-правовой анализ. Дисс. докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009; Халатов А. Р. Суверенитет как государственно-правовой институт. Дисс. канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; Валяровский Ф. И. Суверенитет в конституционном строе Российской Федерации. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003; Бредихин А. Л. Суверенитет как политico-правовой феномен. Дисс. канд. юрид. наук. Белгород, 2011; Чобан А. А. Государственный суверенитет: теоретико-правовые аспекты. Дисс. канд. юрид. наук. М., 1993; Серов С. А. Понятие и особенности суверенитета государства в его историческом генезисе. Дисс. канд. юрид. наук. СПб, 2017; Маслов А. В. Государственный суверенитет в современном международном праве. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2010; Каламанова С. В. Суверенитет государства в условиях глобализации. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2019; и др.
11. Кузнецова Е. С. Проблема ограничения суверенитета в мировой политике. Дисс. канд. полит наук. М. 2011; Кузнецова Е. Ближнее зарубежье: все дальше от России // Россия в глобальной политике. 2004. № 5. С. 136–149; Кузнецова Е. С. Суверенитет в обмен на мечту: 50 лет римскому договору // Свободная мысль. 2007. № 3. С. 46–57; Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013.

внутри общества и отношений между государствами, не статичен: он адаптируется, приспосабливается к изменениям, произошедшим или происходящим в политической жизни государств. И в этом смысле сокращение функций государства или их утраты не всегда «ограничивает» суверенитет.

Из всего этого неизбежно следует, что России, как и остальному миру, не удастся в ближайшие годы уйти от обсуждения вопроса о том, что есть суверенитет и отвечает ли реалиям современной мировой политики созданная без малого четыре столетия тому назад «вестфальская система»¹².

Суверенитет международный или внутренний?

Итак, термин «суверенитет» является порождением и выражением международно-правовых процессов. Как тогда быть с суверенитетом, который трактуется как «независимость государства в решении своих внутренних вопросов»? Суверенитет — это международное или внутреннее явление? Хотя некоторые ученые выделяют уже больше видов суверенитета, нежели только международный и внутренний¹³. И все же насколько верна гипотеза, представляющая собой обобщенный вывод из многочисленных трудов о демократиях и диктатурах, о том, что «все демократии похожи друг на друга, а все диктатуры суверенны»? Существует ли так называемый «внутренний суверенитет»? Почему именно диктаторы так любят это слово и так много апеллируют к нему?

12. Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. С. 13.

13. Стивен Краснер выделяет четыре формы суверенитета: (1) внутренний суверенитет как принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества; (2) суверенитет взаимозависимости (*interdependence sovereignty*), позволяющий контролировать трансграничные передвижения; (3) международный правовой суверенитет, утверждающий равноправие государств на международной арене; (4) «вестфальский суверенитет», запрещающий внешним акторам вмешиваться в распределение властных полномочий внутри государства. См. подр.: *Krasner Stephen G. (ed.) Problematic Sovereignty*. N. Y.: Columbia University Press, 2001.

Американский юрист К. Иглтон писал о том, что после Вестфальского мирного договора ни одно государство более не было полностью независимым¹⁴. Государства становятся относительно независимыми, теряя часть суверенитета, поскольку их национальное право становится в подчиненное положение по отношению к международному. С этим согласен и другой американский ученый Ч. Тилли, который писал, что «Вестфальский мир в конце Тридцатилетней войны впервые ясно показал, что всей Европе предстоит разделение на четко выделенные и суверенные государства, чьи границы определены международными соглашениями»¹⁵.

«В связи с эволюцией государственного устройства, деятельностью международных организаций, развитием международных отношений более правильным следует считать понятие суверенитета как международно-правовой категории. Действительно, суверенитет следует рассматривать как категорию международного права и как явление современных международных отношений. Если посмотреть на качество суверенитета абстрактно, то совершенно очевидно, что те последствия, которые возникают в связи с суверенитетом, касаются именно межгосударственных отношений, то есть отношений, которые возникают за границей государства. Наличие суверенитета подтверждает существование субъекта международного права и гарантирует независимость государства в международных отношениях» — утверждает профессор Елена Мелешкина¹⁶.

То, что называется верховенством государства на своей территории, указывает на пределы распространения государственной власти, ее юрисдикции, опять же по отношению к другим государствам. Места для суверенитета внутри суверенного государства нет¹⁷. Суверенитет указывает на качество

14. *Eagleton C. International Government. N. Y., 1957. P. 25.*

15. Мелешкина Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 12.

16. Mouseev A. A. Указ. соч.

17. Пастухова Н. Б. Суверенитет и федеративная организация российского государства в условиях глобализации: конституци-

государства быть субъектом международных отношений. Основная ошибка в понимании суверенитета заключается в его отождествлении с государственной властью. Суверенитет — это качество государства, а не сущностная характеристика государственной власти, не установление монополии государства на верховную власть.

«Суверенитет — не что иное, как международно-правовое свойство субъекта: государство является субъектом международного права не потому, что оно суверенно, а, наоборот, оно суверенно, потому что является субъектом международного права. С правовой точки зрения данное понятие не подлежит никаким другим правовым нормам, кроме как международно-правовым», — писал еще в 1945 году немецкий юрист Густав Радбрух¹⁸.

То есть с самого своего зарождения суверенитет являлся краеугольным камнем международного права, свидетельством чему является фактическое закрепление его в этом статусе в Уставе ООН. Концепция суверенитета вытекает из самого положения государства в системе международных отношений. «Проблемность» его обусловлена широко распространенным представлением о том, что суверенитет тождественен абсолютной свободе государства проводить такую внутреннюю и внешнюю политику, которую оно считает необходимым. Но и с этой позиции он защищен от международного права еще одним механизмом, а именно необходимостью инкорпорировать международные нормы в национальное законодательство.

Большинство стран придерживается принципа примата международного права. Как уже говорилось, Конституция Российской Федерации гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее пра-

онно-правовые аспекты. Автореф. Дисс. докт. юрид. наук. М., 2011; Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет вчера и сегодня. М.: Аспект Пресс, 2011; Кузнецова Е. Суверенитет незыблемый и неделимый? Суверенитет государства может быть ограничен, если оно им злоупотребляет // Международная жизнь. 2004. № 7–8. С. 166.

18. Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 216.

войной системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Пространство международного права непрестанно расширяется, и сегодня все значимые аспекты международной жизни в разной степени регулируются международными нормами. Этот процесс — одно из проявлений глобализации, которую некоторые исследователи рассматривают в качестве главной угрозы суверенитету.

Классическая концепция суверенитета, продолжающая оставаться императивом в поведении большинства государств, на теоретическом уровне давно уже не выглядит бесспорной. Крепнущее среди ученых мнение о том, что классически понимаемый суверенитет в последние десятилетия ограничивается, размывается и даже разрушается, происходит из наблюдений за тем, как государство утрачивает способность контролировать социальные и экономические процессы и выполнять в прежнем объеме функции, которые оно приняло на себя, а также эффективно справляться с новыми вызовами. Но сокращение функций государства или их утрата не всегда «ограничивает» суверенитет. Наоборот, оно свидетельствует о его усилении через международное сотрудничество и международное разделение труда. Практически все научные школы так или иначе пересматривают суверенитет. В связи с этим основной термин дополняется такими определениями, как «многослойный» (layered)¹⁹, «разделённый» (divided)²⁰, «фрагментированный» (disaggregated)²¹, «смягчённый» (softened)²², «общий» или

19. См.: Buzan B., Little R. International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 359.

20. См., напр.: Keating M. Plurinational Democracy: Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 4–8.

21. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. P. 266, 267.

22. См.: Clunan A., Trinkunas H. (eds.) Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty. Stanford (Ca.): Stanford University Press, 2010.

«исчезающий» (waning)²³. Использование таких ограничительных или уточняющих понятий необходимо в условиях, когда традиционные концепции суверенитета не способны выразить сложность современных международных отношений²⁴.

Казалось бы, почему два разных понимания суверенитета — для внутреннего «потребления» и для внешнего — не могут сосуществовать в политике одного государства? Ответ прост — *нет и не может быть никакого внутреннего суверенитета* (читай — произвола) *у демократического государства*. Суверенитет в нем принадлежит народу, а государство лишь выполняет определенные общие функции за деньги налогоплательщиков. Другой вопрос, что само понятие «народный суверенитет» тоже пока является довольно абстрактным и не до конца осмысленным. В обществе, руководствующемся принципами верховенства права и прав человека, сменяемости власти, обеспечивающим баланс ветвей власти, независимость судебной системы и свободу СМИ, государство находится в жестких рамках и действует по принципу «разрешено только то, что разрешено». В этом действительно все демократии — такие разные — похожи друг на друга. Диктатуры же (и авторархии) манипулируют термином «суверенитет», трактуя его как неподконтрольное и неограниченное верховенство государства над обществом для обоснования произвола внутри страны с целью удержания и несменяемости власти. Однако, они умышленно лукавят. Суверенитет — это чисто внешнеполитическое свойство государства, это всего лишь возможность участия в международном сотрудничестве при соблюдении государством определенных условий.

Именно поэтому диктатуры гораздо менее охотно идут на подписание международных договоров, ограничивающих их произвольные действия внутри своих стран. Причем отказываются от подписания таких документов они именно под

23. См.: Brown W. Walled States, Waning Sovereignty. N. Y.: Zone Books, 2010. P. 62–64.

24. Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. С. 17, 40

предлогом защиты суверенитета. И именно в этом все они похожи друг на друга.

Вот наглядный пример — выписка из стенограммы 1948 года, когда делегация СССР под руководством А.Я.Вышинского не подписала Всеобщую Декларацию прав человека ООН:

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик) напоминает, что делегация Советского Союза и другие делегации, разделяющие ее точку зрения, уже дали свою оценку проекта декларации прав человека, представленного Третьим комитетом Генеральной Ассамблеи...

В ряде статей этого проекта совершенно игнорируются суверенные права демократических государств, не говоря уже о том, что в проекте имеются положения, которые находятся в прямом противоречии с принципами, провозглашенными Уставом Организации Объединенных Наций, запрещающими вмешательство во внутренние дела государств...

В настоящее время получила некоторое хождение определенная теория, выдвинутая некоторыми делегациями еще на прошлой сессии, совершенно неправильная и фальшивая теория о том, что принцип государственного суверенитета представляет собой реакционную и якобы уже устаревшую идею и что будто бы отказ от этого принципа и является одним из необходимых условий международного сотрудничества...

Принцип государственного суверенитета является единственной защитой более слабых стран против экспансионистских устремлений более сильных государств, и, хотя в ряде случаев этот государственный суверенитет подорван такими мероприятиями, как план Маршалла, как создание западноевропейского политического блока, он все еще сохраняет свою силу и свое значение²⁵.

Не правда ли, знакомые аргументы, хотя с той поры прошло уже восемь десятилетий? Переводя с дипломатического, звучит это примерно так: «Почему не подписываем? Потому что вы не можете нам диктовать, как нам поступать с собственны-

25. 10 декабря 1948. URL: <http://www.un.org/Depts/dhl/landmark/pdf/a-pv183r.pdf>.

ми гражданами»²⁶. Примерно такой же была риторика российского руководства, покидающего Совет Европы и выходящего из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека. Потому что развитый мир в постбиполярную эпоху стал менее терпим к проявлениям хаоса, грубым нарушениям гуманитарного права и региональным угрозам, порожденным внутриполитическими конфликтами.

Этим и обусловлен кризис классического суверенитета, который мы наблюдаем сегодня, — граница между внешним и внутренним суверенитетом постепенно стирается. В современных условиях государствам все сложнее выстраивать внутреннюю политику по своему усмотрению — с одной стороны, ввиду ограничений, накладываемых наднациональными региональными органами, которым делегирована часть полномочий национальных правительств (Европейский Союз, Всемирная торговая организация, Международный уголовный суд), с другой стороны, под угрозой вмешательства отдельных стран, региональных объединений или международного сообщества в их дела ради восстановления порядка и обеспечения безопасности граждан и соблюдения их прав.

Обоснование российскими политиками своего права на произвольные действия борьбой против посягательств на аксиоматично выученный, но не осмысленный и не понятый термин «суверенитет» недобросовестно и несостоительно. По сути, суверенитет в России видится так же, как несколько веков назад, во времена абсолютных монархий. Как тогда правителью позволялось определять вероисповедание своих подданных, так и сегодня в России насяждается квазирелигия «государственности». Как тогда сила, необходимая для смирения или подавления сопротивления, определяла границы дозволенного, так и сейчас права человека не играют в нашей стране сколь-либо существенной роли. Понимание суверенности как

26. Как известно, Всеобщая Декларации прав человека ООН была принята 5 сентября 1991 года Съездом народных депутатов СССР за три месяца до прекращения существования СССР.

«права устанавливать исключения»²⁷ вполне соответствует логике и притязаниям отечественного политического класса, но неприемлемо для международного сообщества.

Суверенитет — мир или война?

Как мы помним, согласно теории Жана Бодена, суверенитет означает независимость государства от папы римского, от церкви, от германского императора, от сословий, от другого государства. Но не только. Суверенитет, по Бодену, — это право государства объявлять войну и заключать мир. На деле же термин суверенитет с самого первого своего использования в международных документах означал шаги к миру, к международно-правовому согласию Европы, положившему конец Тридцатилетней войне. То есть изначально суверенитет не про войну, а про мир.

Международное право — это, в первую очередь, право мира. Его огромный раздел — право международной безопасности как совокупность правовых способов, направленных на обеспечение мира, применяемых государствами коллективных мер против актов агрессии и ситуаций, угрожающих миру и безопасности народов. Главные принципы международного права — это принципы неприменения силы и угрозы силой при разрешении международных споров мирными средствами, обеспеченные принципом добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Соответственно, и суверенитет как признак государства в международных отношениях — это тоже про мир. Суверенитет — это независимость не «над», а «от». Независимость вассала от суверена с четким целевым назначением предотвратить вооруженную ссору. Это не абсолютная власть над территорией и не абсолютная свобода действий в отношении кого-либо. Это правила поведения во имя предотвращения драки, ограниченная созависимость во имя мира.

Исторически наибольшей угрозой суверенитету государства в его классическом понимании была и является агрессия

27. См.: Schmitt C. The Concept of the Political. Chicago, London: University of Chicago Press, 1996. P. 5.

(прямое или косвенное применение силы или угрозы силой одним государством в отношении другого) и связанная с ней оккупация. Согласно формулировке, выработанной Специальным комитетом по вопросу об определении агрессии и утверждённой резолюцией № 3314 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., «агрессией является применение вооружённой силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несогласимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении»²⁸.

Но если агрессия — главная угроза, то как тогда быть с правом объявления войны? Как поступать международному сообществу с агрессором, который утверждает, что суверенитет — это не мир, что мир достигается войной, который руководствуется в своих действиях принципом «развязанных рук» и заявляет, что все, что он делает, направлено на защиту суверенитета? Как быть с тем, кто не соблюдает общепризнанные международные правила и нормы, но, при этом, является не просто субъектом международного права, а членом главного органа, который, согласно главе VII Устава ООН, должен обеспечивать мир? Ответа на этот вопрос пока нет. Международные органы, ответственные за сохранение мира и международную безопасность, оказались в тупике собственных процедур.

Оценивая итоги второй мировой войны, Густав Радбрух в своей книге «Философия права» предупреждал:

Классическая теория суверенитета не в состоянии объяснить такой простой факт, как закрепление в конституциях государств границ, взаимно согласованных между ними. Не может она объяснить и взаимное признание государств как равноправных субъектов международного права и партнеров по договору. Согласно этой теории, вся совокупность государств представляет собой не сообщество субъектов права, обязанных взаимно признавать друг друга, а арену, полную диких зверей, каждый из которых претендует на то, чтобы единолично бороться за свое место, но не в силах уничтожить или прогнать конкурентов — они с отвращением,

28. S. Res. 3314, XXIX от 14 декабря 1974 г.

оскалясь и рыча, бродят вокруг друг друга. Теория суверенитета все время колеблется между явным отрицанием международного права и вынужденным согласием на его существование. Для нее характерно признание права войны, которое вполне соответствует как отрицанию международного права, так и его существованию²⁹.

Так, собственно, и произошло в XXI веке. Недобросовестная политически-конъюнктурная демагогия вокруг понятия «суверенитет» стала поводом к новой большой войне в Европе. Изнеженное почти восемью десятилетиями мира международное сообщество оказалось категорически неготовым к подобному развитию событий и к противодействию нарушителю.

«Россия ничего не потеряет в результате военной операции на территории Украины», — утверждает Владимир Путин. «Уверен: ничего мы не потеряли и ничего не потеряем. С точки зрения приобретений, могу сказать, что главное приобретение — укрепление *нашего суверенитета*. И это неизбежный результат того, что сейчас происходит. Как бы западные и так называемые наднациональные элиты ни стремились сохранить существующий порядок вещей, наступает все-таки новая эпоха, новый этап в мировой истории. И только подлинно суверенные государства могут обеспечить высокую динамику роста, стать примером для других», — заявил он на Восточном экономическом форуме³⁰. И поэтому — война. Не представляет себе Путин другого выхода из сложившейся в его голове ситуации! Из тезиса о том, что международные правила, выработанные человечеством, посягают на суверенитет, делается вывод, что его надо защищать силой оружия. Россия целых два десятилетия шла к такому итогу.

Ренессанс ее «суверенистских» представлений в начале нового столетия был абсолютно искусственным и рукотворным, потому что «игра» в суверенитет есть самый беспрогрышный популистский способ укрепления власти. С начала 2000-х гг. обществу стал навязываться миф об «особом пути», который частично компенсировал социальную депрессию, гра-

29. Радбух Г. Указ. соч. С. 215–218.

30. URL: <https://tinyurl.com/28l9afj6>.

жданскую разобщенность, болезненный разрыв с собственным прошлым. Однако мифологема российской особости отражает не столько особенности исторического пути развития, сколько комплекс отсталости. Особость пути России — в роли государства, которое заботится о народе, но презирает личность, в «ценостном разрыве» между Россией и Западом, историческом пути испытаний и страданий, породившем особый тип человека, уникальной по размеру территории, расширяя которую, мы, как писал А. Горчаков, расширяли свои слабости³¹.

Этот миф об «особости», который вначале эксплуатировался лишь политиками популистского толка, в 2000-х гг. твердо вошел в инструментарий политического мейнстрима. Апология сложившейся системы полуавторитарной власти, имитирующей демократию в условиях неконкурентной экономики, вызвала к кратковременной жизни концепции «либеральной империи» (А. Б. Чубайс), «энергетической сверхдержавы» (В. В. Путин) и, наконец, «суворенной демократии» (В. Ю. Сурков)³². Для теоретиков суворенитета настало «золотое время» — хотя, разумеется, не для всех, а лишь для тех, которые без сомнения причисляли Россию к «высшей категории» суворенных стран, которые способны полностью нейтрализовать внешнее влияние на свои внутренние дела. Крайности эти интеллектуальные эскапады достигли в высказывании тележурналиста В. Т. Третьякова, который заявил, что «Запад есть технологический придаток России»³³. То есть в России по-прежнему царствуют архаичные представления о суворенитете, как о «достаточных собственных ресурсах страны», «сохранении ее геополитической востребованности», «военной мощи, которая является гарантом безопасности и независимости»³⁴.

31. Подробнее см.: Кузнецова Е. Ускользающий суворенитет: статус-кво против идеологии перемен. С. 8–9.

32. Чубайс А. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. 01.10.2003.

33. Третьяков В. «Bay!» вместо «ах!» // Известия. 16.04.2009.

34. Путин В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. Цит. по сайту: <http://www.kremlin.ru/news/17118>.

Идея восстановления и укрепления суверенитета вскоре дополнилась оригинальными теоретическими изысканиями в области международных отношений. Российские исследователи начали выпускать статьи и книги о «реальном», «имперском»³⁵ и даже «духовном»³⁶ суверенитете. Все это подкреплялось созданием законодательного каркаса для обхода конституционного ограничения об использовании вооруженного контингента за пределами страны³⁷, изменениями в законодательстве о гражданстве, об обороне, о борьбе с терроризмом и другими мерами, внеконституционно легитимизующими потенциальную агрессию. Широко распространилась практика раздачи российских паспортов на сопредельных с Россией территориях во имя последующего оправдания «гуманитарных» интервенций с целью защиты «своих граждан». Более того, Россия вписала свой внешнеполитический нарратив в русский перевод концепции, которую мировое сообщество к этому времени начало вырабатывать во избежание злоупотребления внутренним суверенитетом, и фактически изменила ее смысл. С измененным смыслом эта концепция стала обоснованием агрессии. Извращенная конструкция, в которой суверенитет используется как повод к войне во имя некоего призрачного мира в будущем, очень опасна. Поэтому об этом следует поговорить подробнее.

35. См.: Грачев Н. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М.: ООО «Книгодел»; Волгоград: Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2009.

36. Матвеичев О. Суверенитет духа. М.: Эксмо, 2009.

37. См. подробнее: Лукьянова Е. Угроза гаранта. «Сирийский» пример внеконституционного перераспределения государственно-властных полномочий между ветвями власти // Конституционные риски 2. Москва-Челябинск: Социум. С. 189–203. URL: <https://freeuniversity.pubpub.org/lukyanova-kr2>.

Защита прав и свобод человека — ответственность или обязанность?

Ответственность по защите или обязанность защищать? Как вам кажется, есть разница в формулировках? На самом деле разница между обязанностью и ответственностью существенная.

Ответственность — это способность принимать на себя решение трудных проблем, а не жесткая директива. Вопрос о сути ответственности есть вопрос о возможности самоопределения. Это не немедленная однозначная реакция. Между пониманием своей ответственности и решением о взятии такой ответственности на себя есть промежуток для анализа, дискуссии и принятия волевого решения. Обязанность же есть безусловные, не требующие специального анализа действия, основание для которых в ряде случаев могут оцениваться субъективно. Да, конечно, эти основания могут быть прямо предусмотрены законом или соглашением. Но где гарантии, что эти основания будут в достаточной степени формально определенными, что в их формулировках будет проведена четкая граница между правомерностью и неправомерностью, что они не будут использоваться произвольно во имя решения каких-либо внутриполитических или геополитических задач?

Что же произошло, откуда взялся вопрос об этой разнице? Всего лишь из вариантов перевода на русский язык международного термина *responsibility to protect*.

На протяжении столетий национальное государство выступало высшим воплощением суверенитета; максимальным ограничением, которое могло накладываться на суверена, были требования международных договоров — но и они, как уже говорилось, сами по себе не ограничивают суверенитет. Однако в последние десятилетия мир стал свидетелем появления организаций, которые обретают особые права и развиваются в рамках внутренней логики, не зависящей от желаний национальных режимов и правительств. Время, наступившее после окончания «холодной войны», постепенно проявило себя как эпоха, в которую ограничение традиционно понимаемого суверенитета — как по «негативным», так и по «позитивным»

показаниям — становится одним из главных трендов мировой политики³⁸.

Признание приоритетности принципа уважения прав и свобод человека как во внутригосударственных, так и в международных отношениях привело к изменению трактовки этих основополагающих принципов международных отношений (уважение государственного суверенитета, неприменение силы или угрозы силой и невмешательство во внутренние дела). Они *не рассматриваются более как абсолютные, допускается возможность их правомерных ограничений*. В результате расширяются внеуставные полномочия Совета Безопасности ООН, который стал квалифицировать как угрозу нарушения международного мира и безопасности не только вооруженное нападение одного государства на другое, но и конфликтные ситуации внутри государства, характеризующиеся грубым нарушением международных стандартов в области прав человека. Это позволяет ему санкционировать применение коллективных принудительных мер против такого государства.

То есть речь идет именно о принципиально ином подходе к понятию «государственный суверенитет», при котором сфера действия внутренней юрисдикции государств сужается и в определенных ситуациях их суверенитет ограничивается международным сообществом. Один из основоположников концепции, бывший министр иностранных дел Австралии Г. Эванс, еще в 2002 году предложил вести дискуссию о необходимости вмешательства/невмешательства в дела суверенной страны на основании нарушения там прав человека, иначе, чем это было раньше. Далее именно Эванс выступил с инициативой изменения формулировки «право на вмешательство» на формулировку «ответственность за защиту», имея в виду меру ответственного поведения

На Всемирном саммите, проходившем в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в сентябре 2005 года, на котором присутствовало более 170 стран, главы государств и правительства подтвердили, что они все вместе, а не только каждое государ-

38. Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. С. 75.

ство в отдельности несут ответственность за защиту населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. В результате была выработана концепция *responsibility to protect — ответственность по защите*³⁹. Эта концепция, ставшая уже обычной нормой международного права⁴⁰, состоит из нескольких принципов, объединённых идеей о том, что суверенитет является не привилегией, а *ответственностью* перед международным сообществом. В соответствии с данной концепцией суверенитет не только предоставляет государствам право контролировать свои внутренние дела, но делает их ответственными за защиту людей, проживающих в пределах границ этих государств. В тех же случаях, когда государство не способно защитить людей — будь то из-за отсутствия возможностей, либо из-за отсутствия воли, — ответственность переходит к международному сообществу. «Ответственность по защите» фокусируется на предотвращении и прекращении следующих видов преступлений: геноцид, военные преступления, преступления против человечности, этнические чистки. Все эти виды преступлений объединяются единым термином — *массовые преступные злодействия* (*massive atrocities crimes*).

Ответственность по защите опирается на три равнозначных основных компонента: ответственность каждого государства по защите своего населения (компонент I); ответственность международного сообщества по оказанию государствам помощи в защите их населения (компонент II); и ответственность международного сообщества по защите, когда государства явно оказываются не в состоянии защитить свое население (компонент III).

39. URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/about-responsibility-to-protect.shtml>.

40. Павлова Л.В. Концепция «ответственность за защиту»: анализ и правовая оценка // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 4. С. 3–7.

Но во всех официальных переводах на русский язык эта концепция обозначена как «обязанность защищать»⁴¹. И в русской Википедии это звучит также⁴². Небрежность или умысел? Не верю, что профессиональные представители российских международных ведомств переводили документ, не вникнув в его суть, с помощью Гугл-переводчика, который переводит словосочетание «responsibility to protect» как «обязанность защищать», однако отдельно существительное «responsibility» — как ответственность. Очень похоже на манипуляцию в определенных политических целях.

Да, конечно, некоторые ученые перевели и анализируют эту концепцию в ее истинном значении как «ответственность по защите»⁴³. Но другие, используя официальный перевод как «обязанность защищать», делают весьма специфические выводы: они предлагают «считать внешнюю обязанность государства за недопущение гуманитарных проблем частью суверенитета этого же самого государства»⁴⁴. То есть все с точностью «до наоборот» от заложенного смысла — вместо возможности ограничения суверенитета извне речь идет о расширении суверенитета внутреннего. Дальше — больше. Раз это обязанность и к тому же часть нашего суверенитета, значит нам самим, а не международному сообществу решать, что хорошо, а что плохо в других странах и особенно на сопредельных территориях, кого казнить, а кого миловать, кого объявлять террористами,

41. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch4.shtml.

42. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обязанность_защищать.

43. Геворгян К. К читателю «Международной жизни». Концепция «ответственность по защите». Вашему вниманию предлагается материал, ставший итогом обсуждения в Международно-правовом совете при Министерстве иностранных дел Российской Федерации концепции «ответственность по защите» // Международная жизнь. 2013. № 8. С. 72–84. URL: <https://tinyurl.com/29g9xhw5>.

44. Конышев В., Сергунин А. Концепция «обязанность защищать» БРИКС в поисках консенсуса // Международные процессы. Т. 15. № 4. С. 202–217. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.12. С. 202–215.

а кого нацистами. И считать легитимным право на вмешательство. В том числе на вооруженное. Просто не называть это войной, а, допустим, специальной военной операцией. И это никакая не агрессия. Это наша обязанность защищать. Не правда ли, удобно? И вполне соответствует российскому внешнеполитическому нарративу.

Видимо, именно поэтому я все никак не могла понять, о чем говорит председатель Конституционного суда России Валерий Зорькин в нашей с ним публичной дискуссии по вопросу о правомерности аннексии Крыма⁴⁵, поскольку он апеллировал к обязанности защищать как к непререкаемому принципу международных отношений, которому Россия следовала для защиты прав и свобод русскоязычного населения полуострова. Мне же была известна совсем другая по смыслу концепция ответственности по защите.

В заключение хочется поддержать Екатерину Кузнецова в ее выводах о современных проблемах суверенитета. Она пишет о том, что классический суверенитет перестает быть надежным маяком в хаотическом море международной политики. Вмешательство в дела других государств в нарушение легитимной процедуры поддержания глобальной и региональной безопасности становится все более распространенным явлением.

Смещение акцента с заключения «традиционных» международных договоров к новым политическим формам, основанным на согласованном ограничении суверенитета, столь же очевидно в современной мировой политике, как и перенесение центра тяжести в военной сфере с отражения агрессий на предупреждающие действия, основанные на гуманитарной логике.

Существующие международные институты в нынешнем виде недостаточно эффективны. Лишенное свойственных национальным правовым системам механизмов контроля и принуждения международное право допускает опасную двойственность в определении ответственности государства

45. См.: Лукьянова Е. А. О праве налево // Новая газета. 19.03.2015.

URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/03/19/63473-o-prave-nalevo>; Зорькин В. Д. Право и только право // Российская газета.

23.03.2015. С. 1–2; Лукьянова Е. А. Закон что скрепа // Новая газета. 18.05.2015. URL: <https://tinyurl.com/28lmkysk>.

за нарушение установленных правовых норм. Международные договоры и конвенции очерчивают круг незаконных деяний, но они бессильны принудить государство-нарушителя к соблюдению обязательств или наказать его.

Если мир XXI века и станет миром, управляемым и предсказуемым, если идеалы управления, ориентированного на общее благо, окажутся внедрены в международную практику и трансформируют современный миропорядок, нет сомнения в том, что этот мир будет основан на чёткой и последовательной доктрине ограничения «классического» суверенитета как фундаментальном инструменте обеспечения законности, мира и процветания⁴⁶.

Sovereignty, International Law and War: An Attempt to Debunk Myths

Jelena Lukyanova

Doctor of Law, Professor at the Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Annotation. The author considers the evolution of the concept of sovereignty in modern international law. The sovereignty of a state is not absolute and can be limited by voluntarily accepted international obligations. The paper distinguishes between external and internal sovereignty, emphasizing that democratic states cannot have unlimited internal sovereignty, unlike dictatorships that manipulate this concept. The classical concept of sovereignty, which continues to be an imperative in the behavior of most states, at the theoretical level has not looked uncontroversial for a long time, and many scientific schools are revising this concept one way or another.

Keywords: sovereignty, sovereign state, Westphalian sovereignty, internal sovereignty, popular sovereignty, sovereignty and war, sovereignty and dictatorship, limited sovereignty, threat to sovereignty, responsibility to protect, duty to protect, Putin's favorite word.

DOI: DOI: 10.55167/3c6758a40153

46. Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. С. 229–233.

Российский империализм

Традиция. Территория. Право

Дмитрий Орешкин

Кандидат географических наук, профессор Свободного университета

Аннотация. Статья исследует феномен империи и российского империализма, его исторические корни и современное воплощение в политике постсоветской России.

Ключевые слова: российский империализм, традиция, территория, право<империя, путинизм, asabiyyah.

Термин «империализм» появился в словарях в 70-х годах XIX в. и сразу имел негативную окраску: колониализм, гнет, экспансия. Базовое понятие «империя» гораздо старше. Большую часть своего существования оно воспринималось скорее позитивно: мощь, стабильность, культурный расцвет. Ревизия коннотаций началась 2-3 поколения назад.

Концепция постсоветского путинизма существует в смысловом зазоре между «империей» и «империализмом». Империя (российская) — это хорошо. Символ величия и славы: «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать»¹. А вот империализм — очень плохо. Но, понятно, он не у нас, а на Западе. Пусть в США нет императора, зато в избытке империализма. У Путина наоборот: несменяемый император есть (пусть без императорского титула), а вот империализма нет! Мы, великая империя, несем людям мир, добро и справедливость. Только враги все время мешают и лелеют замыслы.

Москва мыслится как эксклюзивная наследница древнего Рима. То, что Блистательная Порта (Османская империя) тоже выстраивала свою родословную от Рима, в России мало кому

¹. Формула старца Филофея из послания Великому князю Московскому Василию III (отцу Ивана Грозного), около 1523 г.: «Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать».

известно. Равным образом игнорируются очевидные римские аллюзии Америки (Капитолий, Сенат с «имперскими» статуями, Empire State Building). Нет, нет. Вашингтон никак не может быть «Четвертым Римом», потому что... Э-э-э, мы не знаем точно почему, но ясно же, что не может. Куда ему!

Частный случай Тютчева

Федор Тютчев — блистательный русский поэт, политический философ, дипломат и цензор. Его язвительные замечания в адрес Западной Европы через 170 лет опять в моде. В 2017 г. Путин подарил главе МИД Лаврову на день рождения стаинное издание Тютчева (Лавров тоже дипломат и тоже пишет стихи — хотя у Тютчева это получалось лучше). Сам Путин не раз обращался к яркой, хотя затертой тютчевской формуле: «умом Россию не понять, <...> в Россию можно только верить». Тютчева цитируют то Д. Медведев, то В. Володин. Это дарит путинскому нобилитету иллюзию близости к русской классической культуре. Всего одно поколение назад политические воззрения Тютчева советскими идеологами старательно замалчивались; публике его представляли как мастера натурфилософской и любовной лирики. Налицо когнитивный сдвиг: «неодворянство»² из ЧК/КГБ, еще недавно напиравшее на пролетарское происхождение, сегодня воображает себя носителем аристократических традиций царской Империи.

Тютчев, с отвращением наблюдая эксцессы буржуазных революций середины XIX в., полагал, что Запад утратил духовную силу и обречен на распад. Причиной он считал утрату религиозной цельности и вместе с ней наследственного права на имперскую традицию Рима. Выпавшую из рук Западной Европы эстафету, по мнению Тютчева, закономерно подбирает Россия. Она через посредство Византии сберегла Православие («истинное христианство»), одухотворенную Православием монархию и, соответственно, идею Империи. На своем поэти-

2. Термин «неодворяне» (служилые люди, государевы люди), имея в виду сотрудников спецслужб, ввел в практику руководитель ФСБ Н. П. Патрушев в декабре 2000 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/22458/7028/>.

ческом языке он изображает Россию то как неколебимый утес, возвышающийся над бурным европейским морем, то как высшую духовную силу, проливающую на это море примирительный елей Православия.

Полет державной фантазии ведет Тютчева к идее единой Восточной Европы с превращением ее в органичного мирового лидера. Естественно, под властью русского царя. Рельефнее всего эта картина описана им в наброске от 13 сентября 1849 г., где он называет *два великих провиденциальных факта* (уже *факта!*), которые должны (пока еще только должны!) положить начало в Европе новой эры. В переводе на русский это выглядело так:

Вот эти два факта:

1) окончательное образование великой Православной Империи, законной Империи Востока — одним словом, России ближайшего будущего, — осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя;

2) объединение Восточной и Западной Церквей.

Эти два факта, по правде говоря, составляют лишь один, который вкратце можно изложить так:

Православный Император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима.

Православный Папа в Риме, подданный Императора»³.

Губа у Федора Ивановича не дура. В его представлении Империя — продукт Провидения, божий дар, эстафетой передающийся из рук в руки. (Кстати, чисто европейская концепция *translatio imperii*, смело перенесенная им в русский контекст без ссылки на источник). В визионерском восторге он за своими

3. URL: <http://www.tutchev.com/text/otrivok.shtml>. Французский оригинал:

«Ces deux faits sont ceux-ci:

1) la Constitution définitive du grand Empire Orthodoxe, de l'Empire légitime d'Orient — en un mot de la Russie à venir — accomplie par l'absorption de l'Autriche et la reprise de Constantinople.

2) la Réunion des deux Eglises d'Orient et d'Occident.

Ces deux faits, à vrai dire, n'en forment qu'un seul qui peut se résumer ainsi:

Un Empereur orthodoxe à Constantinople, Maître et Protecteur de l'Italie et de Rome.

Un Pape orthodoxe à Rome, sujet de l'Empereur».

провиденциальными фактами сумел не заметить сущего пустяка: расцвет Римской империи пришелся на период язычества. Распространение христианства, напротив, совпало со временем упадка. А какая разница, если Россию (Империю) все равно умом не понять...

Увлеченный рассуждениями о духе, Тютчев не заметил и такого материального явления, как промышленная революция, переживаемая бездушным Западом. Когда император Николай I — вдохновленный, среди прочего, пафосом Тютчева — взялся защищать православные святыни и народы от турецкого ига (с очевидным geopolитическим прицелом на Константинополь и черноморские проливы), он получил неожиданно жесткую взбучку от Франции и Британии. В ходе Крымской войны быстро выяснилось, что погрязший в либеральном эгоизме и обреченный на гибель Запад предъявил на поле боя технические новшества, против которых «Третьему Риму» возразить было нечего.

Назовем самое очевидное:

1. Стальные линкоры на паровом ходу. Со стороны России им противостояли деревянные парусники.
2. Нарезные дальнобойные орудия и винтовки. Российская армия была вооружена в основном гладкоствольными ружьями.
3. Логистика. Единственная русская железная дорога находилась далеко на севере, а гужевая доставка боеприпасов и подкреплений заведомо проигрывала в мобильности морским десантам.

Тютчев не захотел или не смог понять умом действительных причин поражения. Он обвиняет русское дворянство (к образу которого ныне пытается примазаться Патрушев) в отсутствии патриотического духа: вместо сплочения вокруг Веры и Царя, оно саботировало войну, чтобы скорее ехать в свою Италию «кушать *macaroni*». Еще резче (забыв о православном смирении) Тютчев выражается в эпитафии императору Николаю I (1855). Хотя еще в 1829 г. посвящал ему же подобострастную оду на грани дурного вкуса. Теперь же, после поражения, царь в глазах поэта оказался недостоин имперского статуса:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей⁴.

Казус Тютчева важен для понимания внутренней ущербности постсоветского имперского мифа.

Блестяще образованный аристократ; 20 лет жил в Баварии; лично знаком с Гете, Шеллингом, Гейне; переводит Шиллера; женат первым браком на немецкой графине⁵, вторым на немецкой баронессе⁶; дома говорит по-немецки, стихи (прекрасные!) пишет по-русски, политические тексты и частные письма — по-французски. Его инвективы в адрес заблудшего Запада опираются исключительно на примеры из европейской истории, описаны европейскими терминами и адресованы европейской аудитории. Россия в его понимании — не анти-Европа, как сегодня у Путина, Дугина или Медведева, а напротив, воплощение и возрождение истинно европейского духа — увы, утраченного Западом.

Поэт целиком вписан в западное дискурсивное поле, хотя (вполне в европейском стиле) исполняет в нем роль диссидента и гневно бичует культурную среду, которая его воспитала. Рассуждая про имперское величие, он имеет в виду Рим и Константинополь. Ему, истинному европейцу, даже не приходит в голову задуматься об империи Чингисхана как элементе российской политической истории. Это для тютчевской России не то, чтобы оскорбительно, а попросту немыслимо.

4. You neither served the Lord nor Russia's glory,
You served your vanity indeed,
And all the deeds of yours, both good and evil, gory, —
All was a lie in you, the hollow phantoms' story:
You weren't a czar, but hypocrite.

Перевод St. Sol. URL: <https://tinyurl.com/27kgf6qu>.

5. Emilia Eleonore Sophie Louise Christine, Gräfin von Bothmer (1800–1838).

6. Ernestine von Pfeffel (1810–1894).

Две империи

Советский культуролог Юрий Лотман констатировал расщепленность ментальной России. Теоретически она осмысливает себя в дискурсе верхнего уровня (дворянского, европейского, «импортного») — как это делают Карамзин, Ломоносов, Пушкин, Толстой, Тютчев и все русские монархи после Петра I. А повседневная жизнь течет как бы этажом ниже, согласно традициям «простого народа», принципиально отличающимся от элит. Разрыв проявляется во всем — от отношения к женщине, семье и труду до понимания власти, собственности, справедливости и пр. Этот разрыв и раздвоенность сознавались высокой русской культурой. Современник Тютчева Николай Щербина в 1860 г. написал:

У нас чужая голова
И убежденья сердца хрупки
Мы европейские слова
И азиатские поступки.

Несложно заметить, что «азиатские поступки» трактуются как достойные сожаления — в противовес «европейским словам». «Азиатчина» вплоть до второй половины XX века в русском интеллигентском контексте служила синонимом дикости и варварства.

Империя Романовых управлялась европеизированными элитами и по общей траектории развития не слишком отличалась от империи Габсбургов — с ожидаемым территориальным распадом в конце. Советская империя была построена иначе — примитивнее и кровавее. Зато прочнее и жестче, как раз по азиатским стандартам — если пользоваться сталинским термином. Благодаря возврату к восточным методам государственного менеджмента распад государства удалось оттянуть на несколько десятилетий.

Как отметил тот же Лотман, при крушении культурных конструкций на освободившемся месте всплывают более древние архетипы. Казалось бы, они давно исчерпали себя, но в момент культурного взрыва переосмысяются и используются для конструирования новой социальной реальности. Яростное отрицание вчерашнего дня сопровождается утопическими

рассуждениями про день завтрашний — на фоне фактического отката к дню позавчерашнему. Очевидным примером служит сталинское псевдо-язычество с диковатым обрядом восхождения на Мавзолей в центре столицы, где лежит мумия обожествленного вождя. Культурный и архитектурный сюжет, немыслимый для империи Романовых и для европейских городов Нового времени. А для пролетарской Москвы — очень даже нормально.

Нечто похожее произошло и с пониманием государственности. В советской действительности удивительным образом актуализировались черты, типичные для кочевых империй чингизидов. При этом они оставались и остаются вне дискурсивного поля, не артикулированными и не отрефлексированными.

Ключевым отличием оседлых империй Европы от кочевых империй Евразии был вопрос о частной собственности — в первую очередь на землю. Для кочевников он просто не имел смысла: земля (степь) по умолчанию принадлежала народу (племени или улусу). Улус (народ) завоевывает себе пространство, чтобы пасти на нем свой скот — иного отношения к ландшафту кочевая культура не знала. Человек может владеть овцой или конем — но никогда пастбищем. Пастбище есть объект коллективного владения и пользования; иное немыслимо и невозможно.

Первый русский юрист и экономист Семен Десницкий, во времена Екатерины Великой направленный учиться в Глазго (там он прослушал курс «моральной экономики» Адама Смита), в 1781 г. описал феномен собственности как совокупность трех прав:

- право владеть и распоряжаться;
- право отчуждать (продавать, дарить, оставлять в наследство);
- право требовать защиты собственности по суду «от завладевших оною неправедно»⁷.

7. Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства. М.: Университетская типография Н. Нови-

В кочевом быту все эти три права от имени улуса (народа) по умолчанию делегировались вождю (хану), что вызывало удивление у европейских путешественников. Францисканец Плано Карпини (*Johannes de Plano Carpini*), первым из европейцев проникший в Монгольскую империю, описал это так: «...Все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: „это мое или его“, ибо все принадлежит императору, то есть имущество, выночный скот и люди». При этом Плано Карпини использует термин «император» как синоним слова «хан», «каан».

Иными словами, земля (степь, урочище, ландшафт, пространство) теоретически принадлежит всем. Но на деле ее завоевывает, защищает от врагов, распоряжается и отчуждает (передает в пользование народам, улусам, туменам и племенам) только хан. Эту норму кочевого быта основатель суперимперии Чингисхан навязал всем завоеванным территориям — в том числе и оседлым. Похожим образом монгольский «император» замыкал на себя и все ветви власти в европейском понимании: законодательную, исполнительную, судебную, военную, ритуально-идеологическую.

В европейских империях, от Римской до Российской, при самых абсолютистских режимах идея частной собственности, и, следовательно, независимого суда, призванного ее защищать, так или иначе признавалась властью. И лишь в Советской империи было иначе — собственность считалась «общенародной», хотя на практике право распоряжаться, отчуждать и защищать эксклюзивно принадлежало лично Сталину и его нукерам. Как на самом деле и суд — если не обращать внимания на словесную мишуру. Советский человек воспринимал это как норму жизни. Ему не могла прийти в голову диковинная мысль потребовать себе долю «общенародного» Магнитогорского металлургического комбината, золотых приисков на Колыме или нефтегазового комплекса в Баку. Люди были убеждены, что владеют всеми богатствами коллективно — и этого достаточно. Хотя на каждом бумажном рубле было написано,

кова, 1781. Перепечатано в книге: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 1. С. 268–286.

что он «обеспечивается всем достоянием Союза ССР», свободно обменять свои трудовые рубли, например, на золото, на участок земли или на что-то еще из «общенародного обеспечения» советский человек не мог. И в абсолютном большинстве случаев не хотел — как не мог и не хотел средневековый кочевник претендовать на частный выпас для своего скота. В том числе потому, что в одиночку не смог бы обеспечить и защитить свое право на этот участок. Частная собственность в подобной социокультурной среде немыслима, ибо противоречит природе вещей.

Николай II, последний император европейской России, во время переписи населения 1897 г. на вопрос о роде занятий ответил: «Хозяин земли Русской». Но то была лишь пафосная декларация. На практике его хозяйские амбиции были ограничены развитой системой земельного права. В Империи были четко разделены земли монастырей, городские, общинные, государственные (ими распоряжалось правительство) и, конечно, частные — включая помещичьи и крестьянские. У императорской семьи тоже были свои частные владения — например, имение Иолотань в Туркмении. Всерьез «хозяйствовать» царь имел право только в них.

Большевистские вожди в сравнении с Николаем II обладали практически неограниченными возможностями владеть, распоряжаться и отчуждать «общенародные» ресурсы. Заливать речные долины водохранилищами, бесплатно изымать общинные земли под гигантские стройки, продавать за рубеж картины из национальных музеев или строить для Сталина персональную ветку метро от Ближней дачи до офиса в Кремле. Эта особенность советской действительности до сих пор не осознана общественным мнением; люди верят, что «так было надо для народа». Так в глазах кочевника вождь служит народу — без него племя слабо, беззащитно и не способно контролировать свои пастбища. С сильным ханом, наоборот, народ может завоевать чужие выпасы и прославиться. Чтобы добиться подобного единомыслия, большевикам приходилось неустанно трудиться над очисткой коммуникативной памяти и физическим истреблением носителей европейской правовой культуры. «Служить в очистке», как сказано у М. Булгакова.

В связи с отсутствием институций частной собственности, кочевое мировоззрение мало заботится о развитии и усложнении обитаемого пространства. Оно мыслит экстенсивно и не склонно инвестировать в землю свой труд, силы и время. Оседлое мышление, напротив, занято главным образом интенсификацией ландшафта — хотя вряд ли об этом задумывается. В масштабе столетий эта разница становится определяющей.

Материальная память ландшафта

Начиная с неолита переход от присваивающего хозяйства к производящему сопровождается расширением земледельческих оазисов, повышением их продуктивности и, следовательно, экологической емкости — применительно к человеку. Кочевое скотоводство оставалось ориентированным на эксплуатацию естественных пастбищных ресурсов без преобразования среды обитания. Его рост был жестко ограничен природной продуктивностью ландшафта.

Зато у кочевников всегда было военное преимущество. Они мобильны, неприхотливы, дисциплинированы и сплочены. Постоянная готовность к бою, к набегу или к отступлению — их естественное состояние. Арабский мыслитель Ибн Халдун (*Abd ar-Raḥmān ibn Muḥammad ibn Khaldūn al-Ḥaḍramī*, 1332–1406) обозначил эту особенностьnomadov термином *asabīyyah*⁸, который можно перевести как «боевой дух». Наблюдая конфликты между бедуинами и оседлым населением средневекового Maghribi и имея опыт прямого общения с Тимуром (Тамерланом), Ибн Халдун пришел к выводу, что у кочевников («варваров») ресурсы *asabīyyah* значительно выше, чем у оседлых цивилизаций. Этим, как он полагал, объясняются успехи «воинов пустыни» в цивилизационной битве с «городом». Интересно, что он отметил цикличность процесса: вдохновленные избытком *asabīyyah* кочевники смело захватывают города, но вскоре проникаются удобствами оседлого быта и постепенно утрачивают боевой дух. В итоге через 4–5 поколений (около 120 лет) они

8. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Asabiyah>.

становятся жертвами каких-то других кочевников — и история повторяется.

Несложно увидеть сходство с понятием «пассионарности», которое через 600 лет после Ибн Халдуна ввел в обиход один из теоретиков евразийства, Лев Гумилев. Чувствуется близость и с модной 20–30 лет назад идеей перехода государства от статуса «кочевого бандита» (*roving bandit*) к статусу бандита стационарного (*stationary bandit*)⁹. К сожалению, в отличие от Ибн-Халдуна, эта теория ничего не говорит про обратный переход и его возможную цену. Весьма европейский взгляд, по умолчанию подразумевающий необратимость эволюции.

Сегодня про «пассионарность» с удовольствием рассуждают теоретики путинизма: они верят, что Сталин вдохнул в народ дух бескорыстного стремления к подвигу и негодуют на «буржуазные реформы», разменявшие боевую солидарность на материальное благополучие.

По сути, это вывернутый наизнанку и опошленный Тютчев. Тот полагал, что Россией движет благородный дух великой Римской империи (оседлой); эти апеллируют к великому евразийскому духу «степного волонтизма» (кочевому). Недостатком обоих подходов является догматизм (в кантовском смысле, как истовая вера в теоретические конструкции вместо эмпирических фактов) и отсутствие эволюционного подхода. Объединяет же их тоска по мифологическому величию. В терминах «коллективного Патрушева» проблема описывается как экзистенциальный конфликт среди *неодворян*, часть из которых сохраняет верность бескорыстным традициям благородного чекистского воинства (ТВ-образ Штирлица мыслится как историческая реальность), но другая часть морально разложилась и превратилась в торгашей и *коммерсов*.

Про циклы Ибн Халдуна лубянские теоретики, похоже, не слышали. В действительности его средневековая схема выглядела адекватной лишь до Нового времени и технологической революции, когда материальный прогресс не оставил

9. *Martin C. McGuire, Mancur Olson Jr. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature. 1996. Vol. XXIV. P. 72–96.*

кочевым сообществам шансов. Каравеллы одержали победу над караванами, пушки победили конницу. В эмпирической истории Евразии и России это проявилось как растянутый на столетия распад Золотой Орды и появление на ее месте ряда стационарных государств. При этом (что важно!) политическая мифология и властные традиции оказались более живучими, чем их материальная база. В жизни политических структур, возникших на месте империи Чингисхана, приоритеты кочевого менеджмента в латентном виде сохранялись веками, сдерживая темпы социально-экономического роста. Помимо народной мифологии и документальной истории эти следы надолго (если не навсегда) запечатлены и в материальном состоянии окружающей среды. Они объективны.

Показатели плотности населения, транспортной инфраструктуры и общего экономического развития в России по сей день существенно выше в зоне европейского влияния, чем на территории былого владычества кочевников. Теоретики евразийского величия вынуждены объяснять это логикой географического детерминизма (кстати, тоже заимствованной из Европы — хотя сам Запад осознал ее неполную релевантность уже несколько поколений назад). Факторы климата и географической среды бесспорно важны, но их относительная роль быстро слабеет по мере развития общества и появления более эффективных технологий природопользования.

Эта территориальная асимметрия упускается из виду как критиками «генетического русского империализма», так и его пламенными проповедниками. И для тех, и для этих СССР наравне с империей Романовых мыслится как монолитное пятно красного цвета, источающее либо яд агрессии, либо елей имперской благодати — в зависимости от точки зрения. Хотя на самом деле два имперских пространства были глубоко различны в политическом, культурном и правовом плане; неожиданно легкий и сравнительно бескровный распад СССР тому наглядное свидетельство. Царская же империя распадалась долго и мучительно, через гражданскую войну, чудовищный террор и миллионные потери населения. Неумение или нежелание видеть эту разницу позволяет говорить и о пространственно-временной асимметрии (В. И. Вернадский сказал бы

«диссимметрии») русского дискурсивного поля, где европейская рациональная составляющая была надолго подавлена выплеском торжествующего варварства.

Так или иначе, в сегодняшнем материальном мире зоны исторического преобладания оседлых приоритетов отличаются глубоко преобразованной географической средой с высокой экологической емкостью, позволяющей поддерживать существование сотен миллионов человек. Зоны преобладания кочевых традиций находятся в фазе догоняющего развития. Естественно, про каждое из оседлых государств и тем более империй можно сказать (и уже не раз сказано — в том числе справедливо) много нелепого: консерватизм, бюрократизм, шовинизм, милитаризм и т. п. Оставим эти оценочные суждения в стороне, сосредоточившись на объективной материальности.

Пространство былой империи Чингисхана, особенно ее центра, до последних десятилетий удивляло зияющей пустотой. Романтик геополитики Хэлфорд Маккиндер¹⁰ в начале XX века обозначил эту территорию как «Хартленд» и предсказал стремительный рост ее глобальной роли в ближайшем будущем — по умолчанию исходя из европейского понимания сути территориального развития. Скорее всего, так оно и было бы — если бы в самом Хартленде возобладало европейское понимание. Однако процесс двинулся по другой траектории — и материальная память ландшафта говорит об этом со всей определенностью.

«Россия заменила собой Монгольскую империю» — пишет Маккиндер (с. 77). С географической точки зрения он прав — при той оговорке, что имеется в виду Россия дореволюционная, с четко выраженным оседлым приоритетом. Именно «заменила», а не «продолжила». В рамках этой самоочевидной (для европейского ума) логики Маккиндер прозревает грядущую интенсификацию Хартленда: «...Уже в этом столетии всю Азию наверняка покроет сеть железных дорог. Пространства Российской империи и Монголии настолько обширны, а их потенциал в области народонаселения, пшеницы, хлопка, топ-

10. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2023.

лива и металлов настолько неисчислимо велик, что неизбежно возникновение и развитие целого огромного экономического мира...». И через несколько строк — как бы специально для нас — еще раз подчеркивает, что его прогноз исходит из естественного для оседлой культуры стремления к оптимизации пространства вместо варварской тяги к его безграничному расширению. «Полагаю, — пишет Маккиндер — что развитие современной железнодорожной сети на ее [России. — Д. О.] территории — лишь вопрос времени. Маловероятно, что какое-либо возможное социальное потрясение существенно изменит ее отношение к великим географическим пределам собственного существования. Мудро признавая фундаментальные ограничения своего могущества, правители России расстались с Аляской...» (стр. 77–78). Иными словами, Россия освобождается от заморских территорий, эффективно управлять которыми все равно не может из-за дефицита кадровых, финансовых и военных ресурсов и вместо этого сосредотачивается на развитии собственных — и так уже более чем обширных — земель. Хэлфорд Маккиндер считает это мудрым, и с ним трудно спорить, оставаясь в рамках европейского рационализма.

Теперь посмотрим, что происходило с развитием пространства на практике. Железнодорожная сеть как инфраструктурная основа хозяйственного, военного, культурного и любого другого освоения Маккиндером упомянута не зря: в последней трети XIX столетия в Америке протяженность железных дорог прирастала со скоростью 6–8 тыс. км за год. Для начала XX века это была самая простая и очевидная метрика, позволяющая судить о темпах социально-экономического развития. Своего рода символ индустриализации, объединяющий в себе все ключевые показатели эпохи: машиностроение-сталь-чугун-уголь-бетон-инженерные кадры-эффективный менеджмент.

Поначалу эмпирика убедительно подтверждает правоту Маккиндера. После поражения в Крымской войне и реформ царя-освободителя (1861–1865 гг.) Россия быстро вышла на второе место в мире по темпам роста ж.-д. сети и уверенно приближалась к американским показателям. Политэкономический обозреватель В. Ильин, в 1899 г. опубликовавший интересную книгу «Развитие капитализма в России» (отечественной ауди-

тории этот автор более известен как В. И. Ленин) констатирует *истинно американские* темпы роста пореформенной России и иллюстрирует этот тезис, в том числе, данными о развитии железнодорожной сети: «Русская железнодорожная сеть возросла с 3819 километров в 1865 г. до 29 063 км в 1890 г., т. е. увеличилась более, чем в 7 раз. Соответствующий шаг был сделан Англией в более продолжительный период (1845 г. — 4082 км, 1875 г. — 26 819 км, увеличение в 6 раз), Германией — в более короткий период (1845 г. — 2143 км, 1875 г. — 27 981 км, увеличение в 12 раз) <...> С 1865 г. по 1875 г. средний годовой прирост русской жел.-дорожной составлял 1 1/2 тыс. километров, а с 1893 по 1897 — около 2 1/2 тыс. километров»¹¹.

От себя добавим, что в последние пять лет XIX века, данные о которых не попали в книгу, средние темпы ж.-д. строительства в России поднялись до 3,1 тыс. км/год. В одном только 1899 г. (как раз год издания ленинского труда) было введено в строй 4964 версты (5297 км) пути¹². Иными словами, Хартленд на рубеже веков действительно демонстрировал опережающие темпы пространственного развития, решительно обгоняя старушку-Европу и сравниваясь с Америкой. Территория решительно входила в Новое время и прощалась с приоритетами средних веков: налицо быстрое освоение, колонизация и интенсификация земель. Процесс сопровождается ростом населения (до 2% в год), стремительной урбанизацией и неизбежными социальными перегрузками.

Если бы так продолжалось и дальше, то Россия (в первую очередь Сибирь) действительно за XX век была бы покрыта плотной сетью железных дорог. На пальцах: условный прирост всего в 2–3 тыс. км/год означал бы увеличение сети на 200–300 тыс. км за столетие. На конец 1913 г. в царской России насчитывалось 71–73 тыс. км пути. За четыре года с 1914 до конца 1917 г. несмотря на мировую войну и революцию, удалось построить еще 13 тыс. км. — в среднем по 3,25 тыс. км/год. Итого, к началу советской эпохи в России имелось примерно

11. Ленин В. И. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1953.

12. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. / Сост. Г. М. Афонина. М.: МПС, 2001.

85 тыс. км ж.-д. пути. К моменту распада СССР в 1991 г. протяженность советской ж.-д. сеть была 147 тыс. км. То есть за 74 года советской власти транспортный каркас СССР вырос на 62 тыс. км, в среднем по 0,84 тыс. км/год. Примерно вдвое слабее указанного В. И. Лениным стартового интервала 1865–1875 гг.

Осознать это непросто: люди привыкли верить в индустриализацию, невиданные темпы и преимущества планомерного поступательного развития. Но это отдельная история — про пропаганду. А у нас на повестке дня материальная память ландшафта; она сказкам верить не умеет.

Можно зайти с другого боку: средние темпы ж.-д. строительства до революции (оставляя в стороне подъемы, спады и общую тенденцию к ускорению вследствие технологического прогресса) составили около 1,5 тыс. км/год. Средние советские темпы, как ни крути, получились в два раза ниже — несмотря на быстрое развитие строительных и прочих технологий. То есть развитие продолжалось — но постепенно затухающими темпами, в то время как во всем прочем мире темпы ускорялись. Справедливости ради отметим, что в США рост ж.-д. сети в первой половине XX века тоже остановился и даже пошел вспять — из-за перенасыщения территории инфраструктурой и появления более конкурентоспособных видов транспорта. В России причины падения были принципиально иными, нужда в железных дорогах всегда была очевидна и со временем лишь обострялась. В первом случае кризис перепроизводства (циклический), во втором — недопроизводства (зато хронический).

Эмпирический факт состоит в том, что прогноз Маккиндерса провалился: в пространстве Хартленда в XX веке доминировал если не полный вакуум, то, как минимум, запустение и отставание в сравнении со старой Европой и США. Сегодня в РФ лишь 122 тыс. км железных дорог; застарелый дефицит проявился особенно болезненно на фоне путинской попытки переориентироваться на Азию. Сибирь и Дальний Восток, как и 120 лет назад, висят на единственной ниточке Транссиба, протянутой еще в царские времена. Нитка явно перегружена, вагоны ждут отправки неделями и месяцами.

США по площади почти вдвое меньше России, но железных дорог там 293 тыс. км — четырех-пятикратная разница в плотности инфраструктурного скелета. При этом по рельсам в Америке перевозят лишь 40% грузов, а основную тяжесть с середины XX века принял на себя автотранспорт: протяженность автомагистралей достигла 260 тыс. км. Про роль и состояние федеральных автодорог России (протяженность 50 тыс. км, из них 15% без асфальта, плотность в 10 раз ниже американской) не стоит даже говорить.

В Китае при равной с США площади — 155 тыс. км железных дорог; плотность сети в 2 раза выше российской, но в два раза ниже, чем в США. Зато в КНР как нигде в мире высока роль и доля новой инфраструктуры высокоскоростного железнодорожного транспорта: 45 тыс. км! В России высокоскоростной считается только дорога от Москвы до Петербурга — да и то условно.

Совсем пустым пространство за Уралом назвать, конечно, нельзя, но недоразвитость очевидна. Точно так же очевиден (правда, не для советских очей) обвал средних темпов железнодорожного строительства. После 1917 г. — и вплоть до современности — они рухнули в четыре раза по сравнению с лучшими образцами конца XIX — начала XX века. Или в два раза по сравнению с временами Царя-Освободителя, мастера Левши и собачки Муму. Это тем более парадоксально, что развитый мир (при всех его противоречиях, кризисах и прочих отвратительных качествах) за эти десятилетия пережил технологическую революцию и существенный подъем производительности труда. Однако пространство русского Хартленда, несмотря на блистательные стартовые позиции и огромный потенциал, доверия не оправдало. Ни в смысле транспорта, ни в смысле народонаселения или пшеницы, о которых оптимистично писал Маккиндер.

Вкратце о народонаселении. Если из карты Российской Империи 1900 года выкроить контур современной РФ, то выяснится, что на этой территории тогда проживало около 75 млн человек. Примерно столько же жило в границах США. Американские границы, кстати, с тех пор практически не менялись — вопреки скучным воплям про империалистический

экспансионизм как последнюю стадию капитализма. С тех пор прошло 5 поколений. В России статистика фиксирует около 146 млн человек (включая мутный вопрос о демографическом трофее с оккупированных украинских земель); в США 336 миллионов. То есть в советской Евразии рост опять же худо-бедно продолжался — но в два с лишним раза медленнее, чем в Америке. Гораздо слабее, чем должен был бы идти из рациональных демографических ожиданий: на старте XX столетия темпы роста населения в России были заметно выше американских.

Но потом что-то случилось — очень долгосрочное и токсичное.

Теперь так же кратко о пшенице. Перед первой мировой войной Российской империя не только полностью удовлетворяла внутренний спрос на продукты питания, качество и количество которых быстро росло (см. упомянутую работу В. И. Ленина), но и ежегодно поставляла на экспорт до 10 млн тонн зерна. С большим отрывом занимая первое место в списке глобальных экспортёров хлеба. Нынешняя РФ, несмотря на утрату советских земледельческих территорий, опять уверенно держит первое место в мире по экспорту — до 40–50 млн тонн в год. Из повестки дня незаметно исчезли и скучные вопли о «продовольственной безопасности», в которой, где, нуждается первое в мире государство рабочих и крестьян: с возвращением к частной собственности тема утратила актуальность. Как, кстати, и в современной Украине, которая по хлебному экспорту идет вплотную за Россией с результатом около 40 млн тонн в год.

Тем поразительнее, что за 74 года между 1917 и 1991 гг. эти же территории, с теми же самыми почвами, климатом и населением пережили три волны смертельного голода с миллионными жертвами: 1918–1922 гг. (до 6–8 млн погибших), 1930–1934 гг. (8–10 млн) и 1946–1947 гг. (1–1,5 млн). Плюс (точнее минус) смертельный голод в блокадном Ленинграде и хроническое недоедание в тылу во время Второй мировой войны. К финалу советской эпопеи СССР уверенно занимал первое место в мире уже не по экспорту, а по импорту зерна, закупая до 40 млн тонн в год у переживающих «общий кризис капитализма» Канады, США и Аргентины. И это был большой гуманитарный прогресс в сравнении с ленинско-сталинскими временами, когда

политическому менеджменту в голову не приходило тратить валюту на корм для населения. Наоборот, во время голодомора 30-х годов Сталин жестко требовал максимально наращивать экспорт зерна — потому что для укрепления державы требовалась деньги. Не деревянные, которые он сам может напечатать, а нормальные, капиталистические. А население пусть выживает как-нибудь само... Для вождя это это вообще не вопрос — неизбежные потери в битве за светлое будущее.

Нигде в развитом мире, включая проигравшие войну Германию, Италию и Японию, проблема *летального* голода как значимого демографического фактора (не путать с недоеданием или продовольственным нормированием!) в XX веке на повестке не стояла. Как не стояла она и в дореволюционной России по меньшей мере с 1891 г. А потом почему-то — увы! — внезапно актуализировалась. Случилось ровно то, что Маккиндер считал *маловероятным*: некое социальное потрясение радикально изменило отношение России к своему географическому пространству. Вместо рационального тренда на интенсификацию и развитие территории в приоритете оказалась экспансия, мировая революция, физическое истребление нелояльных групп населения и прочие чрезвычайно затратные мероприятия, связанные с щедрым расходованием накопленных предыдущими поколениями ресурсов.

С точки зрения материальной среды обитания произошла анти-еволюционная инвазия системы приоритетов псевдокочевого средневековья. Империя с оседлыми европейскими приоритетами была стерта с лица земли и замещена империей с куда более примитивными представлениями о благе, целях державного бытия и правах личности — начиная с права на частную жизнь и частную собственность.

Системы приоритетов

Кочевая традиция прямо запрещала повреждать лик земли — перекапывать почву, косить траву, без нужды перемещать камни. Вплоть до того, что специфический вид средневековых монгольских сапог с загнутым вверх носками («гутулы», весьма удобная при верховой езде обувь) сами носители кочевой культуры объясняли этнографам похвальным стремлением не по-

царапать землю при ходьбе. Земледельческий труд (в отличие от военного) в этих ареалах до сих пор считается занятием, недостойным мужчины. За хозяйство в рамках гендерной традиции отвечали женщины; мужчины же отвечали за войну: делали стрелы, готовили луки и совершенствовали боевое снаряжение. Антропологи до сих пор констатируют стихийное неприятие огородничества со стороны сравнительно недавно осевших на землю бурят Прибайкалья — особенно, если речь идет о старшем поколении¹³. Боевой же труд считался и считается в высшей степени достойным мужским занятием. Связано ли это с сегодняшним феноменом «боевых бурят Путина»?

Почва и земля, в противоположность сухому и твердому «мужскому» небу, мыслились евразийскими кочевниками как влажная и низменная женская сущность, с одной стороны сакрально-материнская, с другой нечистая и опасная. Мало кто в современной России сознает, что русская сказочно-былинная формула «мать — сыра земля» есть абсолютная калька с гендерно-хтонической картины мира средневековых монголов. Аналогично былинные русские витязи на картинах Билибина¹⁴ и его лубочно-кондитерских последователей изображены в сафьянных (сафьян — слово и материал из Орды) монгольских гутулах, с монгольскими луками и т.п. Неосознанное заимствование культурных шаблонов Евразии проявляется в массе примеров — вплоть до средневекового запрета православным мужчинам лежать животом на земле «на чреве» — «как на жене играть»¹⁵. Это трактовалось как оскорбление родителей: земля есть мать.

Гора, устремленная ввысь, напротив, символизировала мужское начало, силу, верховную власть и сакральный центр пространства. У западных бурят хтоническое мужество по сей день символизируется «неувядающим бугром» по имени

13. Нанзатов Б. З. и др. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М.: Восточная литература, 2008. С. 28.

14. Иван Билибин (1876–1942) известный русский художник, автор широко известного сказочно-былинного художественного стиля.

15. Смирнов С. Древнерусский духовник: Очерк. Сергиев Посад: 2 тип. А. И. Снегиревой, 1899.

Хуй-болдог¹⁶. Для ценителей обсценной лексики это хороший повод задуматься о роли заимствований в жизни языка. Для борцов за гендерный переход — свидетельство глубины традиции, с которой они взялись бороться. Для социологии и политологии — доказательство устойчивости социокультурных шаблонов, способных влиять на деятельность людей через много поколений даже после смены экономического уклада и образа жизни.

Традиция формирует и оправдывает презрение свободно кочующего рыцаря степей к земледелию и оседлому быту. Он был искренне убежден, что люди, «ковыряющиеся в земле», самим порядком вещей обязаны подчиняться «народам, натягивающим лук». В современном языке былых кочевников сохранилась забавная формула проклятия, которая звучит примерно так: «Чтоб ты жил как землерой и всю жизнь нюхал собственную вонь». Для обозначения оседлых земледельцев в тюркских языках Центральной Азии доныне сохранился пренебрежительный термин «сарт», что применительно к русской традиции можно перевести как «смерд». Русские колонизаторы Туркестана во второй половине XIX века, не разобравшись в деталях, называли сартами «оседлых узбеков». Сами же тюркоязычные узбеки обозначали этим термином ираноязычных земледельцев, которых по правилу Ибн Халдуна завоевали и покорили в XIV вв. В свою очередь, некоторые представители современной (городской и европеизированной!) киргизской интеллигенции искренне считают свой народ единственным настоящим продолжателем славных традиций Чингисхана, а обидное словечко «сарт» адресуют как таджикам, так и давно осевшим на землю узбекам... В процессе формирования новых идентичностей история и понятийный аппарат перекраиваются так же легко и просто, как Тютчев выводил Российскую империю из Рима, а иные ревнители православия считали Христа русским.

Сравнение материальных ландшафтов позволяет объективировать задачу. В ареалах древних оседлых культур (практически все они раньше или позже прошли через имперскую

16. См. Нанзатов Б. З. и др. Цит. соч. С. 75.

фазу развития) давно сформирована устойчивая структура расселения, которая обеспечивает феномен «бессмертного города»¹⁷. Даже если город был стерт с лица земли (например, Дрезден в Германии или Хиросима в Японии во время Второй мировой войны), он, как правило, быстро восстанавливается. Потому что этого требует объективно существующая социальная и экономическая структура обитаемого пространства. Оно нуждается в центре комплексного развития: сюда сходятся построенные в течение столетий дороги, здесь фокус рыночного обмена, место концентрации промышленности, квалифицированных кадров, культурных, медицинских, образовательных и прочих услуг. В конечном счете — точка быстрого экономического, инфраструктурного и демографического роста за счет втягивания мигрантов из окружающего более рыхлого пространства. В средние века город с его крепостной стеной представлял еще и важные услуги в области обороны.

В ареале ордынского политического менеджмента — и чем глубже в зону кочевий, тем очевиднее — бессмертных городов нет. Там они (после перехода к оседлым приоритетам) только начинают зарождаться — как бы отставая на 100 лет от прогноза Маккинdera и переместив центр его Хартленда из России (увы!) ближе к Китаю. В начале XX века население столицы Монголии было около 20 тыс. человек — в основном из оседлых китайцев. Сейчас в Улан-Баторе около 1,5 миллионов. Более чем на 95% это этнические монголы и другие вчерашние кочевники, на глазах превращающиеся в горожан. При этом более 100 тысяч столичных жителей до сих пор живут в юртах, без водопровода и канализации. Урбанистический переход всегда мучителен — тем более, такой стремительный. Однако, при всех издержках, он осуществляется, во-первых, без претензий на экспансию (по крайней мере, пока) и, во-вторых, без войны. И уже поэтому обречен на успех. Если, конечно, по каким-то причинам система политических приоритетов в современном Китае и Монголии вдруг не развернется назад к идеалам средневекового вождества, как это случилось с Россией в 1917 г.

17. Лаппо Г. М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987.

Так или иначе, новая городская среда в центре Хартленда налицо. Она сформировалась буквально за несколько поколений — в отличие от Китая, Японии или Европы. Быстро (отнюдь не всегда добровольно) перенимая опыт оседлых культур, Улан-Батор решительно вошел в список «бессмертных городов».

Формирующаяся на базе европейских и китайских образовательных традиций, новая интеллигенция благодаря преимуществам городской жизни получает доступ к информационным ресурсам и вдосталь свободного времени, чтобы заняться конструированием новой народной идентичности. И первым делом, естественно, обрушивается с острой критикой на колонизаторов и империалистов, которые принесли в Великую Степь чуждую ей оседлую культуру, неравенство, эксплуатацию, нарушение экологического равновесия и прочие ужасы. Здесь тоже своего рода циклическая закономерность: так Тютчев 175 лет назад по-французски негодовал на Западную Европу и сулил ей неизбежную погибель.

Ландшафтным знаком, отличающим оседлый мир от кочевого, были крепостные стены. Самый яркий пример — великая китайская стена, призванная защитить огромную территорию с развитыми земледельческими ландшафтами. (Мало кто обращает внимание на то, что Стена в не меньшей степени говорит о неготовности и нежелании оседлой китайской культуры тратить ресурсы на завоевание чуждых территорий за ее пределами. Чужой и враждебный кочевой мир ей был не интересен и не нужен).

В Европе, с ее более мелкими пространственными контурами, сходную функцию выполняли городские стены. Кочевники же крепостных стен (как и самого понятия границ) не принимали в принципе. Завоеванным городам они запрещали восстанавливать разрушенные при штурме укрепления — город должен быть открыт для карательно-воспитательных акций и сборщиков ордынского ясака. Кочевая традиция отказывает городу в праве на политическую субъектность и суверенитет — точно так же, как своим подданным в праве на частную собственность. Безопасность обеспечивалась безграничной волей Великого Хана, страх перед которым защищает лучше любой стены.

Города Великой Степи отличались от европейских (китайских, индийских, персидских и др.) прежде всего эфемерностью. Они возникали не как материальное воплощение оборонных и хозяйственных интересов территории, связанных с частной собственностью, частным правом, производством и концентрацией капитала, а скорее как воплощение воли или каприза хана. В оседлых империях, где столица — там и император. В кочевой Евразии наоборот: где император (хан), там и столица. Точнее, ставка. Уходит хан — исчезает и полукочевой город, далекий от функции структурного фокуса стационарного пространства.

Примером служит Каракорум — столица хана Угэдэя, заброшенная вскоре после его смерти, при хане Хубилае. Угэдэй первым из чингизидов предпринял попытку осесть на землю и построить (в центре современной Монголии) город по китайскому образцу. Не получилось: город оказался чужд окружающей социально-экономической среде с ее системой приоритетов. Хан следующего поколения, внук Чингисхана Хубилай перенес свою столицу в Ханбалык, глубоко в китайский земледельческий ареал. Здесь она прижилась и со временем превратилась в бессмертный Пекин. Хубилай (Kubla Khan) с тех пор считается первым полностью оседлым императором из чингизидов и основателем китайской (уже не монгольской!) династии Юань. В чистом виде Ибн-Халдун...

По аналогии с Каракорумом исчезли эфемерные столицы Золотой Орды в низовьях Волги: Сарай-Бату и Сарай-Берке, равно как и Сарайчик в низовьях Яика (Урала). Огромный по средневековым масштабам город Мерв (свыше 500 тыс. населения; развитая торговля и промышленность; современники ставили его выше Багдада и Константинополя) был разрушен монголами в 1221 г. и уже никогда не смог восстановиться, оказавшись в системе кочевых приоритетов.

С точки зрения оседлой культуры это дико: захватчики уничтожают курицу, которая ежегодно приносила бы им гору золотых яиц. Но для воинов Чингисхана все правильно: «сарты» насиловали землю, изуродовали ее лик каналами — а смелые и благородные кочевники вернули ей свободу и исконное естество. На месте земледельческого оазиса должна быть приволь-

ная дикая степь; в степи должны пасться их стада; над этой идиллией экологического равновесия должно вечно сиять имя великого вождя, который символизирует неувядаемую славу народа-воина, народа-победителя.

Проблема в том, что продуктивность естественного степного биоценоза многократно ниже, чем пашни — тем более, орошаемой. Пытаясь оптимизировать землепользование в завоеванном Туркестане, Российская Империя потратила много сил и времени на поиск баланса между интересами местного кочевого населения и русских колонистов-земледельцев. Многолетними исследованиями было установлено, что в конце XIX — начале XX века для жизнеобеспечения кочевого домохозяйства в среднем было необходимо от 150–300 десятин земли (оценка начальника Переселенческого управления А. В. Кривошеина в 1908 г.) до 500 десятин (оценка экспедиции Ф. А. Щербины в 1900 г.)¹⁸. Для семьи землепашца в среднем оказалось вполне достаточно 15 десятин: разница минимум на порядок. Через 100 лет, благодаря развитию технологий, селекции и удобрений специализированное фермерское хозяйство может успешно функционировать на площади в 5–10 гектаров и даже менее. В историческом соревновании с оседлой цивилизацией евразийские кочевья были обречены — хотя бы вследствие недостаточной экологической емкости на фоне демографического роста соседей.

Возвращаясь к Мерву, — кочевые завоеватели просто оставили его без необходимой для города эколого-экономической ниши. Естественной продуктивности оазиса в дельте р. Мургаб заведомо недостаточно, чтобы прокормить полмиллиона горожан. Мерв был обречен, потому что воины Чингисхана разрушили не только город, но и структуру окружающего социально-экономического пространства, которая поддерживала его существование. В частности, оросительные каналы. С другой стороны, деградировавшая до уровня «природного

18. Ian W. Campbell. *Knowledge and the Ends of Empire. Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917*. Cornell Univ. Press, 2017. Десятина — русская мера площади; равна примерно 1,1 га.

равновесия» территория тоже лишилась стимула роста — исчез рынок сбыта сельской продукции. Сотни тысяч человек в городе и вокруг оказались не нужными друг другу, без работы и средств пропитания. Те, кто не был убит, бежали или вились рядовыми в армию победителей. Циклические инвазии кочевых приоритетов в ткань оседлых территорий дорого стоили Центральной Азии в смысле демографии, экономики и культуры.

Пример Мерва наиболее красноречив, но не менее трагична история средневековой Хивы, которая многократно переходила из рук новооседлых чингизидов в руки их кочующих соплеменников — как будто специально, чтобы проиллюстрировать циклоиду Ибн-Халдуна. При каждом завоевательном спазме, с сопутствующими разрушениями городов, оросительных каналов, истреблением земледельческого населения и прежних элит, политическое и экономическое влияние гигантского Хорезмского (Хивинского) оазиса понемногу сокращалось. Пока наконец в 1873 г. ханство не стало легкой добычей русского генерала Кауфмана, войска которого испытывали больше проблем от экстремальных природно-климатических условий, чем от слабого и плохо организованного сопротивления ханских войск.

С Мервом получилось еще хуже. Несмотря на спорадические попытки восстановления, бесконечные конфликты между конкурирующими группировками чингизидов (с их специфическими представлениями о доблести, праве и политическом менеджменте), так и не позволили городу вернуть былой статус. С точки зрения ландшафтной памяти примерно 650 лет здесь прошли впустую. С конца XIX в. брешь в социокультурной ткани затягивается — непозволительно медленно. Ныне место занято провинциальным городком Мары на краю пустыни. От прежнего величия осталось только имя (Merw — Marw — Maru — Mary — Мары). Сюжет, трудно представимый для оседлых империй.

Хозяйство, культура и власть

«Традиционная экономика кочевого скотоводства никогда не была ориентирована на получение прибыли» — констатиру-

ет член-корреспондент Британской Академии наук А. М. Хазанов¹⁹. Более того, если пользоваться терминами марксизма, она никогда не была ориентирована и на производство/накопление прибавочного продукта. Можно назвать ее *анти-инвестиционной*: вкладывать в не защищенный правом и традицией ландшафт свой труд, опыт и материальные ресурсы для кочевника было глупо с хозяйственной точки зрения и постыдно с точки зрения гендерных шаблонов. Иное дело — завоевание новых пространств.

Отсюда несколько важных особенностей общества, власти и политических приоритетов.

Кольцевая концепция времени. Правнук кочевника видит вокруг себя тот же ландшафт, что и прадед. Жизнь неизменна; она состоит из бесконечных перекочевок с зимних стойбищ на летние и обратно, без качественного приращения и изменения. Умершие старики возвращаются на землю младенцами. Перемены может принести лишь эпический герой, увлекший народ в Великий Поход. Идея времени как вектора («река Гераклита»), а вслед за ней и идея эволюции могли зародиться лишь в оседлой культуре, где труд предков, зафиксированный в материальной памяти ландшафта, подталкивает к пониманию истории как вектора, а не как кольца.

Это не раз отмечал Арнольд Тойнби: «у кочевников нет истории». За сто лет до него русский «западник» Петр Чаадаев (похоже, далекий потомок хана Чагатая — Чагадая, Чедая, Чаадая, глубоко вросший в европейскую культуру) с горечью констатировал примерно то же самое и для России: она «стоит как бы вне времени»²⁰. Поэзия русского *серебряного века*, тоскующая по европейским образцам, часто эксплуатирует метафору вязкой дремы, в которую погружена отечественная жизнь. Пушкин в стихотворном ответе Чаадаеву обещает, что «Россия вспрянет ото сна». Мотив тяжкого сна встречается у Гого-

19. Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической перспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований; Институт Африки, 2002. С. 39.

20. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: «Современник», 1987. С. 35–36.

ля, у Лермонтова, у многих других. «Золотая дремотная Азия опочила на куполах» — так Есенин пишет про Москву, между делом указывая и на географический источник дремы. Интересно, что Петербург, европейскую столицу, русская литература ругала за самые разные грехи, — но никогда за сонливость.

Кочевая культура сфокусирована на пространстве. При этом, в отличие от изрезанной политическими границами Европы, кочевое пространство мыслилось как бесструктурная и безграницная сущность: «оcean суши». Идея экспансии доминирует над идеей освоения, интенсификации и развития. Державное имя Чингисхан дословно переводится как «хан Океана», — а у океана нет границ.

Отсутствие прибавочного продукта влечет за собой и отсутствие бюрократии как механизма контроля за производством и распределением. Политический менеджмент осуществляет военная иерархия; объектом распределения служат боевые трофеи и дань. Поэтому вождь не только лидер, организатор и вдохновитель, но и кормилец. Системообразующий персонаж, дарующий народу славу, материальные блага и имя. Только он своей дарованной с небес силой (эпической *харизмой* или «сульдэ»)²¹ способен объединить рассеянные в степи племенные группы и сконструировать из них Великий Народ. Впрочем, ненадолго. В отсутствие войны и общей экспансионистской цели межплеменной союз кочевников теряет функциональный смысл и быстро распадается: в мирной жизни он не нужен, скорее, наоборот²². Лишней в мирной жизни оказывается и функция боевого вождя, который закономерно эволюционирует (с точки зрения истинного кочевника — деградирует) в оседлого монарха.

Образ вождя (*chief* или *chieftain*) в кочевых культурах отличается от образа короля или царя в Европе. С одной стороны вождь ближе к народу, в условиях военно-кочевой демократии делит с ним тяготы боевого похода и не скрыт за толпой

21. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПБ: Евразия, 2013.

22. Барфилд Томас Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПБ: Нестор-История, 2009.

придворной челяди; с другой — фокусирует в себе объединительные функции, выступает фигурой героического эпоса и функциональным центром территории. Кочевники искренне верили, что при «правильном» вожде не бывает болезней, падежа скота, гололедицы и голода²³.

Раз пространство не знает частной собственности на землю, границ, городов, прибавочной стоимости и прибыли, — в нем не может быть ни граждан (горожан), ни имущественных «классов» в марксистском смысле. Социальная идентификация и стратификация в кочевой среде строится по принципу конкуренции и соподчинения рода-племенных групп или этносов (улусов). Отсюда же и основы «естественного права», а вместе с ним политического и территориального менеджмента. Вместо оседлого принципа индивидуального права и индивидуальной ответственности нормой в кочевой среде считается ответственность коллективная или «солидарная»: роды и улусы могут по воле хана возвышаться или обращаться в ничтожество, переселяться, получать территории в награду или, наоборот, «распыляться». В структурном смысле идея «классовой вины» не слишком далека от идеи коллективной вины рода, племени или улуса. Не зря у «вождя народов» переход от уничтожения/наказания буржуазии и кулачества «как класса» к уничтожению/наказанию «народов предателей» произошел так удивительно легко: в основе лежал один и тот же атавизм. С другой стороны, не зря подобные экзотические идеи, родившиеся в интеллектуально свободной Европе, оказались пригодными для практического воплощения лишь далеко на востоке.

Дефицит собственного производства кочевые империи успешно компенсировали изъятием продукции у соседей. Идеальной топологией их политического пространства было «кочевое ядро» в центре (источник силы, власти и *asabiyah*) и подчиненная оседлая периферия вокруг (источник продуктов, рекрутов и рабов для перепродажи). Структура политического (а вслед за ним и материального) ландшафта напоминала кольцо или бублик с неуловимой, но смертельно опасной

23. Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

пустотой в центре. Пространство оседлых империй (опять же в идеально-теоретической форме) организовано противоположным образом. Это скорее сфера с городской метрополией в центре и сырьевой периферией вокруг. Понятно, это две умозрительные крайности; в реальной жизни между ними множество переходных форм. Тем не менее, стоит отметить, что топология «бублика» несовместима с топологией «сферы» и переход одной формы в другую невозможен без пространственного разрыва.

В отличие от оседлых империй, «кочевое ядро» (с точки зрения материальной инфраструктуры правильнее было бы говорить о «кочевом вакууме») не нуждается в стационарном контроле над периферией. Для этого у него нет ни кадров, ни опыта, ни желания. Зато оно умело реализует технологию «дистанционной эксплуатации». Академик Н. Н. Крадин называет это *ксенократией* или *экзополитарной* моделью управления, когда кочевые элиты не ассоциируют себя с завоеванным населением и территорией, а просто в удобное для себя время посещают тот или этот оазис, чтобы забрать «урожай» и провести очередную акцию устрашения. Ожидать появления гражданской нации, объединяющей кочевой и оседлый элементы, в подобной супер-империи нет оснований. Логичнее ожидать ее раскола, когда некоторая группа кочевников начинает ассоциировать себя с определенной «зоной кормления», которую необходимо держать под контролем и защищать от грабежа со стороны конкурирующих ракетирских группировок. Это уже переход к фазе оседлости (превращение «кочевого бандита» в «стационарного» или превращение кочевого вождества в государство). С этого момента можно говорить о формировании нации в советском смысле слова: на основе общей территории, языка, культуры, хозяйства и пр. По-видимому, этот процесс не может идти иначе, кроме как через спад «супер-бублика» на ряд суверенных оседлых фрагментов под контролем *стационарного бандита*.

Если бы в СССР была реальная свобода научных дискуссий, наверняка возник бы содержательный спор о том, в какой степени «советский народ» является нацией в сталинском смысле, каковы дальнейшие перспективы совместного бытия

этносов и культур и как это соотносится с территориальным менеджментом в смысле унитаризации/федерализации. Однако тема была табуирована, а место содергательного анализа занимала партийная доктрина про «национальную по форме и социалистическую по содержанию» культуру. Оглядываясь назад, трудно не увидеть опасного сходства с произнесенной как бы вскользь формулой М. Крамаровского: «Золотоординская культура была, а золотоординского народа не было»²⁴. Советская культура — тем более, политическая — несомненно, была. А вот существовал ли умозрительно сконструированный в рамках этой культуры «советский народ, новая историческая общность людей»?

Хашар. Оседлая периферия в кочевой супер-империи рассматривалась как источник ресурсов и объект силовой эксплуатации — и не более. Отсюда своеобразная ордынская военная тактика, известная под названием «хашар» — в переводе с тюркского «толпа»²⁵. Мобилизованное население завоеванных территорий сгонялось к стенам осажденного города для выполнения самых тяжелых и опасных работ — не обращая внимание на потери. Хорошо вооруженные и обученные конные лучники из «кочевого ядра» держались сзади, выполняя функции заградотрядов и командования. Если участники хашара отступали, не выполнив боевой задачи, им рубили головы. В случае победы выжившие получали шанс встроиться в боевую иерархию Орды.

Хашар позволял кочевой ксенократии добиваться побед за чужой счет, сберегая свой боевой актив, который обычно составлял от трети до четверти атакующего войска. У европейских современников это создавало иллюзию бесчисленности и неисчерпаемости кочевого милитаризма, «числом подобного саранче».

24. Kramarovskiy Mark G. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the “Mongol Legasy” // Ed. by Gary Seaman, Daniel Marks. Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles: Ethnographics Press, University of Southern California, 1991. Vol. II. P. 255–273.

25. Храпачевский Р. П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011.

Стоит еще раз отметить, что за спиной победоносного ордынского фронтира оставались разрушенные антропогенные ландшафты. Они технически не могли обеспечить жизнь прежнему количеству людей — особенно, если речь о деградации орошаемого земледелия. Так что ордынская мобилизация, помимо прямого силового принуждения, опиралась и на хозяйствственные резоны. К великому походу (который по мере продвижения становился все менее «татаро-монгольским» в этническом смысле) присоединялись побежденные народы вместе со своими элитами. Часто у них просто не было выбора. Чтобы система работала, следовало беречь мигрирующее в пространстве «кочевое ядро» во главе с харизматичным военным лидером в лице вождя. Эта странная разновидность боевой империи по своей внутренней сущности не могла остановить экспансию без явного риска скорого распада. Норма жизни для нее — пребывание во взвинченном состоянии мобилизации и бесконечного похода — ради завоевания и разграбления новых земель. Если пользоваться более поздней формулой XX века — пребывание в состоянии *перманентной революции*.

При последующем оседании на землю эмиры, халифы и султаны Центральной Азии использовали хашар уже не в военных целях, а на масштабных инфраструктурных стройках, прежде всего при сооружении оросительных каналов и дорог. В советское время (через 700 лет после Чингисхана) слово «хашар» стали политкорректно переводить как «метод народной стройки», — хотя суть бесплатной мобилизации людских ресурсов осталась прежней. Для европейского культурного ареала подобная практика кажется диковатой, но в СССР она сохранилась вплоть до крушения режима — постепенно ослабевая и теряя эффективность. Начало было положено «трудовыми армиями» Троцкого, продолжилось массовой мобилизацией населения на строительство оборонительных сооружений в годы Второй мировой войны, железных дорог и газопроводов при Сталине и завершая умеренной практикой отправки школьников и студентов на уборку картофеля в России или «на хлопок» в республиках Средней Азии. Что опять же мыслилось как норма быта: а куда денешься?

Принцип *солидарной ответственности* имеет под собой не только идеологическую, но и экономическую основу. Ксено-какратическая империя не могла опускаться до разборок с каждым земледельцем или воином по отдельности: если город, воинское подразделение или улус чем-то прогневили Вождя (обычно — недоплатили дань), репрессии обрушивались на всю группу скопом. Этим универсальным способом обеспечивалась дисциплина данников, воинов — включая «хашар» — а также целых народов и территорий. Подобный режим хорош при военной экспансии, консолидации личной власти и мобилизации/экспроприации уже имеющихся ресурсов. Однако он проигрывает долгосрочную конкуренцию в сфере производства новых ресурсов, экономической эффективности, емкости ландшафтов и демографического роста. Изъятие ресурсов (в том числе демографических) и их генерация — две противоположные задачи, подход к которым зависит от преобладания инстинктивных приоритетов — как правило, неосознанных в силу культурной нормы как некой «самоочевидности».

Силовой центр евразийской империи («кочевое ядро») со временем отставал от оседлой периферии. «Ядро» демонстрировало все более раздражающую неспособность генерировать адекватные управляющие решения для развивающихся территорий, и из лидера объективно превращалось в тормоз. На столетия вперед сохраняя сложившийся комплекс политических инстинктов и привязанный к ней победоносный эпос. Иными словами, «духовные скрепы» средневекового кочевья.

Структура оседлых империй устроена противоположным образом: они изымают из колоний сырье и рабочую силу (тех же рабов), концентрируя производство и прибавочный продукт в метрополии. Где развиваются и накапливаются материальные и нематериальные (на самом деле более важные!) ресурсы науки, навыков и технологий. Эксплуатируемая периферия взамен приобретает колониальную инфраструктуру и доступ — поначалу весьма ограниченный — к имперскому культурному капиталу, системе образования и социальным институциям. Этот внешне неэквивалентный (ибо нематериальный) обмен систематически недооценивается критиками империализма/колониализма.

Для экзополитарных империй Евразии внешнее пространство было объектом завоевания и ограбления; для оседлых — еще и объектом освоения/инвестиций. С течением времени разница приобретала все более четкое материальное выражение. Зона кочевий отставала и сокращалась. Кочевая аристократия врастала в социокультурную ткань завоеванной периферии и «садилась на грунт» — возникал пестрый набор переходных государств. При этом культура каждой из новых государственных форм хранила память о былом величии и, при удобном случае, была не прочь к нему вернуться. Коммуникативная память была разной, но имелось и нечто общее: авторитаризм; запрет частной собственности на землю и соответствующих гражданских прав; неприятие конкуренции и разделения властей; преклонение перед силой и презрение к правам человека; коллективная ответственность; мобилизационная экономика. И, как интегральная сумма — технологическая и социокультурная отсталость.

Азиатский способ производства. Различия с Европой были так очевидны, что К. Марксу и Ф. Энгельсу для обозначения пост-ордынских форм хозяйства пришлось ввести в обиход специальное политэкономическое понятие. «Азиатский способ производства», как они считали, отличается запретом на частную собственность и тотальной концентрацией ресурсов в руках державной деспотии. Эти здравые соображения классиков (в соответствии с советским догматом классики ошибаться не могут — зато могут тихонько редактироваться их идейными наследниками в своих интересах) доставили много неудобств советским жрецам. С одной стороны, победный опыт СССР считался универсальным для всего человечества. С другой, в свете слов Маркса-Энгельса советский строй слишком подозрительно напоминал средневековый халифат²⁶. Сталин

26. Петер Струве одним из первых назвал большевизм «псевдо-марксизмом» (который противостоит собственным европейским корням и тяготеет к антикультурной «азиатчине») задолго до того, как Сталин с очевидностью продемонстрировал это на практике.
См.: Струве П. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. Сб& статей за пять лет (1905–1910).* СПб: Жуковский, 1911. С. 16–17.
URL: <https://tinyurl.com/27nyuukos>.

в начале 30-х годов решил проблему чисто по-ордынски: дискуссию про «азиатский способ» закрыл, а основных участников, включая Бухарина и Радека, в скором времени расстрелял.

Идеальная схема «дистанционной эксплуатации» подразумевает наличие бескрайнего «океана суши», откуда могли появляться и куда потом исчезать десанты легко вооруженных конников — рэкетиров, карателей и сборщиков дани. Защититься от их локальных операций было трудно, нанести ответный удар невозможно: по-русски это называется «ищи ветра в поле». Оседлые оазисы, несмотря на культурное и технологическое преимущество, столетиями были вынуждены откупаться, подчиняясь правилам ксеноократического шантажа. Бесструктурное пространство, которое можно пройти, но нельзя занять (установить стационарный контроль), служило кочевникам надежной защитой. Они легко бросали территорию на произвол завоевателя и так же легко возвращались обратно после его ухода. Воевать с ними — все равно что резать воду ножом, и древний Китай это прекрасно понимал. (А Наполеон, видимо, не понял — и был обречен постигать эту трудную науку на личном опыте, получив себе на шею как бы завоеванную, но сожженную и запустевшую Москву. Официальная историография трактует это как акт массового русского героизма; в равной мере это можно назвать свидетельством социокультурной близости к Золотой Орде.)

Короче говоря, в средние века в глубине Евразии сложилось нечто вроде вынужденного симбиоза между кочевыми вымогателями и оседлыми производителями. Обе системы полагали себя правыми, но социальная эволюция со временем показала, что производящее хозяйство перспективнее присваивающего.

После завоевания северного Китая перед сыном и преемником Чингисхана Угэдэем (*Ögödei*) встал экзистенциальный вопрос. Монгольские традиции и верные им боевые ветераны требовали уничтожить земледельческое население и оросительную инфраструктуру, чтобы земля вернулась в природное состояние и на ней могли пасться монгольские стада. С другой стороны, конфуцианец и носитель оседлого взгляда на мир Елюй Чуцай (*Yelü Chucai*) представил хану соблазнительные

расчеты того, сколько риса, шелка и серебра можно ежегодно получать с захваченных территорий, если оставить в живых население с присущим ему образом жизни. Согласно широко известному апокрифу, Елюй объяснил Великому Хану, что тот завоевал Поднебесную верхом на коне, но управлять ею с коня он уже не может. Хан обратил к мудрецу благосклонный слух и внял его советам — чем вызвал недовольство монгольских военачальников, не готовых поступиться принципами и ожидавших положенной им при грабеже доли власти и добычи.

Иными словами, оседание завоевателей на землю (предательство боевых идеалов «неодворянства» — если пользоваться понятиями лубянской философской школы Н.П. Патрушева) у монголов началось практически сразу после победы. Впрочем, прежде чем устоялась новая династия Юань во главе с ханом/императором Хубилаем (Kubla Khan, Khubilai Khan, Kublai), сменилось еще два великих хана, верных скорее кочевой традиции и ничем существенным не отметившихся.

Переход осуществлялся через гибридную фазу «дуального администрирования»²⁷, когда победители как бы еще сохраняют верность кочевым идеалам, но вместе с тем создают на оккупированных территориях зародыши стационарных институций типа наместничества, учета населения, сбора дани и пр. Этот процесс очень по-разному, но примерно в одном направлении шел по всей периферии супер-империи Чингисхана. Хубилай и его потомки быстро перенимали китайские навыки территориального менеджмента. В Центральной Азии Чагатай и чагатаиды исламизировались и заимствовали культуру Мавераннахра — хотя медленнее и противоречивей, чем в Китае. В Персии и Анатолии возникло государство хулагуидов/ильханов, тоже принявшее ислам и постепенно проникавшееся культурой оседлых арабов, персов и тюрок. Позже нечто схожее произошло с государством Великих Моголов в Индии. Во всех этих территориальных образованиях причудливо сочетались

27. *Di Cosmo, Nicola. Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge University Press, 2002.*

боевые приоритеты евразийских кочевников с практическими нуждами оседлого хозяйства.

Дольше всего — около 600 лет — традиции экзополитарного менеджмента сохранялись в самом обширном улусе хана Джучи (Zuchi Khan, Jochi Khan) — или, по-русски, в «Золотой Орде», которая охватывала всю Великую Степь и долго сохраняла силовое влияние на Центральную Азию, Сибирь и Восточную Европу, включая Русь. На протяжении столетий из океана Великой Степи выныривали новые и новые завоеватели, обуравляемые *asabiyah* и мечтавшие повторить подвиги Чингисхана. Представители «золотого рода» или «белой кости», как звали себя чингизиды, правили кочевыми группировками на территории современного Казахстана вплоть до второй половины XIX века. Хотя от столетия к столетию пространство под их контролем сокращалось, а политическая зависимость от былых данников возрастала. В 30-х годах XVIII в. хан Младшего Жуза на территории современного Казахстана, чингизид по имени Абулхаир, в поисках защиты от теснивших его с востока джунгар и кочевников Старшего Жуза обратился к Петербургу с просьбой о защите и принятии в подданство. Процесс взаимной притирки продолжался несколько поколений и сопровождался чудовищными эксцессами — особенно в ленинско-сталинскую эпоху, когда Центр провозгласил отказ от приоритетов оседлой империи Романовых.

В отличие от ранее отколовшихся территорий, ландшафты самого «кочевого ядра» Золотой Орды не могут похвастать вечными городами и архитектурными памятниками, которые имеются в Китае, Индии, Центральной Азии, Персии или Турции. Это касается и значительной части России к востоку от Волги.

Незримое присутствие и механизмы заимствования

В повседневные дела периферийных русских княжеств Золотая Орда после первых лет устрашающего порабощения не слишком вмешивалась — пока оттуда исправно шел поток дани, рекрутов и знаков вассальной верности. Она предпочитала пользоваться преимуществами «дистанционной эксплуата-

ции»; у чингизидов, занятых борьбой за власть, хватало своих проблем внутри «кочевого ядра».

В итоге не столько ордынские элиты перенимали культуру завоеванных территорий и русифицировались (по аналогии с Китаем, Индией или Персией), сколько наоборот, русские князья встраивались в систему ордынских приоритетов. Понятно, процесс был двусторонним, но, поскольку российскую историю, начиная с Карамзина, писали люди европейского дискурса, ордынский вклад в становление отечественной государственности было принято считать незначительным и только негативным. Это серьезное заблуждение.

Язык. Двадцатишестилетний Александр Пушкин, защищая русскую культуру от академика Лемонте (Pierre-Édouard Lémontey)²⁸, протестует против его утверждения, что «владычество татар» якобы оставило на русском языке «ржавчину». Пушкин в ответ пылко утверждает, что «едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык». На самом деле он глубоко заблуждается — даже если оставить в стороне неполиткорректные коннотации, связанные с термином «ржавчина».

Во-первых, ордынское влияние неверно сопоставлять с этническими татарами: те (по крайней мере, если речь о казанских татарах) были оседлым народом, который пострадал от ордынского нашествия не меньше русских. Хотя да — сохранил в структуре власти, языке и политической культуре еще больше следов кочевого владычества.

Во-вторых, коль скоро речь о языке, правильнее было бы говорить о словах монголо-туркско-персидского происхождения, которые только русскому уху кажутся чем-то однородно-ордынским.

В-третьих, в современном русском языке число заимствований из этого культурного ареала измеряется по мень-

28. Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 6: Публикации 1824–1830 гг. М.: Гос. издательство художественной литературы, 1962.

шой мере несколькими тысячами: Пушкин со своей оценкой промахнулся минимум на два порядка²⁹.

В-четвертых (это самое интересное), многие из ордынских слов так органично вросли в ткань русской речи, что вообще не кажутся заимствованием. Если такие слова как алмаз, амбар, аркан, атаман, базар, балык, буран, войлок, выюк... (и далее по алфавиту) еще хранят в себе легкий привкус востока, то русское башмак, дорога, кирпич, лошадь (от монгольского *alasha* — мерин), телега (монгольское *telegen* — повозка, движение), очаг, тулуп, туман, чугун, штаны и многие, многие другие кажутся исконно своими. Настолько русскими, что даже остро чуткий к языку Пушкин не уловил.

Впрочем, у него тоже есть своя правда: начиная с Петра Великого объем европейских заимствований в русском языке многократно превысил вклад ордынского сектора. Начиная от: абажур, абзац, абрикос, авангард, армия... багаж, бактерия, балет... и кончая экономикой, юриспруденцией, якорем и янвarem. Это уже многие десятки тысяч слов, разница минимум на порядок.

Русский язык, как предупреждал Ю. Лотман, тоже оказался двухэтажным: архаичный, во многом заимствованный из Орды, глубинный, «простонародный» этаж внизу и европеизированный, литературный, «господский» этаж сверху. Как видим, верхний культурный этаж Российской Империи не сумел вовремя осознать всю сложность проблемы и защититься от инвазии варварства — на этот раз не извне, а снизу. С первого этажа, если не из подвала. Получив в итоге редуцированную до ордынских приоритетов Империю Советскую.

Вертикальный/горизонтальный менеджмент. В политической культуре Московского государства, как и в языке, незримо, но объективно присутствовали важные заимствования из ордынского властного инструментария. Например, боярское «местничество» — когда позиция боярина на пиру «одесную» (справа) или «ошую» (слева), ближе или дальше от Великого князя (позже — от царя), символически означала статус и по-

29. Орешкина М. В. Тюркские слова в современном русском языке: проблемы освоения. М.: Academia, 1994.

литическую влиятельность боярского рода. Это полная копия монгольской властной иерархии с ее «войском правой» и «войском левой» руки. Поразительным образом эта архаичная традиция возобновилась в сталинскую эпоху, когда по позиции чиновника на трибуне мавзолея могли наблюдать судить о его статусе в партийной иерархии.

Много общего с ордынской культурой можно увидеть в системе экономической несвободы и запрете на частное право; в тяге к сверхцентрализации; в организации транспорта («ям» — почтовая станция, «ямщик» — кучер, от тюрского «јамчү» - гонец); в таможенном и военном деле (русское «таможня» — от тюркско-монгольского «тамга, tamga» — печать, ярлык, клеймо). Впрочем, для понимания особенностей Российской и Советской империй важнее вопрос об аппарате права и территориальном менеджменте.

В 1215 г. английские лендуорды навязали королю Иоанну Безземельному Великую Хартию Вольностей (Magna Carta), вокруг которой потом столетиями строилось здание британской (и американской тоже) правовой культуры, парламентаризма и разделения властей.

В 1218 г. на востоке Хорезма произошла Оттарская катастрофа³⁰, повлекшая экспансию Чингисхана и насильственный перенос военно-кочевых приоритетов сначала в Центральную Азию, а затем и в Восточную Европу. Последующие несколько сотен лет эти земли переживали нечто похожее на «темные века» Западной Европы после нашествия варваров и крушения Римской империи: упадок производства, населения и культуры, кризис городов и затем медленное мучительное формирование новых оседлых государств на одичавшей территории. В начале

30. Послы и торговые представители Чингисхана были убиты и разграблены воинами Хорезмшаха у богатого города Оттар с населением около 200 тыс. чел. в долине р. Сырдарьи. Для монголов убийство послов было тяжким оскорблением. Эксцесс был воспринят как *casus belli* и в 1219 г. монголы разрушили Оттар. Хорезмшах бежал, его государство перестало существовать. Ныне на месте города Оттара пустыня с плохо сохранившимися развалинами, на месте которых возводится архитектурный новодел для привлечения туристов.

II тыс. н. э. в Западной Европе начался медленный подъем от «темных столетий» к тому, что позже получило название Ренессанса. В Восточной Европе, включая Русь, примерно в это же время началось нечто противоположное.

После ухода Золотой Орды на Руси довольно быстро восстановилась система феодальных княжеств, которые считались суверенными. У них был общий язык, религия и принципы организации власти, унаследованные от Рюрика. На базе одного из княжеств — Великого княжества Московского, формируется Московское государство с постепенно усиливающейся централизацией при повышении статуса первого лица до уровня царя — то есть властителя над еще недавно суверенными удельными князьями. Первую попытку провозгласить себя царем предпринимает Великий князь Московский Иван III (конец XV в.). Полностью утверждается в этом статусе его внук Иван IV — он официально венчан на царство в середине XVI столетия.

С этого времени эпоху квази-федеративного сосуществования суверенных русских княжеств можно считать законченной. В Москве формируется централизованная и унитарная властная иерархия; Иван IV добивается небывалой концентрации личной власти и прямого контроля над территориями, прежде управлявшимися удельными князьями. В процессе решения этой кровавой задачи он заработал себе славу Грозного и — что важно для понимания специфики российской государственности — вынужденно дублировал (или осознанно заимствовал?) некоторые властные приоритеты и приемы кочевых империй Евразии.

Вотчинная собственность. Удельные князья (феодалы) по умолчанию считались собственниками земель, городов и населения своих княжеств. Ситуация, вполне типичная для средневековой Европы. В наследство от отца и деда московский царь получил систему управления, где «земли» — то есть княжества, имели своих представителей в Раде — влиятельном аристократическомproto-parlamente. С этим режимом управления — уже не федеративным, но все-таки еще далеко не унитарным — молодой Иван IV добился заметных внешне-политических успехов. В том числе завоевал Казанское ханство

(1552, царю было 22 года) и Астраханское ханство (1556, ему 26 лет) и установил контроль Москвы над важнейшей торговой артерией того времени — рекой Волгой. Это было в общих интересах русских княжеств; они принимали лидерство Москвы без серьезного сопротивления.

Успехи усиливали тягу к абсолютизации; необходимость согласовывать действия с Радой, удельными князьями и Церковью все больше тяготила амбициозного царя. Феодальная аристократия, имевшая независимые источники денег (наследственные земли, «отчины»), собственные вооруженные формирования и опорные крепости-города, казалась (а, возможно, и была) ему томительной угрозой. Удельные князья не уступали Ивану в родовитости, что давало им династическое право претендовать на московский престол. Картина далеко не уникальная и в ключевых чертах опять же сходная с проблемами европейского феодализма. Различия начинаются с выбора способов борьбы за безграничное самовластие и механизма их реализации.

Казанское ханство, самый близкий сосед и соперник Москвы, десятилетиями решало аналогичные проблемы. Наибольших успехов в абсолютизации личной власти добился пришедший из Крыма хан Сафа-Гирей (Safa Gäräy), трижды с перерывами занимавший место казанского «владетеля» — как, впрочем, и его постоянный противник Шах-Али (Шигалейхан), представлявший «московскую партию» и тоже трижды перехватывавший власть в Казани.

Носитель ордынских боевых традиций Сафа-Гирей не принимал принципа частной собственности на землю и укреплял свое самовластие, отбирая наделы у татарской земельной аристократии (оседлых эмиров, биев и мурз). Отобранные земли он передавал своим боевым командирам — как плату за лояльность и воинские подвиги. Но уже не на постоянной основе, в наследуемую семейную собственность, а во временное пользование. Очень существенная разница.

По сути, налицо репликация ордынской практики раздачи улусов за боевые заслуги — лишь до той поры, пока награжденные послушны. Чисто функциональный подход к обеспечению лояльности и дисциплины. Замена наследственной

собственности земельным *жалованием* действительно укрепляет властную вертикаль, — однако противоречит оседлым представлениям о праве. И, что еще важнее, снижает эффективность землепользования. Вряд ли Сафа-Гирей об этом задумывался: ему требовалось обеспечить политический контроль, и он добивался этого понятными ему ордынскими методами. Понятно, такая политика консолидации власти и изъятия собственности встречала сопротивление крупных татарских землевладельцев. Их протест приходилось жестоко подавлять — в согласии с принципами «дуального администрирования». Террор и казни Сафа-Гирея заставили многих представителей татарской аристократии бежать в Москву на службу к молодому царю Ивану. Или готовить перевороты на месте. При этом существенную роль играли проблемы идентичности: Сафа-Гирей мыслился как «крутой», но свой; Москва все-таки была чуждой по языку и религии. Позже нечто похожее пришлось пережить русским боярам.

Исследователь истории и политэкономии Казанского ханства М. Г. Худяков³¹ цитирует документальные свидетельства того, что в 1541 г. Сафа-Гирей, прия из Крыма, у оседлых татарских князей доходы («ясаки») от их родовых имений «отнял и передал крымцам» — причем именно во *временное жалование*. За эту политику, полагает Худяков, Сафа-Гирей поплатился в 1545 г., когда казанская элита его свергла (во второй раз) и вынудила бежать назад в Ногайскую орду. Для кочевого менеджмента, впрочем, это рутинная процедура. Через год он вернулся в третий раз — с новым войском и старыми приоритетами.

Государь Иван Васильевич пристально следил за борьбой казанских элит и принимал в ней активное участие — поддерживая промосковские группировки и мешая крымско-ногайским. История закончилась загадочной смертью Сафа-Гирея в 1549 г. (якобы спьяну упал и расшиб голову об умывальник) и взятием Казани в 1552 г. Естественно, Иван IV прекрасно знал историю своего главного врага и понимал роль земельной

31. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Первое издание: Казань, 1923. Переиздано: М.: ИНСАН, 1991.

аристократии в его свержении. Осознанно или нет, к началу 1560-х годов он начинает копировать *modus operandi* поверженного хана в борьбе с влиятельными княжескими домами у себя на Руси. Само собой, для этого ему в первую очередь был нужен независимый от боярской Рады силовой ресурс — функциональный аналог экзополитарной ордынской конницы, с которой Сафа-Гирей приходил в Казань.

Опричнина. Считается, что идею создать свою персональную гвардию царю Ивану в начале 60-х годов XVI в. подсказала его вторая жена, Мария Темрюковна, дочь кабардинского князя. Кабарда в ту пору находилась в зоне влияния Крымского ханства. Традиция иметь стражу из инородцев/иноверцев, которые в силу своей чужеродности не могут претендовать на власть, имеет глубокие корни на авторитарном Востоке. Подразумевалось, что у таких групп нет самостоятельных источников доходов помимо царского жалования, и они нелегитимны в глазах населения — следовательно, целиком зависимы и не заинтересованы в заговорах против Государя. По крайней мере, в первые годы функционирования, пока еще не вросли в социокультурную ткань. На основе этих соображений строилась ксенократическая гвардия мамлюков в Египте и янычар в Османской империи.

Изначально предполагалось, что опричное³² воинство Ивана IV числом в 500 человек будет состоять из кабардинцев (соплеменников царицы Марии), донских казаков и европейских наемников, вроде Иоганна Таубе (Johann Taube), Элерта Крузе (Eilhard Kruse)³³ или Генриха Штадена (Heinrich von Staden)³⁴. Но, поскольку численность гвардии росла соразмерно масштабу задач и близкой к паранойе заботе царя о личной безопасности, условие полной чужеродности соблюсти не удалось.

32. *Опричь* — значит «кроме, отдельно». Их также звали «кромешниками». Ад в русском языке тоже часто называют кромешным.

33. Schiemann, Theodor; Taube, Johann und Kruse, Eilhard. *Zwei Verräther // Charakterköpfe und Sittenbilder aus der Baltischen Geschichte des XVI. Jahrhunderts*, Mitau, 1887. URL: https://kpbc.umk.pl/Content/218688/Gromadzenie_POPC_003_48_HD_009.pdf.

34. Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. М.: «Древлехранилище», 2008.

В Опричнину стали набирать и собственно русских — впрочем, при соблюдении ключевого принципа, который с некоторой условностью можно назвать классовым: за редкими исключениями принимались лишь беднейшие и худородные люди, в тогдашнем сословном обществе не имевшие альтернативных шансов на карьеру. Для родовитых княжеских домов они были презреными выскочками; служба при Государе была для их феерическим карьерным взлетом, за который они были готовы платить собачьей преданностью.

Царь Иван был масштабным человеком и быстро расширил численность опричной стражи до 6000 человек, поручив им не только личную охрану, но и задачу уничтожения политических конкурентов — «имущего класса» в лице родовитых бояр и князей-феодалов. По сути, он разделил страну на две части: Земщину под управлением бояр и Рады, объект грабежа и эксплуатации, и ксенократическую силовую Опричнину, исполнявшую функции «кочевого ядра». Государь — осознанно или нет — по отношению к Земщине взял на себя роль экзополитарного самовластного хана. С этого момента историческая траектория Московского государства отклоняется далеко на восток от европейской традиции: ни в одном самом абсолютистском режиме Западной Европы столь глубокого ценностного раскола и столь мощной ксенократической структуры политического менеджмента найти не удается.

Летописец описывает появление в Московском государстве двух социально-экономических реальностей в близкой ему религиозной парадигме: царь на Руси «будто двоеверие сотворил»³⁵. Замечательный русский писатель, патриот и яркий «западник» серебряного века, граф А.К. Толстой устами своего героя описывает метаморфозу Ивана IV так: «Что за хан на Руси своеволит?» Для самого Толстого ответ на этот вопрос был ясен. В личной переписке он не раз возвращается к мысли о том, что Иван Грозный отодвинул Русь так далеко от Европы, как никто другой и даже ее *отатарил* (точнее было бы сказать *обордынил* — но автор пользовался языком своего времени — извините). «Московский период» в истории российского госу-

35. Скрынников Р. Начало опричнины. М.: «Родина», 2022.

дарства граф Толстой сопоставляет со *срамной болезнью*. Или, возвращаясь к его стихам: «И вот, наглотавшись татарщины всласть, вы Русью ее назовете...»

Опричнина вместе с истеричным Государем металась по Русской равнине, подвергая разграблению оседлые хозяйства бояр и князей. Членам нового для Руси военно-кочевого сообщества запрещалось не только жениться, пить и есть с представителями Земли, но даже и просто с ними разговаривать. Государь оставил Москву (которой не доверял) на попечение Рады (которой тоже не доверял) и пустился в буквальном смысле кочевать по свету: «где бог скажет остановиться». При этом, впрочем, не забыл прихватить с собой державную казну и объявить опричной (то есть свой личной) собственностью богатые земли с пушными и солеваренными промыслами.

В погоне за абсолютной властью он поставил себя и над церковью, приватизировав право общаться с Господом напрямую. С европейской точки зрения опричнина выглядит не только как гвардия, но и как псевдо-государство со своей (впрочем, лишенной стабильных границ) территорией и верой; или духовно-рыцарский орден с ордынским оттенком, где Иван Грозный исполнял роль одновременно игумена и военачальника. В евразийском контексте это близко к понятию божественной харизмы («сульдэ»)³⁶, которая возвышает хана над людьми и представляет его как медиатора между Небом и народом. Аналогичным образом Иван IV возвысился и над юридическим правом, повелев судьям «судить праведно, чтобы наши [опричники] виноваты не были».

Подобная юридическая новация живо напоминает кredo путинского главы Центризбиркома РФ В. Е. Чурова, который приступил к исполнению функций электорального арбитра со словами «Путин всегда прав». Вспоминается и формула И. В. Сталина из наброска брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» (начало 20-х годов XX в.), где он трактует партию «как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы послед-

36. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. СПБ: Евразия, 2013.

него и одухотворяющий их деятельность». К концу жизни вождь, набравшись политического опыта (и, возможно, узнав, что орден меченосцев в действительности просуществовал лишь 35 лет), перешел от европейских аналогий к почвенно-евразийским, рассуждая о прогрессивной роли опричнины в укреплении и расширении державы Ивана Грозного. Важно, что в обоих случаях Сталин считал естественным и нормальным опираться не на гражданские институции с присущими им правовыми ограничениями власти, а на закрытую корпоративную структуру, выращенную по особому внутреннему закону и диктующую населению свои правила — очевидным образом отражающие волю вождя.

Земельная собственность. В сфере землепользования при Иване Грозном тоже произошли глубокие изменения. Наделы князей и бояр («отчины» или «вотчины» — от слова «отец») были или конфискованы в пользу царя, или раздроблены на части, удаленные друг от друга. Территориальная компактность, необходимая для эффективного хозяйствования, была принесена в жертву политической целесообразности — чтобы за спиной у феодалов не было консолидированной опорной зоны, откуда можно было бы нанести удар по самовластию.

Доминирующей формой по образцу Сафа-Гирея вместо фамильной собственности стала раздача земель в жалование опричникам. Источником земельного права, распорядителем и экспроприатором стал лично царь с подчиненным ему экзополитарным военно-административным аппаратом. Все три ипостаси права собственности, описанные Семеном Десницким, отошли к нему в руки — вполне в духе «кочевого ядра». В Земщине права наследственной собственности формально сохранялись — но главным образом по инерции и лишь до той поры, пока у Ивана Грозного не возникало претензий к хозяину. Положение Земщины во второй половине XVI в. напоминало статус оседлой периферии под дуальным ордынским управлением в понимании Nicola Di Cosmo³⁷.

Практика временного наделения землей называлась «испомещение», а пользователи таких наделов именовались

37. *Di Cosmo, Nicola.* Op. cit.

«помещиками», что подчеркивало их временный статус и зависимость от воли Государя. Царь жаловал опричника поместьем («испомещал на землю»), но в любой момент мог и лишить его своей милости и жалованья³⁸. Идея земельного права исчезла в принципе. Потребовалось 200–300 лет, чтобы страна вернулась к оседлым приоритетам и термин «помещик» наполнился новым смыслом, противоположным исходному: наследственный землевладелец с «самоочевидным» правом собственности, включая право распоряжаться, отчуждать и требовать судебной защиты. Хлебосольный русский барин, более интересующийся видами на урожай, чем государственной службой. Он же и эксплуататор трудового крестьянства.

Максимальному разорению и террору при Иване Грозном подверглись самые влиятельные и богатые княжеские дома — такие как Ярославский, Ростово-Суздальский, Стародубский. Число казненных, ограбленных и высланных аристократов измерялось многими сотнями; вместе с членами семей и дворней речь шла о тысячах. Что касается крестьян, то их или уничтожали, или переподчиняли новому хозяину наравне со скотом. Запуганная и разрозненная Земщина была неспособна оказать сопротивление — тем более, что насилие исходило от легитимного монарха, помазанника Божия. Потенциальные лидеры оппозиции были или истреблены по специально составленным спискам, или бежали за границу подобно князю Андрею Курбскому. Риторически Иван IV фиксирует победу над князьями и боярами, именуя их своими *холопами*; ситуация, немыслимая 200 лет назад, когда Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Донской подчеркивал свой договорной («федеративный») статус старшего *брата* среди князей, но никак не их хозяина и тем более владельца.

Опираясь на опричный ресурс, Царь обложил Земщину произвольной данью — что тоже напоминает ксеноократический подход Орды. Первый платеж в пользу Опричнины составил 100 тыс. рублей — огромная сумма. Земщины выплатила: выбора у нее уже не оставалось.

38. Скрынников Р. Цит. соч.

Города. Опричнина служила универсальным инструментом для политических чисток и устранила конкурентов; для консолидации и централизации; для экспроприации и разрушения частной собственности; для мобилизации и ведения войны; для небывалого прежде возвышения тирана.

Однако для населения и ландшафтов, возвращенных к псевдокочевой модели управления, цена оказалась слишком высокой. Помещики, сознавая свой неустойчивый статус, стремились выжать из земли всё и сразу, не заботясь о том, что сегодня можно было бы назвать долговременными инвестициями. Крестьяне бежали от сверхэксплуатации в глушь и на окраины. Привычные правила и права утратили силу. Страна перешла на мобилизационный режим с вялотекущей гражданской войной внутри на фоне двух войн снаружи — с Крымским ханством на юге и с Ливонией на западе. Земледелие и территории погружались в упадок и депопуляцию. В некоторых новгородских землях после карательного похода опричников осталось не более 15% населения, церкви по погостам запустели и «стояли без пения».

На Ливонскую войну ресурсов не хватило, она окончилась неудачей. На этом фоне царь был вынужден еще сильнее раскрутить механизм репрессий, пытаясь выдавить из страны больше, чем та могла дать. Территориальный менеджмент пре-бывал в странном состоянии гиперцентрализации при отсутствии фиксированного пространственного центра. Власть металась по стране, то начиная лихорадочное укрепление временных столиц, то забрасывая незаконченные стройки.

В Москве на Арбате был возведен опричный царский двор с оборонительной стеной — как альтернатива Кремлю. Если бы в приоритете была оборона от внешнего врага, логичнее было бы потратить ресурсы на укрепление старой цитадели с каменной стеной. Но Царь внутренних врагов опасался больше, чем внешних, и по каким-то своим причинам Кремлю не доверял. Его опричный двор скоро сгорел вместе с городом — потому что слабо укрепленную Москву в 1571 г. захватил крымский хан Девлет Гирей. Старый Кремль при этом устоял и сохранился — как бы в насмешку. Государь взялся укреплять Вологду (она одно время исполняла функции северной опричной столицы),

но бросил, не завершив. Попытался превратить в столицу Александрову слободу (ныне г. Александров в 100 км к северу от Москвы) — и тоже не преуспел. Из ярких архитектурных памятников его эпохи известен лишь собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве — но он был построен в годы побед над Казанским и Астраханским ханствами, до Опричнины.

В истории русских городов Иван Грозный прославился скорее разрушением европеизированного Новгорода вместе с окрестой, которое по жестокости не уступало действиям ордынских захватчиков. К тому же по дороге к Новгороду опричное войско разграбило Тверь (с точки зрения Царя она была гнездом потенциального династического заговора) с прилегающими городами, а на обратном пути еще и Псков. Западный фланг державы был разорен и надолго отброшен в прошлое не внешним агрессором, а православным Государем из Москвы.

Зато властная вертикаль заметно окрепла. Или, по известной формуле В. О. Ключевского, государство пухло, а народ хирел.

Градостроение заметно успешнее развивалось на восточном фланге, вдоль Волги. Здесь к концу XVI в. появились и быстро окрепли такие крупные (в будущем) центры как Самара, Царицын (ныне Волгоград), Саратов, Чебоксары, Царевококшайск (ныне Йошкар-Ола) и др. По численности населения и экономическому потенциалу все они ныне превышают Новгород и Псков, которые до Ивана Грозного считались крупнейшими и богатейшими городами Руси. Сегодня население Самары и Волгограда более миллиона человек, а Новгород и Псков десятилетиями стагнируют на уровне 200–220 тысяч. Свой незаурядный потенциал, накопленный до воцарения Ивана, им реализовать не дали — примерно, как и Владимиру или Ярославлю.

Одной из недооцененных сторон пространственной политики Ивана Грозного была ее четко выраженная асимметрия: царь грабил относительно развитый запад страны и создавал предпосылки для завоевания и освоения рыхлого востока. Асимметрия бросается в глаза и в военной политике: на западе, в длительном столкновении с европейской культурой и технологиями, он проиграл мучительную Ливонскую войну.

Зато на востоке взял не только Казань и Астрахань, но благодаря сибирскому фронтиру Ермака положил начало экспансии в Сибирь. Ермак, получивший боевой опыт на Ливонской войне, с несколькими сотнями казаков, вооруженных огнестрельным оружием, сильно потеснил гораздо более многочисленное, но хуже структурированное и вооруженное войско сибирского хана Кучума. Тот был чингизидом, носителем кочевых ордынских традиций и навыками организации огнестрельного боя не владел³⁹.

Со времен Ивана Грозного асимметрия российского политического пространства проявляется в полной мере: на востоке русские выступают как трансляторы преимуществ европейской цивилизации и успешно пользуются ее достижениями для колонизации территорий бывой Золотой Орды. На западе наоборот: не имея цивилизационного преимущества, Московское государство вынуждено было эксплуатировать скорее ордынские методы: тотальная мобилизация и милитаризация, равнодущие к потерям (заставляющее вспомнить *хашар*), круговая порука и карательная дисциплина. Первым ливонским походом русских на запад руководил бывший казанский хан Шах-Али (Шигалей, *Şahgali*). Естественно, из Европы это смотрелось как модернизированная версия азиатского варварства и серьезных успехов не приносило.

Долгосрочным материальным следствием асимметричного отката к ордынству стало отставание в социально-экономическом развитии от европейских соседей. Эта общая тенденция сохраняется в течение поколений — естественно, с рядом отклонений и исключений. Как отложенную плату за разрушение основ земельной собственности и оседлой государственности, депопуляцию и деградацию элит, можно рассматривать Смутное время, наступившее через поколение после псевдокочевых инициатив Царя-Хана.

39. Матвеев А. В., Татяуров С. Ф. Сибирское ханство и огнестрельное оружие // Вестник Омского Университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4. С. 105–110.

Империя наизнанку

После Смутного времени монархия Романовых несколько десятилетий потратила на зализывание ран и восстановление норм оседлого быта. На рубеже XVII и XVIII вв. Петр I сделал решительный шаг в сторону Европы. В отличие от предшественников, которые перенимали отдельные технические новшества (как правило, военные или архитектурные), он стал первым, кто попытался внедрить в России социальную среду, которая эти новшества порождает.

Специалист по истории Петра, Е. Анисимов пишет:

Принципиальное изменение господствующей внешнеполитической идеологии выразилось в том, что Россия Петра Великого обратилась непосредственно к идейному первоисточнику всех европейских держав — к Римской империи <...> Петр мечтал быть не царем в «золотоординском», «азиатском» (евразийском) варианте, <...> а «прямым» римским императором⁴⁰.

Если для царя Ивана идеалом служила описанная Ивашкой Пересветовым в «Большой Челобитной»⁴¹ Блистательная Порта и Магомет-Султан, то первый русский император Петр считал образцом порядки Голландии, Германии и Швеции. Он заимствовал европейскую систему образования, науки и военного дела. Государственную бюрократию он перестроил по образцу немецкого камерализма с его жесткой регламентацией сфер ответственности.

Петр и Иван оба были жестоки, оба укрепляли абсолютизм, милитаризм и централизм, — но делали это как бы в разной системе географических координат. В материальной памяти ландшафта эпоха Ивана повернута лицом к востоку и представлена в виде новых городов Поволжья и Сибири. Эпоха Петра смотрела на запад. Он оставил России город Петербург и выходы к Балтийскому и Черному морям; модернизировал промышленность; построил регулярную армию и флот; основал Академию наук.

40. Анисимов Е. В. Петр Первый. Благо или зло для России? М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 59.

41. Скрынников Р. Цит. соч.

В конце 1917 г. европейский властный тренд русской культуры и политики оборвался.

Ленин, Троцкий, Сталин и др., закладывая пролетарскую империю, целенаправленно уничтожали верхний культурный слой и искали опору в социокультурном субстрате низов: люмпенов из предместий и беднейшего (непременно беднейшего!) крестьянства. С их приходом система приоритетов и практика управления радикально поменялись. В советской России суть этого перехода до сих пор не отрефлексирована — возможно, потому что доминирующий дискурс в течение десятилетий был жестко ограничен рамкой вульгарного марксизма. В СССР бессмертное учение быстро превратилось из науки (наука подразумевает свободу дискуссии) в нетленную религиозную догму — вполне в духе победившей архаики. Число истово верующих до сих пор измеряется миллионами.

Истребив культурный слой вместе с его носителями — так называемыми «имущими классами» — советские вожди проложили прямой путь от ограниченной монархии Николая II к неограниченному абсолютизму Сталина. Ценой, как и в случае с Иваном Грозным, стало сползание к псевдо-кочевому евразийству. В географическом смысле тенденция проявила в откате официальной столицы из Петербурга назад в Москву (1918) — подальше от сквозняков из «окна в Европу». Естественным материальным следствием возврата к архаике стал небывалый и немыслимый для XX века голод с миллионами смертей. Откат к первобытному синкретизму не позволил стране (и до сих пор не позволяет!) рационально даже оценить масштаб катастрофы.

На фоне прогрессистских деклараций в конкретной территориальной практике власть развернулась лицом на восток; империя Петра сменилась империей Ленина/Сталина. Утонченно-изящный поэт «серебряного века» Александр Блок усердно уловил тренд и в январе 1918 г. написал пролетарскую поэму «Скифы», где провозглашал зарю нового мира и обещал повернуться к Европе *свою азиатской рожей*. Вообще-то это выглядит как садо-мазо перверсия — особенно в исполнении трепетного Блока. Но в итоге примерно так и получилось: через три с половиной года Блок в возрасте 41 года умрет в нищем Пе-

трограде от истощения и болезней. Победившие скифы не дали ему выехать в прогнившую Европу для лечения.

В 1916 г. население Петрограда составляло 2 416 000 человек, увеличиваясь в среднем на 80–100 тыс. в год. К 1920 г. оно сократилось в три раза, до 740 тысяч⁴². Русские города (особенно ориентированные на Европу) стали первой материальной жертвой социокультурной деградации — как и во времена Ивана IV.

Понятие гражданства (в русском языке оно этимологически связано с «городом» или «градом») в больших европейских языках тоже растет из городской среды: *civis* (латынь), *citizen* (английский), *burger* (немецкий), *citoyen* (французский), *cittadino* (итальянский), *ciudadano* (испанский) и пр. Термин «буржуа» в исходном смысле означал «житель города», а вовсе не «эксплуататор» или «капиталист» — как учили в СССР. Февральская революция 1917 г. была революцией Петербурга и городского (в прямом смысле *гражданского*) права. Она пыталась заменить косное и туповатое самовластие более многомерной и гибкой организацией социально-экономического пространства. Большевики перехватили власть в октябре, и ориентируясь на чаяния люмпенов, двинули Россию в противоположном направлении, к евразийскому псевдовождеству.

Советский антибуржуазный дискурс старается этого не видеть, но факт налицо: первобытная мечта о потребительском общинном равенстве и «общенародной собственности» обернулась социальной и материальной деградацией. Состояние обитаемых ландшафтов тому свидетельство.

Идея коммунизма по умолчанию подразумевает наличие некой высшей воли, изымающей и распределяющей материальные блага в соответствии с представлениями социальных низов о справедливости. Откуда эти блага берутся — вопрос, для широких масс слишком сложный и неинтересный. Как он не был интересен и для средневековых кочевников. В их понимании задача состояла в том, чтобы готовый продукт изъять

42. Чистякова Н. Население северной столицы // Интернет-ресурс «Демоскоп». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0163/tema01.php>.

и перераспределить — как велят кочевые понятия. Для этого необходима силовая структура и лихой атаман (вождь). Ленинско-сталинская (возможно, и вся социалистическая — если судить по наиболее ярким проявлениям) картина мира в зародыше несет в себе идею Великого Вождя, ревнителя справедливости. Именно поэтому она так привлекательна для властолюбивых популистов/демиургов от Маркса, Ленина, Троцкого и Сталина вплоть до Муссолини и Гитлера. В начале карьеры все они были ярыми социалистами и вели непримиримую битву за освобождение трудящихся — с собой, любимыми, во главе. Рядом с ними и более поздние борцы за народ — Каддафи, Кастро, Мадуро, Мао, Чавес, династия Кимов, Пол Пот, Йенг Сари и пр. Несложный географический анализ показывает, что ареал успешного воплощения этих замечательных идей загадочным образом тяготеет к мировой периферии.

Ценностные предпосылки для создания новой, значительно более жесткой евразийской империи хранились готовыми глубоко в культуре социального дна — их надо было только пробудить и активировать. Ленинские властолюбцы нашупали удачное место для самореализации строго наперекор теоретическим соображениям Маркса: тот полагал, что социалистическая революция состоится в самых индустриально развитых странах, ибо там больше пролетариата. В действительности получилось наоборот; идея распределительного равенства расцвела и дала плоды на окраине развитого мира, где в низовой культуре еще сохраняли актуальность пережитки средневекового вождизма-коллективизма. Собственно, вся география современного социализма говорит о том же. Чтобы раскрыть принципы народной справедливости в полном объеме, большевистским вождям пришлось в течение десятилетий непрерывно работать серпом и молотом, уничтожая миллионы слишком продвинутых соотечественников.

Бегло перечислим важнейшие из их достижений.

Откат к первобытному синкретизму и героическому эпосу.

Нормальное развитие общества сопровождается появлением новых сфер деятельности и многочисленных специализированных терминов для их обозначения. В СССР получилось наоборот: все разнообразие социальных явлений свели к одному

универсальному нарративу классовой борьбы. Государственный язык упростился до уровня газеты «Правда», многомерную социальную реальность втиснули в рамки единственного Учения. Гуманитарные науки унизили до уровня веры — вплоть до открытого преследования еретиков, цензуры и запрета на «идеологически чуждые» открытия и факты. Пережившие когнитивную травму до сих пор с трудом различают такие понятия как страна, государство, родина, власть, народ, население, нация, гражданство, этнос, национальность и пр. Их приучили оперировать простыми и размытыми понятиями типа «МЫ». «Нас эксплуатируют». «На нас» напали». «Мы поднялись с колен...» Е. Замятин в 1920 г. не зря назвал этим местом именем свою известную антиутопию⁴³.

При Сталине политическую общность стало принято описывать архаичными терминами родоплеменного и семейного уровня: «республики-сестры, народы-братья»; «Родина-мать»; «Отец народов»; «братья и сестры». Самый яркий пример — «Вождь». Термин подразумевает коннотации кочевья, военного похода, движения. С другой стороны, где «вождь», там и «племя». Или, того хуже, «орда». Эта логичная связка по понятным причинам в СССР не упоминалась; вместо нее вожди пользовались неопределенными понятиями «трудящиеся», «народ», «широкие народные массы». Впрочем, «массы» тоже не самый лестный термин; Троцкий пишет, что в устах большевиков он звучал полу презрительно.

История, демография, экономическая статистика и прочие гуманитарные науки были замещены героическим эпосом, задачей которого был не анализ фактов, а прославление Вождя и его свершений. Если документальные факты этому противоречили, эпос их грубо фальсифицировал. Или, как минимум, игнорировал.

Чтобы неходить далеко за примером советского героического эпоса, возьмем ту же ее транспортную инфраструктуру. Это не только комплексный показатель реальной индустриализации, но самый простой материальный феномен, который

43. Написано в Советской России в 1920 г. Впервые опубликовано в Нью-Йорке (Издательство им. Чехова, 1952).

трудно фальсифицировать, в отличие от тонн «условного топлива», урожайности, удойности или яйценоскости. Рельсы или есть в материальном ландшафте, или их нет. По нарисованным далеко не уедешь.

В январе-феврале 1932 г. XVII конференция ВКП(б) под фанфары принимает партийные Директивы на *вторую пятилетку*. Пунктом «г» (транспорт) было предписано за 5 лет соорудить 25–30 тыс. км новых железных дорог «с постройкой нескольких десятков новых мостов через главные водные пути»⁴⁴. Это 5–6 тыс. км в год — такие темпы дореволюционное ж.-д. строительство уже демонстрировало в свои лучшие годы. И немного меньше, чем 30–50 лет назад в США. Однако к концу 1932 г. стали приходить данные о достижениях *первой пятилетки* (1928–1932). Вообще говоря, Директивы на следующую пятилетку лучше бы готовить, ознакомившись с результатами предыдущей, но советский эпос так устроен, что ждать не может. Ему требуются победы каждый день — и все более сокрушительные.

Проблема в том, что за первую пятилетку партией было намечено ввести в строй 16 181 км ж.-д. сети — примерно по 3,2–3,3 тыс. км в год. Абсолютно разумный по тому времени план, имея в виду, что 30 лет назад, в конце XIX века царское правительство в течение 5 лет уже обеспечивало средний темп строительства путей по 3,1 тыс. км/год. Тут чуть-чуть больше — но вполне по силам. Во-первых, плюсы планомерного социалистического хозяйства. Во-вторых, за 30 лет технологии ж.-д. строительства худо-бедно шагнули вперед. В-третьих, эффективный менеджмент, массовый энтузиазм и очевидные преимущества свободного труда, сбросившего оковы капиталистической эксплуатации.

Короче, за первую пятилетку, как со сдержанной гордостью сообщает фундаментальный трехтомник МПС⁴⁵ (он вы-

44. ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1939) / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), 6-е доп. изд. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1941. С. 490.

45. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945. СПб., 1997.

шел после распада СССР), за первую пятилетку было введено «свыше 6000 км железных дорог, около 80% которых приходилось на национальные республики и отдаленные окраины». То есть пятилетний план в части ж.-д. строительства выполнен менее чем на 40%. И тут руководящая партийная мысль вынужденно раздваивается.

Верхний эпический слой, обращенный к народу, устами И.В. Сталина докладывает, что задания первой пятилетки выполнены успешно и досрочно — за 4 года плюс еще один «особый» квартал. Основные фонды тяжпрома за это время выросли в 2,7 раза. (Фонды исчисляются в деревянных рублях, чтобы достичь таких восхитительных результатов, достаточно при прежнем объеме физической продукции напечатать в 2,7 раза больше дензнаков — но эпос об этом нюансе умалчивает. И правильно: иначе он был бы не эпосом, а скучной европейской науки.)

Нижний этаж, приближенный к материальной действительности, быстро соображает, как замаскировать провал. Во-первых, конечно, вычистить из коммуникативной памяти плановые и отчетные цифры первой пятилетки — ибо кругом враги. Заодно изъять и доброкачественные данные дореволюционной статистики — чтобы уберечь трудящихся от соблазна. Во-вторых, без шума исправить принятые в 1932 г. (и сдуру опубликованные!) Директивы. Аккуратно снизив второй пятилетний план в 2,5 раза — до более реальных 11 тыс. км. В среднем будет хуже, чем у царя Николая Александровича, но все-таки лучше, чем у его дедушки Александра Николаевича, вскоре после отмены крепостного права.

Интересный квест для любознательных и упорных: отыскать в советской печати данные о протяженности ж.-д. на 1917 г. А также данные о протяженности сети по итогам пятилеток. Ну, или хотя бы по годам советской эпохи — по бесхитростному дореволюционному образцу, когда МПС рутинно публиковало ежегодные сводки о построенных дорогах, потраченных средствах, проведенных изысканиях и пр. Это технически невозможно: с 1917 г., и тем более с 1930 г. статистику как обрезало. Понятно почему: цифры разрушают эпос, а без эпоса вертикаль не стоит. Ибо за победоносную вторую сталинскую пяти-

летку при уже скорректированном плане в 11 тыс. км страна построила — извините! — 3,38 тыс. км пути⁴⁶. В первую очередь из-за дефицита стали, нескончаемые реки которой текли по страницам партийной печати.

Итого, сниженный пятилетний план второй пятилетки был выполнен менее чем на треть. Про директивы 1932 г. и вспоминать не хочется. Стоит напомнить, что царская Россия в 1899 г. ввела в строй 5297 км ж.-д. пути, а в 1916 году 5670 км. Получается, что за один военный 1916 год отсталая царская Россия построила железных дорог почти вдвое больше, чем за пять мирных и победоносных лет второй сталинской пятилетки — со всеми сказками про эффективного менеджера и исторические преимущества социалистического хозяйствования.

Конечно, при таких материальных результатах публикация честной статистики — прямой путь на Колыму. А скорее прямиком на тот свет. Но страна, опущенная до первобытного синкретизма, материальными результатами как-то уже не очень и нуждается. Ей важнее героический эпос. А с ним как раз все было (и остается) просто замечательно.

Практически никто в стране не знает этих чудовищных цифр. Зато все много раз слышали про великие достижения социалистической индустриализации, про могучий рывок и невиданные темпы. В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) В.М. Молотов уверенno сообщает делегатам, что «...задания второй пятилетки в области промышленности и транспорта выполнены досрочно»⁴⁷. Зал в едином порыве встает и бурно, продолжительно аплодирует. Не удивительно: только что закончился Большой Террор, в ходе которого были репрессированы 70% (97 из 139) членов и кандидатов в члены Центрального Комитета ВКП(б) прежнего созыва, избранного на «Съезде победителей» в 1934 г. Плюс пятеро успели покончить с собой до ареста и еще один (С. Киров) погиб в результате покушения.

46. См. справочник Г.М. Афониной.

47. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1939) / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). 6-е изд., доп. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1941.

Новые молодые делегаты или не слышали о принятых в начале пятилетки обязательствах, или (что более вероятно) не хотят слышать. А выжившее меньшинство из старых партийцев слишком хорошо знает вождя, чтобы задавать лишние вопросы. Дальше все просто: в 1947 г. выходит специальный том энциклопедии «СССР», где в разделе «Транспорт» акын сталинского псевдокочевого эпоса Т. Хачатуров сообщает уже как очевидную истину: «Наибольшего подъема транспорт добился в годы сталинских пятилеток»⁴⁸. Позже в Большой Советской энциклопедии 1952 г. в разделе про железные дороги этот тезис неоднократно повторяется — но нет ни одной цифры, по которой можно было бы судить о реальных темпах строительства советских железных дорог в сравнении с царской Россией. Потому что как ни крути, темпы катастрофически упали.

Ну и что? Люди верят, что был стремительный рост. Для глубоко деградировавшей социокультурной среды этого достаточно. Ее вера сильна не научными фактами, а эмоциональной убедительностью: «Сеча велика бысть... Тела людские аки сенные громады... Реки три дни кровию текаху...» Главное, победа за нами! Значит, наше дело правое. Ибо за нами великий вождь (да будет он жив, здрав, невредим и да продлятся тысячу лет годы его правления!) и все преимущества свободного социалистического труда.

Или, как сказал бы Путин, потому что за нами несгибаемый боевой дух и исторические скрепы. (Ну да, *asabiyyah*. И пусть мы небогаты, но...)

Или, как сказали бы талибы после победы над США, потому что Аллах, милостивый и всемогущий, на нашей стороне.

Или, если взять Орду, потому что «людям, натягивающим лук», Высокое Небо даровало естественное преимущество над презренными сартами, подобно тому, как у волка естественное преимущество над зайцем или сурком.

Много ли простому человеку надо для счастья? Гораздо меньше, чем материальному ландшафту для обретения долгосрочных конкретных преимуществ в качестве среды обитания.

48. БСЭ: Союз Советских Социалистических республик (СССР) / Гос. научный институт «Советская Энциклопедия». М.: ОГИЗ СССР, 1947.

Культ личности. Для оседлой культуры понятие Вождя чуждо. Для культуры, поднятой на дыбы и брошенной в «Великий Поход», оно органично. Официальные идеологемы Ленина, Муссолини, Гитлера, Сталина и Мао различались, но любой из них охотно примерял на себя метафору Вождя. В СССР сеанс социокультурного атавизма тянулся дольше, чем где-либо еще в мире (в Китае, куда за последние 50 лет сместился полюс евразийского роста, он продолжался всего 30 лет, с 1949 по 1979 гг.). Стоит напомнить, что дореволюционные русские императоры не допускали слова «вождь» в своей титулатуре: это все-таки для дикарей. А при Ленине-Троцком-Сталине стало в порядке вещей.

Конструирование харизматического образа Вождя (в СССР это явление называли «культом личности») в эпоху Хрущева считалось искажением ленинских норм партийной жизни. На самом деле оно было органичным продолжением этих «норм». Ленин тоже с удовольствием принимал в свой адрес это звание; а после смерти его мумия была успешно использована при построении откровенно варварского культа — вопреки возражениям Крупской. Это естественно для ретрорадных режимов: после разрушения институциональных основ власть обеспечивается лишь силой и авторитетом лидера. Режим нуждается в харизме, харизма нуждается в режиме. В информационных небесах грохочут победы с фанфарами, материальная действительность ни шатко, ни валко плетется внизу, нарастающий разрыв между мифом и реальностью и системное отставание маскируется пропагандой, цензурой и репрессиями — и псевдокочевая потемкинская деревня скрипит себе полгоночку — покуда не упрется в чисто материальные ограничения.

В милитаризованном и мобилизованном социуме военно-кочевой империи трепет перед вождем и его небесной харизмой — норма быта. Утрата вождя означает коллапс созданной им общности племен. Оппозиция воспринимается как угроза для всего «народа». Инакомыслящий считается не равноправным членом общества, а изгоем и отщепенцем. Прижизненная смена власти возможна лишь вследствие бунта или бегства («откочевки») группы недовольных во главе со своим отдель-

ным вождем. Бунт не может создать более современных и эффективных политических институций; он может лишь свергнуть одного вождя и посадить на его место другого — такого же или даже хуже.

Социальные институции и позитивные перемены создаются в результате внешне похожего, но принципиально иного процесса, характерного для оседлых культур. А именно, благодаря маневрированию властных элит перед угрозой бунта или хозяйственной катастрофы: осознание угроз нуждается в определенном минимуме рационального мышления и социокультурного развития политического класса.

В оседлых империях с более многомерной социальной структурой культ личности редко бывает столь всеобъемлющим, ибо сдерживается альтернативными социокультурными феноменами — религией (нравственностью), правом, наукой, классовыми или сословными интересами. Вплоть до признания прав легальной оппозиции — что для настоящего вождества немыслимо. Многомерность внешне проявляется в феномене *толерантности* — слова, которое приводит в неистовство сторонников атавистических конструкций.

Известная фраза спикера Государственной Думы РФ В. Володина: «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России» не только льстивая метафора, но и отражение отката системы приоритетов к евразийскому псевдо-кочевью; попытка «сыграть в Вождя». Формула звучит дико в применении не только к Европе и США («есть Байден — есть Америка...») но и к дореволюционной империи Романовых. Стремясь определить коллег в угодливости, г-н Володин на самом деле лишь подчеркнул архаичность системы, которую взялся обслуживать.

Стоит подчеркнуть, что речь, конечно, не о полной аналогии с кочевым средневековьем — это явная бессмыслица — а о заимствовании (обычно неосознанном) базовых приоритетов, стилистики и подходов к контролю над населением и пространством.

Милитаризм и мобилизационный пафос. «Народ и армия едины»; «из одного металла льют медаль за бой, металл за труд»; «массовый трудовой героизм»; «это есть наш последний

и решительный бой» (последний бой растянулся на десятилетия, но это никого не удивляет); «пока мы едины, мы непобедимы»... По сути, тоже перепев средневекового евразийства, когда каждый член орды по умолчанию был воином. Европейская культура — чем дальше, тем очевидней — двигалась к разделению труда (и властей) с образованием сословий воинов, пахарей, ремесленников, священников/книжников и др. Советский пафос смотрел на мир с противоположного конца телескопа. Для оседлых культур войны и массовая мобилизация — экстраординарное исключение; для псевдокочевой культуры — бытовая повседневность.

Культ бездомья и бескорыстного служения. Стационарный быт в СССР третировался как «мещанство» — от славянского «местечко» (городок, *město, miasto...*). Два поколения советских людей провели жизнь в коммунальных квартирах, общежитиях, казармах и бараках. Считалось, что борец за светлое будущее должен быть выше бытовых неудобств. Его сила — в готовности бросить всё и по первому слову Вождя скакать в ночь, в непогоду, навстречу опасностям и бесчисленным врагам. Одно из многих следствий подмены оседлых приоритетов расширенным воспроизводством *asabiyah*: народ должен быть бедным, но сплоченным; любить Вождя и быть всегда готовым к геройской смерти. Так победим! Никогда богато не жили — нечего и начинать.

Безграничный экспансионизм, прикрытый рассуждениями о «Мировой республике Советов», «Коминтерне» и неизбежной победе коммунизма. В ранней советской романтике это звучало как «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильней» (П. Григорьев, 1920) или как «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии/ Сияла Родина моя» (П. Коган, 1940)⁴⁹.

Стилистику «бескрайней Родины» сегодня всё охотнее эксплуатирует и сам Путин, который в ноябре 2016 г. на засе-

49....But we shall even reach the Ganges,
Perhaps, in battles we shall die,
So that right from Japan to Anglia
My homeland could forever shine.
Цит. по: http://samlib.ru/p/prjahin_a_a/lyrdig.shtml.

дании Российского Географического общества в первый раз сказал (как бы в шутку), что «границы России нигде не заканчиваются». Вряд ли он хотел подчеркнуть сходство своей картины мира с взглядами Чингисхана («всюду, куда достигнут копыта монгольских коней»), но одним из формальных отличий стабильного государства от кочевого вождества (Chiefdom) действительно считается наличие четких географических границ. Их фиксация и уважение, закрепленное в праве. Реальную цену путинских «шуток» про границы испытали на себе сначала Грузия в 2008 г., а затем Украина в 2014 и 2022 г.

Экспансионизм был характерен и для европейских империй, но он иссяк на несколько поколений раньше, в эпоху критики «империализма» и «геополитики». С середины XX века европейская цивилизация начала рациональный переход от теряющей хозяйственный смысл военной экспансии к распространению финансового, культурного и технологического влияния. В советском дискурсе это трактовалось как «общий кризис капитализма» и крушение мировой колониальной системы с переходом к неоколониализму. Запад же (отталкиваясь от эмпирики, а не от теоретического догмата) говорил о переходе от «hard power» к «soft power» и от «геополитики площадей» к «геополитике потоков» — денежных, информационных, технологических, миграционных и др. СССР, верный сталинской евразийской доктрине, упорно тратил ресурсы на борьбу за расширение зоны силового контроля. Конкуренцию в сфере soft power он с течением времени необратимо проигрывал — как Золотая Орда проигрывала культурную, технологическую, а в интегральном итоге и военную конкуренцию окружающим оседлым цивилизациям.

Пространство вместо времени. Идея коммунизма растет из синкетической абстракции «тысячелетнего царства справедливости и добра», о котором повествовал еще Коммодиан на зачате Рима. Коммунизм по умолчанию подразумевает вечность; в нем отсутствует классовая борьба и невозможны и революции — «локомотивы истории». Получается довольно грубо подретушированный для широких народных масс миф царства Божия на земле с остановившимся временем. Поскольку, согласно Вериучению, внутренних противоречий в СССР нет,

установлению всеобщего счастья препятствует лишь сатанинское буржуазное окружение и его агенты, которые подлежат уничтожению в огне Армагеддона (= Мировой революции)⁵⁰. Идея вечности неразрывно связана с идеей экспансии: и то, и другое не знает границ. Сатана должен быть истреблен всюду и везде — иначе зачем Великий Поход и понесенные в борьбе роковой жертвы?! С другой стороны, насколько примитивно должна быть устроена социокультурная среда, чтобы подобные ментальные конструкции находили отклик в общественном мнении, да еще назывались «наукой».

С рациональной точки зрения трудно понять, зачем Советскому Союзу понадобился еще Афганистан — когда с избытком хватало нарастающих проблем в собственной Средней Азии. Если же встать на точку зрения варварского синкретизма, который обширность владений путает с величием, многое становится понятней. В том числе и про путинскую Россию.

Площадь Российской Федерации, округляя, 17 млн км² при населении 145 млн человек. Площадь современной Японии 0,38 млн км² при населении 125 миллионов. По размеру Япония меньше одной Архангельской области в составе России (0,41 млн км²), Забайкальского края (0,43 млн км²) или Магаданской области (0,46 млн км²). Не говоря уж про Красноярский край или Якутию. При этом номинальный ВВП Японии составляет 5 трлн долларов; ВВП всей РФ менее 2 трлн долларов...

Казалось бы, есть чем заняться на собственной территории. Но нет, экспансия важнее. Давно ли Япония тоже была империей?

Борьба с инвестициями

В 1918 г. В.И. Ленин объявляет войну твердой валюте. И одерживает победу — погрузив страну в голод и разруху. В 1922 г. он, наконец, осознав достигнутые результаты, твердую валюту восстанавливает. Вместе с правами частной собственности.

50. Sorel G. Reflection on violence / Translated by T. E. Hulme. New York: B. W. Huebsch. URL: <https://archive.org/details/cu31924030088920/page/n317/mode/2up>.

Начинается НЭП; всего за год голод исчезает, начинается мощный восстановительный рост — более 50% в год. Однако в 1926 г. частную инициативу и конвертируемый червонец вожди опять выводят из оборота. В ответ производство хлеба снова падает. На рубеже 30-х гг. начинается вторая волна экспроприации — и вместе с ней второй советский голод. Потери населения достигают 9–12 млн человек.

С рациональной точки зрения — тупая и преступная дикость. С точки зрения евразийских вождей — приемлемая плата за разворот страны к скифским идеалам и получение тотального вождеского контроля.

В 1918–1922 гг. и в 1930–1933 гг. Советская власть в лице пролетарских «продовольственных отрядов» ведет себя по отношению к крестьянам как ксенократические баскаки XIII–XIV вв. по отношению к восточно-европейским земледельцам. Или как опричники XVI в. по отношению к Земщине. Вожди пролетариата не могут приобретать плоды крестьянского труда за деньги, потому что денег (настоящих, т.е. конвертируемых) у них нет. И быть не может — как не было их у кочевников, искренне презирающих оседлое производство, прибыль, капитал, частную собственность и т. п.

По справедливому мнению, Ленина/Сталина, твердая валюта работает на укрепление частной собственности и буржуазии, которые являются классовым врагом и конкурентом. Причем более успешным конкурентом — ибо частник эффективнее и быстрее реагирует на платежеспособный спрос и за счет накопленного капитала может перетягивать на себя материальные ресурсы, сырье и кадры. С точки зрения вождей это недопустимо: ресурсы должны принадлежать *народу* (то есть вождям) и расходоваться на производство не того, за что готов платить потребительский рынок, а того, что требуется вождям.

Теоретически такой мобилизационной системе деньги («капитал») вообще не нужны. Великое Учение прямо подразумевало замену денежного *товарооборота* безденежным *продуктообменом* — что тоже характерно для кочевой архаики. Но на практике подобная замена оказалась невозможной: в экономике XX в. обращается слишком много очень разнородных товаров и услуг, чтобы их можно было менять на основе бартера

(того самого «мешочничества», с которым партия так решительно боролась — видимо, забыв, что бартер и есть реальное воплощение безденежного *продуктообмена*).

Протопавшись три года в кровавом тупике 1918–1921 гг., потеряв 7–9 млн населения и получив Ярославское, Тамбовское и Кронштадтское восстания, Ленин с 1922 г. все-таки решил вернуть твердые деньги. Временно, как он полагал. Однако допустить, чтобы частник мог всерьез их консолидировать, накапливать, по личному произволу инвестировать или выводить за рубеж — тем самым разрушая партийную монополию — Советская власть никак не могла. НЭП слишком ярко и убедительно показал конкурентные преимущества капитализма. Стало ясно, что частная инициатива того гляди перетянет одеяло на себя, оставив в распоряжении Совнаркома лишь налоговые отчисления — будто он заурядное буржуазное правительство.

Партийные опричники такого допустить никак не могли: им требовалась тотальная власть и тотальный контроль. Экономика должна производить не то, за что готов платить платежеспособный спрос в лице «мещан» (мещанам в первую очередь нужна еда, одежда, жилье...), а то, что хочется Вождю. Вождю же хочется побольше оружия для Мировой революции и глобальной экспансии. Однако платить за стреляющее железо ему (в отличие от «мещан» с их маленькими интересами) нечем, ибо твердая валюта по каналам свободного рынка утекает к руке «буржуев», которые в погоне за наживой производят как раз еду и одежду.

Товары потребительского рынка приносят прибыль, которая (при циркуляции в стране твердой валюты) накапливается в руках классового врага и усиливает его позиции. Оружие же на внутреннем рынке не продается и никакой прибыли не приносит — только чистый убыток. А трудящимся, занятым выплавкой чугуна и стали, все-таки надо платить. Но не валютой же!

Конвертируемая валюта в стране победивших скифов обречена минимум по двум причинам: во-первых, она стекается в руки более гибкого и эффективного производителя в лице буржуазии. Плюс, она обслуживает материальные интересы

мещан, то есть способствует ослаблению революционного духа *asabiyah*. Во-вторых, она тормозит структурный разворот экономики в сторону милитаризации, ибо ограничивает военные расходы лишь средствами, вернувшимися в казну в виде налогов.

Истинный Вождь, рыцарь победного произвола, на такое унижение со стороны конвертируемой валюты, конечно, никогда не пойдет: госбюджета ему мало, он хочет контролировать весь ВВП и все циркулирующие в стране деньги. Потому что, как справедливо заметил в XIII веке Плано Карпини, никто не смеет сказать: вот это мое, а вот это его — ибо всё принадлежит тов. Сталину...

Только тов. Сталин в действительности распоряжается, отчуждает и владеет любым имуществом, расположенным на территории Советского Союза — включая и подневольных людей. В том числе (это важно!) он де-факто владеет и всей денежной массой, которую в любой момент может обнулить на руках у слишком шустрых конкурентов, перенастроив печатный станок. Если же валюта настоящая (то есть защищена частным правом и государственными институциями), то никакой абсолютной власти не получается: любой буржуй, накопив некоторое количество конвертируемых дензнаков, может тратить их по своему усмотрению, финансируя проекты, которые нравятся лично ему, а не всенародному вождю. И таким образом оттягивать на себя ресурсы, которые по чести должны принадлежать лишь великому и могучему т. Сталину.

Как любое вождеское (то есть марксистское) правительство, Совнарком с 1926 г. опять принимается печатать пустые дензнаки — сначала понемногу, потом все больше. Как нам объясняют, это для финансирования индустриализации. То есть для строительства упомянутых выше железных дорог — с упомянутым выше сокрушительным успехом. Денежный рынок, естественно, реагирует на эмиссию падением обменного курса. Конвертируемые червонцы подскакивают в цене и утекают из оборота — либо вместе с золотом и серебром прячутся под половицу «на черный день», либо утекают за рубеж на оплату контрабандного спроса на товары народного потребления, которые советская экономика не хочет или не может производить.

Советская власть в очередной раз явно проигрывает конкуренцию более эффективному и естественному хозяйственному механизму. Поэтому с 1925 г. конвертация рубля негласно приторможена, а в 1926 окончательно запрещена. Обменный курс более не сдерживает эмиссию, Совнарком может вволю печатать пустые дензнаки для выплат труженикам индустриализации. Конкуренция на рынке труда со стороны нэпманов (у них зарплаты были выше, к ним стекались лучшие кадры) тоже практически устранена. Деться пролетариату некуда, приходится работать за деревянные рубли и продовольственные талоны: всё лучше, чем с голоду помирать.

Все это замечательно, но в ответ с 1927 г. сначала замедляются, а в 1928 г. вообще прекращаются рыночные поставки хлеба в города (*хлебный самотёк* в сталинской терминологии). Это логично: власть, как в 1918 г., опять предлагает крестьянам сдавать хлеб за пустые фантики, к тому же по заниженной монопольной цене. Экономический смысл сельского производства исчезает как в 1918 г.: крестьяне не дураки работать себе в убыток на дядю из Кремля.

Нормальную рыночную реакцию села Сталин воспринимает как саботаж со стороны классового врага. И вполне в традициях псевдокочевого «дуального администрирования» реагирует карательно-экспроприационными походами против земледельцев, по-ордынски опираясь на принцип солидарной ответственности. Экспроприаторам, понятно, удобнее работать с коллективными хозяйствами, чем гоняться за каждым отдельно взятым фермером.

Наиболее оборотистые и толковые крестьяне («кулаки») объявлены врагами, их следует уничтожить как класс — разным прочим серднякам в острястку и наущение. В сущности, он и здесь повторяет ходы Ленина 1918–1919 гг. Но ему уже заметно легче: социальные группы, способные организовать сопротивление, к этому времени беспощадно подавлены, еще одна гражданская война народу уже не под силу. К тому же за годы НЭП экономика приподнялась, есть что грабить и чем платить опричникам из ЧК-ГПУ. Их статус, за ненадобностью подорванный в годы НЭП, быстро восстанавливается. Земщина, то есть, пардон, колхозная деревня, обреченно подчиняется.

Характерно, что в партийных дискуссиях по «хлебному вопросу» (с 1923 по 1927 гг. «вопрос» пребывал в тени — хлеба хватало) Сталин упорно отстаивает формулу «нечто вроде дани»⁵¹ для описания отношений между ВКП(б) и земледельцами. По сути, так и было: сталинские баскаки облагали крестьян именно *данью* — произвольной и запредельной, «под метелку». В российской хозяйственной практике слово не употреблялось уже лет двести — и вот опять то же самое...

В материальном смысле возврат к ксеноократическим грабительским приоритетам означал голодную смерть миллионов крестьян. Но Вождя это не беспокоило. Так в прежние времена «кочевое ядро» ничуть не беспокоилось о судьбах оседлой периферии: бабы новых народят. На повестке куда более важный вопрос укрепления личной власти и строительства военно-мобилизационной империи. В XX веке для этого требуется серьезная оборонная промышленность, поэтому наряду с псевдокочевой экспроприационной доминантой Сталин вынужден развивать и оседлый сектор. Но не свободный рыночный, а исключительно под своим административным контролем.

Идея экспансии и мировой революции постепенно сменяется заботой о сохранении тоталитаризма в «одной отдельно взятой стране». Фаза псевдокочевой романтики («приобретут же они весь мир!») сменяется фазой оседания пролетарских вождей на землю. Великий Хан (кочевой) вынужденно превращается в Великого Султана (оседлого). Это расщепление ценностей в конце концов и погубило Советский Союз: экономический рост невозможен без адекватного экономического интереса, то есть восстановления частной собственности и сопутствующих правовых гарантит. Иррациональные революционные традиции партийной номенклатуры этому яростно сопротивляются. Объективный конфликт между ордынскими «идеалами» и европейскими «интересами» в как бы бесклассовом и как бы бесконфликтном социалистическом обществе быстро углубляется. Но говорить об этом никто не смеет.

51. *Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б)...* // *Сталин И. В. Соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 1–107.*

С тех пор и вплоть до горбачевского коллапса административно-экспроприационная колхозная модель, несмотря на неусыпный контроль и попытки экспенсивного расширения запаски («подъем целины»), так и не смогла накормить страну. В 1946–1947 гг. опять голод (потери 1–1,5 млн человек)⁵². После ухода Сталина голод (настоящий, смертельный) больше уже никогда не повторялся, но это не значит, что сельское хозяйство стало работать лучше. Просто государство, немного смеясь в сторону оседлых приоритетов, закономерно отказалось от чисто ксенократического отношения к населению и стало чуть больше задумываться о трудовых резервах — которых внезапно перестало хватать. В бочке, которая 40 лет казалась вождям бездонной, вдруг показалось дно. Отсюда же и лихорадочные попытки Хрущева решить «жилищный вопрос», который наряду с «хлебным» невероятно обострился в ксенократическую эпоху.

Тем не менее, колхозы свое разрушительное дело продолжали делать. В 1962 г. — Новочеркасский расстрел рабочих, возмущенных ростом цен. В 1963 г. — хлебный кризис. Дореволюционных показателей на мировом рынке, включая объемы экспорта, не удалось достичь ни разу за все 70 с лишним советских лет, — вплоть до окончательного крушения сказки про «общенародную собственность».

В эпоху позднего Хрущева и раннего Брежнева, чтобы избежать повторения ленинско-сталинских циклов голода, СССР начинает закупать за границей все больше зерна, расплачиваясь золотовалютными резервами и нефтью; Сталин бы их за это расстрелял. С одной стороны, это знак хотя бы частичного возвращения к оседлой рациональности. С другой — начало конца. От ордынского отношения к народу как к бесправному, бесплатному и неисчерпаемому мобресурсу, Советская власть переходит к поиску механизмов его поддержки и стимуляции. На этой поляне она (в отличие от военного противостояния с опорой на нищету и *asabiyah*) обречена на стратегическое

52. Эллман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 197–199.

поражение: у Запада все, что касается мирного соревнования, получается значительно лучше.

Интенсификация обитаемого пространства, производительность труда и качество жизни никаким боком не вписываются в архаическую псевдо-кочевую картину мира. Система строилась и проектировалась под мобилизацию, Великий Путь и войну, но никак не под мирное сосуществование и экономическую эффективность. Войну — пусть с безумными потерями и при массированной поддержке со стороны развитых стран, — Советский Союз с грехом пополам выиграл. Но последующий мир полностью и безоговорочно проиграл.

Сталин и Грозный

Если для Ивана Грозного механизм реанимации ордынских политических традиций реконструируется предположительно, то обращение Сталина к опыту Ивана было, во-первых, совершенно осознанным, и, во-вторых, оно хорошо документировано многими свидетельствами⁵³.

До середины 1930-х гг. образ царя Ивана трактовался советской исторической наукой строго по Марксу: воплощение классовой эксплуатации, империализма и национального гнета. После укрепления Сталина в качестве Вождя одной отдельно взятой страны оптика меняется на прямо противоположную: Иван Грозный оказывается «исторически прогрессивной силой» (формула Сталина), а опричнина — «целесообразным инструментом» укрепления государственности, централизации, подавления классовых врагов и защиты от губительного влияния Запада. Пересмотр исторической перспективы сопровождался расстрелами и репрессиями десятков видных историков-марксистов⁵⁴.

53. Шишкова Т. Танцы с пиками // Коммерсант Weekend. 03.09.2021.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4958136>.

54. Артизов А. Н. Школа М. Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х — 1930-е гг. Дисс. д-ра ист. наук, спец. 070009. URL: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/shkola-m-n-pokrovskogo-i-sovetskaja-istoricheskaja-nauka-konec-1920-h.html>.

С конца 1920-х годов Сталин все чаще возвращается к опыту Грозного и примеривает его на себя. Интересуется он и Чингисханом. Его комментарии, записанные собеседниками, красноречивы: боярскую оппозицию царь Иван, де, «не дорезал» — и это его большая ошибка; после каждого цикла репрессий он каялся и замаливал грехи, вместо того, чтобы закручивать гайки дальше... Биограф Сталина Д. Волкогонов отметил, что в «Курсе русской истории» из сталинской библиотеки рукой Вождя подчеркнута фраза Чингисхана: «Смерть побежденных нужна для спокойствия победителей»⁵⁵.

Но важнее практические заимствования. Для истребления политических конкурентов Грозный создал свободную от прежних норм («опричина закона») экзополитарную группировку из худородных и чужеродных людей, заведомо не имевших карьерных шансов и целиком от него зависящих. Ленин — властолюбивый популист, начинавший политическую карьеру среди оппозиционно настроенных интеллектуалов, по мере расширения вождеских амбиций все откровеннее смещал зону опоры на все более и более маргинальные слои. Сталин в борьбе за личную власть шел этим же проторенным предшественниками путем. Первым ограничителем для его полновластия стала созданная Лениным партия и укрепившиеся в ней мастины большевики от Троцкого до Бухарина («старики»). В борьбе с ними Сталин сначала действовал как Ленин, отжимая конкурентов по одному. Позже, войдя во вкус, — уже скорее как царь Иван или Чингисхан, сплеча истребляя противников целыми группами.

Собственно, к концу жизни Ильич тоже не очень церемонился: в старости такого рода персонажи меньше заботятся о соблюдении приличий, и тайное нутро внезапно выпирает наружу. В 1921 г. Ленин почувствовал, что советская бюрократия связывает ему руки. Отчасти потому, что прагматики в партии осознали губительность его варварских действий. Отчасти, наоборот, потому что «верные коммунисты» опасались, что он может поступиться идеологическими принципами

55. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. II. Ч. 2. М.: АПН, 1989. С. 249.

и дать потачу буржуазии. В любом случае его поддержка в ЦК слабела. Ленин среагировал чисто по-ленински: пошел в атаку. Развернул решительную чистку рядов, вдвое уменьшив число членов партии — естественно, главным образом за счет своих влиятельных противников и их групп поддержки.

Сталин, предельно внимательно следивший за всем, что касалось распределения власти, понял и подхватил тренд: сразу после смерти Ленина в 1924 г. был объявлен «ленинский набор» в РКП(б). Численность партии была восстановлена за счет притока свежих маргиналов, жаждущих карьеры. Кадровая структура партии резко изменилась: общий культурный и профессиональный уровень снизился, зато поднялся градус энтузиазма и непримиримости. Новые члены на 92% были из малограмотных рабочих и беднейшего крестьянства; Stalin (как, впрочем, в ту пору еще и Троцкий!) был для них вождем, открывшим дверь в кадровый лифт.

Поддержка снизу была обеспечена. Но обострилась конкуренция наверху. Здесь он действовал очень осторожно: используя аппаратный контроль за кадрами, терпеливо превращал ленинскую карательную структуру ВЧК-ГПУ в свою личную опричнину НКВД. Ленин создал ВЧК, чтобы террором сломить сопротивление «имущих классов». В начале 1922 г. ему пришлось преобразовать ее в ГПУ, сократив штатную численность практически втрое, с 90 тыс. сотрудников до 33 тысяч. Чекисты открыто выступили против НЭП — они понимали, что новый курс Вождя подрывает их влияние и интерес в деликатной сфере «пролетарских экспроприаций». Stalin в ту пору держался в кильватере Ленина и учился у него манипулировать группами интересов.

Рассмотрим лишь один (хотя очень красноречивый!) пример его ксеноократической кадровой политики.

Сталин и еврейское засилье. В июне 2013 г. Владимир Путин неосторожно ретранслировал популярный миф, заявив, что «первое советское правительство примерно на 80–85% состояло из евреев»⁵⁶. Это грубая фактическая ошибка с нехорошим запахом. На самом деле из 15 членов первого Совнаркома (учре-

56. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2013-06-19/3_putin.html.

жден 26 октября 1917 г.) евреем был один Лев Троцкий: итого 7%. Если взять все руководство Совнаркома за первые 5 лет после революции (1917–1922 гг.), то из 57 его членов евреями были шестеро: 11%⁵⁷.

Скрупулезный анализ примерно шести тысяч личных дел всех крупных советских руководителей с 1917 по 1941 гг. привел автора исследования о «еврейском засилье» к эмпирическому выводу: во всех органах советской власти доля этнических евреев обычно колебалась от 15 до 20%. Что совершенно естественно, ибо по статистическим данным за 1916 г. 14,9% городского населения Российской Империи считали своим родным языком идиш или иврит. Поскольку многие горожане, не переставая считать себя евреями, в быту говорили по-русски (тот же Троцкий, например), легко понять, что доля евреев в российских городах перед революцией была более 15 процентов. Скорее, ближе к 20. Поскольку государственные учреждения (даже пролетарские) обычно формируются из более-менее образованных людей, а такие люди тяготеют к городам, ничего поразительного или подозрительного в наличии примерно 20% этнических евреев в советских органах власти нет.

Примерно так в действительности и оказалось: из 97 членов и кандидатов ВЦИК евреями были 19 (20%); из армейского руководства разного уровня не более 17%; из членов ЦК РСДРП(б) 23% и т. д. В целом из 287 высших советских начальников всех ветвей власти в первый год революции этническими евреями оказались 55 человек, 19%⁵⁸. Никаких путинских 80–85% и близко нет. Но он же откуда-то эту байку взял! Неужели сам выдумал?! Вопрос архиважен для понимания устройства ленинско-сталинской империи и империи Путина, как ее наследницы.

57. Попов А. О «еврейском засилье» в большевистской революции и большевистской власти. Этно-статистический обзор. М.: Эдитус, 2021. Печатный вариант издан малым тиражом, но материал представлен в интернете: http://arkadiy-popov.blogspot.com/2020/01/1_39.html.

58. Там же. Гл. 1. С. 67.

Октябрьскую революцию и ее вождей В. В. Путин откровенно недолюбливает — они разрушили Россию, а ему теперь давай, восстанавливай... Однако опыт одного из этих вождей, а именно И. В. Сталина, он никак не может игнорировать — потому что Сталин в восстановлении империи добился очевидных (с точки зрения «коллективного Путина») успехов. Очень важным приемом из сталинского имперского арсенала была бессовестная пропаганда и перманентная чистка коммунистической памяти. В частности, манипуляции с героическим эпосом. Коллективный Путин это хорошо знает и грамотно использует: то, что творит с фактами его пропаганда, непривычного человека валит с ног.

В данном случае путинский эпос повествует о сокрушении российской государственности злонамеренным «малым народом», который, де, в 1917 г. «выскочил из-за черты оседлости с наганом»⁵⁹. Расчет безошибочный: лузеры и маргиналы, на которых опиралась ленинско-сталинская, а теперь в значительной части и путинская система, любят глубокомысленные объяснения в стиле борьбы классов или теории заговоров, которые снимают с них ответственность за их личные неудачи и возлагают ее на кого-то другого. Например, Дональд Трамп лечит тайные страхи своих сторонников (они инстинктивно чувствуют, что теряют почву под ногами, но боятся назвать вещи своими именами) рассказами про «тотальный заговор либералов» — и здесь они с Путиным верные соратники.

Впрочем, Трампу сложнее: система, внутри которой он бьется за власть и которую готов в этой битве разрушить, оказывает сильное сопротивление. Путину система потакает — благо, нащупала знакомые рельсы. Ей неважно, на кого валить: на «Биг Фарму», на «Глобальный Запад», на буржуазию, кулаков, помещиков, попов, врачей-вредителей, менделистов-морганистов, иностранных агентов... Но байка про «заговор Сионских

59. Так в 2017 г. (дело как раз шло к столетнему юбилею) объяснил генезис Октябрьской революции и современные трудности России вице-спикер Государственной думы и известный путинский пропагандист Петр Толстой. URL: <https://www.interfax.ru/russia/546727>.

мудрецов» — безошибочный выбор на все времена. По крайней мере, для России.

Но все-таки — откуда взялась легенда про проценты, которые по умолчанию подразумевают некоторый объективный расчет?

Доброкачественный анализ, установив нормальную статистическую долю лиц еврейской национальности в советском руководстве, вместе с этим обнаружил один сногсшибательный случай поразительного отскока от нормы. Эмпирически установлено необъяснимое с точки зрения статистики и теории вероятностей изменение числа евреев в одной (и только в одной, но зато в какой!) ветви сталинского менеджмента. Речь об органах ВЧК/ГПУ/ОГПУ/НКВД — причем в весьма короткий интервал времени.

В первые пять лет после революции (1917–1922 гг.) из 38 членов высшего руководства ВЧК евреями были 6 человек: 16%. Ничего экстраординарного. На уровне межрегионального руководства (республики, края, автономные области, губернии сложного состава) из 73 начальников евреями были 8 человек (11%). На губернском уровне (печально известные массовым террором «губчека») из 593 руководителей с установленной национальностью евреев оказалось 63 человека — опять 11%. Гораздо меньше, чем говорит эпос, и уж точно никаких 80–85%.

Загадки начинаются позже. И нарастают сразу по двум направлениям:

- во-первых, по мере укрепления политических позиций Сталина увеличивается общая доля евреев в руководстве карательных органов;
- во-вторых, опережающими темпами она растет именно в центральном аппарате; в регионах процесс отстает.

На уровне губернского руководства ГПУ/ОГПУ в 1922–1926 гг. евреев 15%; в 1926–1930 гг. — 19%; в 1930–1934 гг. — 24%. В центральном аппарате ОГПУ в 1929 г. евреев 23%, а в 1930–1934 гг. уже 41% — вдвое больше демографической нормы. И это только начало. В 1934 г. ОГПУ преобразуется в НКВД. К 1936 г. доля евреев в центральном аппарате подскакивает до 56% (20 человек из 36). С 1936 по 1938 г. (период подготовки

и осуществления Н. Ежовым «Большого террора») центральный аппарат НКВД увеличивается втрое, при этом доля евреев остается несоразмерно высокой: 53 человека из 102, то есть 52%.

С окончанием «Большого террора», приходом Берии и уничтожением Ежова за два с небольшим года в новом составе центрального аппарата НКВД в 1941 г. из 83 человек остается лишь 9 евреев (11%). В провинции их еще меньше. Невероятные и необъяснимые никакими демографическими нормами отклонения⁶⁰.

Зафиксируем факты и ограничим рамки возможных интерпретаций.

1. Да, в одном конкретном ведомстве (ОГПУ-НКВД) в одно конкретное время (примерно 7 лет с начала 1930-х до декабря 1938 гг.) в сталинской империи действительно наблюдалось противоестественное еврейское засилье.
2. Уж что-что, а кадровую политику вождь всегда держал в центре внимания («кадры решают всё» — его кredo). Тем более в НКВД, да еще в центральном аппарате, прямо под боком... Столь радикальные этнические флюктуации в ключевом для Сталина ведомстве никак не могли происходить без его ведома и одобрения.
3. Тезис народного эпоса о том, что евреи хитроумно пролезали в НКВД, чтобы оттуда вредить русскому народу, для рационального разума не убедителен. Впрочем, эпос тем и силен, что ему плевать на рациональный разум.

Во-первых, почему евреи не «пролезали» с вредительскими целями в состав Совнаркома, Верховного Совета, ЦК ВКП(б), РККА и прочих органов советской власти?

Во-вторых, почему они начали «пролезать» в НКВД так поздно, а до того 15 лет ленились? Как нам объяснил бдительный тов. Толстой, они же выскочили из-за черты оседлости в 1917 г. и (по сообщению тов. Путина) сразу захватили 80–85% в первом советском Правительстве. А в ЧК, значит, не стали захватывать...

60. См. Попов А. Цит соч. Гл. 6. С. 254. URL: http://arkadiy-popov.blogspot.com/2020/01/6_85.html.

В-третьих, самый страшный удар по русскому народу (а равно и по украинскому, казахскому и многим другим) был нанесен во время коллективизации, в самом начале 1930-х; как раз в это время доля евреев в карательных органах невысока и лишь начинает расти — причем главным образом в Москве. Максимума она достигает позже, когда коллективизация и ее ужасы уже пройдены, удар нанесен.

В-четвертых, при таком походе приходится допустить, что не только евреи дьявольски изворотливы, но и тов. Сталин, мягко говоря, сильно глуповат. Не заметить сверхнормативного накопления «подозрительной нации» в главном системообразующем ведомстве на Лубянке — это надо было суметь!

Нет, с теорией еврейского заговора что-то не так. Раз нечто подобное случилось в НКВД, значит, Вождю, скорее всего, это было нужно.

Сам автор «этно-статистического обзора» склонен полагать, что Сталин для укрепления личной власти заранее планировал тотальную зачистку старых элит (партийных, военных, хозяйственных, спецслужбистских...) с тем, чтобы потом свалить вину за террор на евреев — и концы в воду. Для чего заранее стимулировал их сверхнормативное накопление в карательных органах — чтобы после выполнения задачи пустить в расход вместе с Ежовым.

Однако возможно и другое объяснение, скорее развивающее, чем опровергающее точку зрения автора. История удивительно напоминает формирование опричнины Иваном Грозным — с ее подчеркнутой чужеродностью и экзополитарностью, террористическими задачами и полной материальной и административной зависимостью от Вождя. Сходен даже срок функционирования: около 7 лет с последующей утилизацией. Вряд ли Сталин строил еврейскую версию НКВД конкретно под «Большой террор». Скорее, для него (как и для Грозного), это был универсальный инструмент укрепления личного контроля и уничтожения любых угроз своему персоналистскому режиму. Источником угроз ему мнилась старая ленинская партноменклатура, военная верхушка и государственная бюрократия («родовитое боярство» в понимании Грозного). С этими товарищами, главным образом, и была призвана раз-

бираться его новая опричнина с начала 1930-х. Большой террор стал лишь завершающим победным аккордом в этой кровавой сюите.

Эпопея, как и у царя Ивана, завершилась полным успехом в смысле истребления внутренних конкурентов. Не менее успешно прошла и операция прикрытия: в коммуникативной памяти, лишенной доступа к фактам, сформировался расплывчатый, но несокрушимый синкетический шаблон: во всем виноваты евреи; их во власти было немерено: в газетах сплошь еврейские фамилии. Всегда и везде — начиная с 1939 г. советская пропаганда об этом заботиться, не покладая рук с пиком информационного давления уже после войны, во время всенародной битвы с безродным космополитизмом

Отсюда и путинские байки про 80–85%. Это евреи разрушили Престол-Отечество и захватили власть в 1917 г.; они сломали спину православному крестьянству во время коллективизации; они организовали ГУЛАГ с одной стороны и провалы в экономической политике с другой. Вредили России сначала тем, что укрепляли террористические структуры ВКП(б) и НКВД, а потом тем, что подрывали патриотическую политику этих структур. Короче, Октябрьская революция — результат преступного иудо-масонского заговора, поэтому органы госбезопасности никогда не позволят врагам очернить ее исторические завоевания и свершения. А тов. Сталин в 1937–1938 гг. евреев за их злые дела все равно покарал с помощью истинно русского человека Ежова с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками.

Как показывает объективный анализ, при истинно русском Ежове евреи брали на службу в НКВД значительно активнее, чем при еврее Ягоде. А «карать» их начал лишь тов. Берия с осени 1938 г. — и не во время «Большого террора», а сразу после его окончания. Что тоже вряд ли могло случиться без сталинского указа.

Но кого и когда в социалистическом Отечестве интересовал объективный анализ? И кто посмел бы его сделать? Советские люди жили, живут, и еще долго будут жить в пространстве пропагандистского эпоса — и тов. Сталин с тов. Путиным это понимают лучше кого бы то ни было.

Как и у Ивана Грозного, платой за успешную гиперцентрализацию власти стала отложенная (ненадолго) стратегическая катастрофа измощденного и лишенного правовой традиции социально-экономического пространства. Причины катастрофы узиженная до первобытного синкретизма коммуникативная память не в силах осознать. Она утешается сказкой о том, как враги-инородцы и агенты буржуазии захватили власть, а товарищ Сталин с ними боролся и побеждал. Вот сейчас его нет — и потому опять все плохо! Одна надежда на крутого парня Путина...

Путинскую корпорацию подобные настроения очень даже устраивают. Аналитики из ФСБ знают, что «глубинный народ» чутьем ищет и ждет харизматичного вождя. Значит, вождя им надо сконструировать и представить. Как очередную соску-пустышку по лубянским чертежам.

Уничтожив прежнюю партийную элиту, Сталин по-ленински заменил ее отмороженными выходцами из периферийных низов — Берия, Маленков, Хрущев и пр. Перед ними открылись невероятные карьерные перспективы — в обмен на безоговорочную лояльность. Позже этот опыт творчески развел Мао Цзэдун, которому после провала «Большого скачка» тоже было необходимо зачистить сравнительно квалифицированные старые кадры, которые понимали, что дело плохо. В качестве расходного материала Мао тоже использовал малообразованную провинциальную молодежь — хунвейбинов. Операция называлась «Огонь по штабам», а топливо для огня подбиралось по тем же опричным принципам. Корни которых, в свою очередь, уходили к экзополитарным практикам средневекового Востока. В европейском культурном ареале подобные акции успеха давно не приносят и популярностью не пользуются. Разве что на месте былого владычества Османской империи на Балканах.

Интересно наблюдать, как много сил и средств лубянская корпорация сегодня вкладывает в поиск и консолидацию политических маргиналов в Западной Европе — в привычном расчете расшатать устоявшиеся демократические режимы. При этом она с одинаковым энтузиазмом вербует как крайне правых, так и крайне левых отморозков — лишь бы они были

готовы на все. Похоже, это и есть практическое воплощение тех самых «исторических скреп», о которых так любит рассуждать коллективный Путин.

Советские и постсоветские скрепы

Во время президентских выборов 2024 г. Путин заявил о формировании «новой молодой элиты из участников СВО» — отборных маргиналов, поднаторевших в организации правового беспредела в зоне военных действий и оккупации. Ход вполне ожидаемый; война понемногу заходит в тупик, и он заранее готовит меры против заговора «старой гвардии», которая лучше других понимает масштабы и цену провала. А участникам СВО, как опричникам и хунвейбинам, терять нечего. Впрочем, здесь тоже есть свои побочные последствия.

Важным следствием сталинской победы над старой номенклатурой стало истребление советской военной элиты, резкое ухудшение качества командования и последующие провалы в Финской войне и в первые годы Великой Отечественной. Опять ситуация, дикая для рационального европейского сознания, но вполне органичная для советского вождизма.

В ходе чисток 1937–1938 гг. было репрессированы (большей частью расстреляны) заведомо более 25 тыс. командиров высшего звена. Некоторые источники говорят о 35 тыс. — зависит от того, кого считать командирами. Об этом верующие в сталинскую борьбу с еврейским засильем предпочитают не знать и не помнить: среди военного руководства доля евреев была даже ниже демографической нормы — кого там было «чистить» с этнической точки зрения?

Между тем в годы Большого террора РККА потеряла 3 из 5 советских маршалов. Остались лишь не слишком образованные Ворошилов и Буденный, до икоты преданные Вождю, но ярко продемонстрировавшие свою некомпетентность в конкретной боевой обстановке: первый во время Финской войны, второй во время Вяземской катастрофы октября 1941 г.

Чистки выкосили 13 из 15 командующих армиями («командармов»); 50 из 57 командующих корпусами («комкоров»); 154 из 186 командующих дивизиями («комдивов») и 401 из 456 полковников. С такими потерями в командном составе, по

мнению директора Британской академии Обороны генерал-лейтенанта Джона Кисзли (Lt. Gen. Sir John Kiszely, Director of the Defence Academy of the UK), вряд ли можно обеспечить оборону даже собачьей будки (идиома «to run a whelk stall»)⁶¹.

Гитлер со всей ясностью понял это по стыдным итогам Финской войны. Уже в мае-июне 1940 г. (Финская война завершилась 12 марта) он принимает решение о нападении на Советский Союз, который казался ему «глиняным колоссом без головы» (советская пропаганда перелицевала этот образ в более комплементарный: «колосс на глиняных ногах»). В начале июня в Германии уже начинается подготовка стратегического плана нападения. Это знают и понимают все в мире — но только не советские (постсоветские) граждане. Они до сих пор верят, что репрессии 1937–1938 гг. помогли сплотить командный состав, очистить его от потенциальных изменников и таким образом заложили основу великой победы 1945 г.

Парадоксальным образом, несмотря на чудовищные потери во Второй Мировой войне в сравнении с Первой (в 13–14 раз больше) и гораздо более глубокое отступление (в Первую мировую германские войска не продвинулись далее линии Рига–Черновцы, а во Вторую они через 10 недель взяли в клещи Ленинград, а через 16 недель были уже под Москвой) в коммунистической памяти именно Вторая мировая война остается предметом национальной гордости. А Сталин — великим воождем. Видимо, эта форма ментальной зависимости неизлечима. И правда: если не восхищаться Победой (и еще, конечно, Гагаринским и советским хоккеем!) — зачем тогда все перенесенные муки и обиды?

Главная загадка советской империи — иррациональный разрыв между пропагандой и реальными достижениями. На деле она всегда получала прямо противоположное тому, что обещала: начиная от «мира народам», «хлеба голодным» и «земли крестьянам» и кончая построением коммунизма. Но, несмотря на это, продержалась удивительно долго. Этот феномен невозможно объяснить, если не иметь в виду его виртуаль-

61. Bellamy, Chris. *Absolute War. Soviet Russia in the Second World War*. London: Pan Books, 2009. P. 110.

ной сущности, напоминающей сущность тоталитарной секты или псевдо-кочевой орды под командой харизматичного Вождя. Который ведет свой народ через беды и трудности по бесконечной пустыне — к недостижимому лучезарному миражу.

Вера творит чудеса.

Вот и сейчас ожидаемая победа в будущем и героический эпос в прошлом успешно заменяют собой стратегический провал в настоящем. Депрессивное «сегодня» в мобилизованной коммуникативной памяти как бы отсутствует: есть лишь великое «вчера» и великое «завтра». Эта фишка, однако, работает лишь в кастрированной коммуникативной памяти. Что ж, товарищи! Значит, будем резать... Не взыщите, — таково веление времени и исторических скреп. Не забудьте, пожалуйста, взять из дома перевязочные материалы: в условиях враждебного окружения у Родины опять не хватает ваты.

С условной ватой — как и с производством других материальных ресурсов — у подобных режимов хронические трудности. К концу жизни Советский Союз, стремясь удержать и расширить территорию, был вынужден большую часть своих сырьевых доходов тратить на поддержание «братьских» коммунистических (следовательно, маргинальных) режимов. Этот груз, наряду с грузом Афганской войны и отсталой экономики, присоединялся к грузу дотационных республик внутри Союза. Очередной имперский парадокс: вместо того, чтобы выкачивать ресурсы из завоеванных территорий (как положено классической империи из советского учебника обществоведения), Советский Союз закачивал их в противоположном направлении — из метрополии в политически зависимую периферию. Ради скупки лояльности. Которой все равно уже не было, ибо «страны народной демократии», настойчиво требуя и получая дотации из Кремля, во-первых, считали, что этого слишком мало (что правда), и во-вторых, прекрасно видели, что капиталистические соседи все равно живут значительно лучше (что тоже правда).

«Империя наизнанку» была обречена платить за устаревший экспансионистский эпос запустением и деградацией собственного исторического пространства — не получая взамен даже символической лояльности. Наоборот, периферия с каж-

дым годом все сильнее утверждалась в мысли, что ее обманывают, унижают и грабят. Какое ей было дело, что в старорусском цивилизационном центре люди живут еще хуже? Перед глазами стояла Москва — Образцовый Коммунистический Город. Она в сравнении с окружающим советским пространством выглядела благополучно. Хотя в сравнении со столицами развитого мира — увы.

Нечто похожее имеет место и сегодня: богатая Москва со стороны кажется воплощением путинской России. На самом деле она лишь ее витрина.

Крушение вывернутого наизнанку советского пространства закономерно началось с западного фланга, в социокультурном плане максимально далекого от псевдокочевых приоритетов. Сначала посыпались страны «народной демократии» в Европе: Польша, Венгрия, Чехословакия, ГДР, Румыния. В течение 30–40 лет протесты удавалось подавить танками — пока еще не были окончательно растрячены собственные демографические, экономические и идеократические ресурсы. Потом посыпались уже республики собственно СССР — и опять с запада.

В горбачевском референдуме 1991 г. о сохранении СССР отказались принимать участие 6 республик из 15 (с севера на юг): Эстония, Латвия, Литва, Молдова, Грузия и Армения. Что характерно, республики с азиатской политической традицией поддержали Союз с истинно советским единодушием, — понятно, основанном на фальсификациях. Дрейф электоральной системы к «ценостной Азиопе» начался не сегодня, путинский ресентимент имеет глубокие советские корни. С Кадыровым, Бердымухamedовым, Ким Чен Ыном, Си Цзиньпином и Сталиным у него общее дискурсивное поле и общий анамнез. А с Европой и США эти властные системы говорят на разных языках — особенно после разрушения второго (европейского) этажа российской культуры, начатого в 1917 г.

Сегодня наблюдается асимметричное продолжение процесса крушения советской империи — но уже внутри так называемого «славянского ядра». Война с Украиной казалась немыслимой и невозможной всего несколько лет назад — однако вот же она, у самой двери! Авторитарная, но увертливая

и нацеленная на суверенитет лукашенковская Беларусь тоже совершенно не спешит растворяться в «русском мире». Скорее, наоборот. Воевать за Путина «брата» Лукашенко не будет; слова словами, но свою личную власть он никому не отдаст (в том числе и Кремлю) и поэтому дверь в Европу не захлопывает. После Украины эта территория будет первой в очереди на Запад. Опять придется удерживать силой?

Азербайджан, поскольку имеет собственные источники нефтяных доходов, уже не считает необходимым оказывать хотя бы символические знаки уважения к прежней метрополии и откровенно переориентировался на Турцию.

Армения — не от хорошей жизни — все откровеннее разворачивается в сторону Европы. Кремль в ближайшем будущем, естественно, постарается свалить Пашиняна, раскручивая интригу внутри Армении и подкармливая его конкурентов — но даже в случае удачи сможет оттянуть конец не более, чем на одно поколение. Примерно, как случилось в Грузии.

Интрига против Молдовы уже вовсю развернута. Однако, с опорой даже не на Приднестровье, а на еще более провинциальную Гагаузию. Так что и здесь дела идут не слишком успешно...

Путину, вставшему на имперские рельсы Сталина, нелегко. Он пытается удержать уходящие территории силой — а чем еще? Большинство населения РФ его поддерживает (на словах), но реально воевать не хочет. В сталинском СССР мнение большинства было производным от мнения Вождя и, вообще говоря, самостоятельного значения не имело; все альтернативы были просто стерты в порошок. При Брежневе большинство поддерживало ввод войск в Чехословакию и как минимум не протестовало против войны в Афганистане. Но альтернативы все-таки появились и давали себя знать хотя бы через «радиоголоса».

В путинской России альтернатива реально существует уже внутри страны — хотя в репрессированном и подавленном состоянии. Ее наличие по умолчанию признается и самой системой: речь об официально признанных 15–20% «чем-то недовольных». Это многие миллионы людей.

Путинская корпорация начала войну не от избытка сил; скорее, наоборот, потому что была не способна другими

средствами остановить естественный уход в Европу своего западного фланга. Главное, конечно, Украины. Предложить ей конкурентоспособную модель мирного соседства с включением в Таможенный и Евразийский союзы Путин не сумел: предложение Европейского союза оказалось притягательнее. Это очевидное стратегическое поражение на уровне системы ценностей. Чтобы его замаскировать и расквитаться, у колективного Путина не оставалось других средств, кроме войны. Само ее начало есть знак поражения — и только вывернутая наизнанку ментальная оптика бывшего СССР может этого не видеть. Для нее начало войны, наоборот, повод для детской радости и знак возвращения к простым и понятным сталинским истинам — абсолютно сказочным.

Проблема в том, что за победной сказкой опять, как и в случае Сталина, скрывается убогая материальная действительность. В частности, ландшафты. Сторонники ждут от Путина побед, причем масштабных и территориальных, в сталинском стиле: кому нужен Вождь без войны и захваченных земель?! С другой стороны, кому (кроме вождя и его прихлебателей) нужны новые территории, когда средств не хватает на подъем уже имеющихся?

Для псевдокочевой системы приоритетов Великий Путь — пусть все более виртуальный, как в КНДР — есть норма жизни. Если отбросить словесную шелуху про интересы трудающихся и борьбу за мир, то ради этой системы с вождями во главе и создавалась централизованно-милитаризованная модель Ленина-Сталина. Стационарное существование для нее — медленная неизбежная погибель, потому что мирную конкуренцию она проигрывает. Что и показал зафиксированный в памяти ландшафта опыт Хрущева и Брежнева.

Добиться в рамках этой системы повышения производительности труда, интенсификации, продуктивности и пр. также трудно, как с помощью серпа и молота рожать детей. Просто не тот инструментарий — и коллективный Путин в глубине души это отлично понимает. Но на развилке между условным корейским севером и югом выбирает север. Так этим людям комфортнее, сытнее и привычнее. А то, вишь, конкуренция,

права человека, гражданские свободы и прочая европейская ерунда... так ведь можно и выборы проиграть!

Попытки диагноза/прогноза

Многолетние наблюдения «Левада-центра»⁶² за социальной поддержкой Владимира Путина показывают, что уровень его популярности зависит не столько от пропагандистских накачек, связанных с избирательными кампаниями (хотя они тоже чувствуются), сколько от точности попадания в нерв милитаристски-державных ожиданий коммуникативной памяти.

Первый всплеск популярности (с 31% в августе 1999 г. до 84% в январе 2000 г.) объясняется жесткими действиями в Чечне, которые были восприняты как победа. Второй скачок — до 86% в декабре 2003 г. столь же явно связан с уничтожением прорвавшихся в Дагестан террористов Гелаева — что тоже было воспринято страной как военный успех. Третий — 88% в сентябре 2008 г. — война в Грузии. Четвертый — от 80% до 89% с марта 2014 до июня 2015 г., «Крымнаш» и появление вооруженных сил РФ («которых там не было») в ДНР/ЛНР. Пятый и пока последний скачок — 83%, март 2022 г., вторжение в Украину.

Мирные фазы в этой летописи отмечены снижением поддержки до 60–65%. Избиратель любит воюющего Путина, но начинает скучать и сомневаться в мирное время. Иррациональный выплеск *asabiyah* позволяет забыть про цены, пенсионную реформу, скверные бытовые условия, невыполненные обещания, коррупцию, репрессии — и путинская корпорация прекрасно это сознает. В отличие от европейцев, которые со своим рационализмом просто не могут понять, как такое возможно.

Им просто надо вслед за Лениным/Сталиным заново открыть для себя золотое правило Ибн-Халдуна: бедный, голодный и бездомный народ воюет лучше сытого, довольного и сознавшего свое частное право. Следовательно, для удержания власти главное — не давать народу расслабиться; вместо еды кормить пропагандистскими децибелами. И побольше

62. URL: <https://www.levada.ru>.

героического эпоса! Вперед — и забыть про потери: мы за ценой не постоим.

Но это лишь краткосрочный уровень. На среднесрочном все заметно хуже, а в долгосрочной перспективе вообще беда. Дело не только в том, что надвигается демографическая катастрофа, экономический застой и технологическое отставание. Хуже, что Кремль уже не может хотя бы в теории предложить реальный выход из тупика. Как он не мог этого сделать перед лицом надвигающегося коллапса СССР, повторяя пустые слова про построение коммунистического общества, единый народно-хозяйственный комплекс и его исторические преимущества.

Реставрация советской системы приоритетов ведет к своего рода амнезии и утрате способности ориентироваться в пространстве-времени. Да, в сегодняшнем Кремле слышали, что потребление нефти будет сокращаться и цены на нее раньше или позже пойдут вниз — хотя бы из-за угрозы глобального потепления. Но сказать (и тем более, сделать) по этому поводу им нечего, поэтому лучше делать вид, что проблемы нет. Авось как-нибудь...

Да, они тоже заметили, что Газпром впервые с начала века в 2023 г. вместо прибыли принес прямые убытки. Ничего! Чтобы сохранить контроль, надо просто почаше повторять, что мы идем от победы к победе. И все будет хорошо. Ведь было же при Сталине?! (На самом деле хорошо при Сталине не было, и тем более не стало после его ухода — система просто развалилась. Но они этого в упор сами не видят, и другим не дают).

Да, они сознают демографическую угрозу. Но ведь война важнее, правда?! На наш век рекрутов хватит, а там хоть потоп... То есть, пардон, великая и могучая Российская Империя будущего. Тысячелетний рейх. Светлое коммунистическое завтра. Бессмертная Джамаахиря или любой иной идеократический мираж. В принципе неважно — главное, чтобы пипл хавал.

Впрочем, креативный А. Г. Дугин (надо отдать ему должное) 17 декабря 2022 г. предлагает вполне конкретное решение:

Чтобы решить демографическую проблему России одним ударом, надо просто разом перейти от Модерна к Традиции. И всё. Города будут немедленно расселены, на земле сложатся крепкие православные семьи со множеством ребятят.

Разводы — не то, что abortion! — будут запрещены. <...> За блуд — костер. За кражу — повешенье. За хулу на Царя — вечная каторга. <...> Черные стрелы монашеских шествий. Тихое напряженное сопение пахаря и храп статного сытого коня. Пронзительный запах парного молока в тумане...⁶³

Отличный пример катастрофы когнитивной, которая гораздо хуже любой демографической, ибо создает для нее (да и для всех прочих катастроф) духовный фундамент. То есть строит альтернативную реальность, к материальной жизни вообще не имеющую отношения. В эту альтернативно одаренную голову даже не приходит вопрос, куда при таком радужном повороте денутся 20 миллионов обитателей современного Московского столичного региона.

Как куда?! Ясно что сказано: города будут немедленно расселены!

Простите, вы не поняли. Если исходить из упомянутых ранее переселенческих норм начала XX века, на самообеспечение земледельческой семьи в условиях натурального хозяйства требуется 15 десятин. Округлим число семей в Московском регионе до 5 млн. Итого потребуется около 750 тыс. км². Площадь Москвы вместе с Московской областью 47,5 тыс. км². Для дугинского переселения этих людей в пространство Традиции потребуется в 15 раз больше земли, чем они более-менее комфортно занимают сейчас, в городском и пригородном ландшафте, построенном на основе Модерна. Чтобы вернуть их назад в светлые времена Ивана Грозного, потребуется площадь примерно двух Японий. Или одной Украины с половиной Беларуси в придачу.

Это вплотную, забор к забору, вообще без дорог, рек, лесов и монастырей, газовых сетей и силовых подстанций. Кстати, о лесах. Если их нет, где брать дрова и из чего рубить избу? А что с системой водоснабжения и канализацией, медицинским обслуживанием, наукой? Кто и где будет монтировать столь любимые Дугиным стратегические ракеты — сопящий пахарь на пару со статным конем в кузне? Товарищ даже не сознает, что предлагает пародию на пародию, утрированно пересказывая

63. URL: https://vk.com/wall-2789767_41641.

«День опричника» Сорокина. Увы, для него это предмет реальной веры. Поэт! Спаситель Отечества. Кремлевский мечтатель... Новый Александр Блок со своими замечательными «Скифами». Хотя — стоит отметить — у Дугина сказка уже с отчетливо оседлым привкусом. Можно ли назвать это прогрессом?

В принципе ничего нового: рутинный экзистенциальный ужас провинциального маргинала, осознающего свою второсортность перед сложным и непонятным Большим Миром. И отчаянное стремление развернуть процесс вспять, к простому и понятному эпосу — который потому и понятен, что сказочен. Именно с такими нехитрыми предложениями и обращаются к мировой периферии все глашатаи прекрасного вчера и прекрасного завтра — будь то иранские аятоллы с Хезболлой или Хамасом, или т. т. Дугин, Маркс, Ленин, Сталин и Гитлер с их нехитрыми народными идеалами.

Если дать Дугину волю, вместо решения демографической проблемы, «одним ударом» он по советскому канону получит прямо противоположный результат — как-то у них отродясь принято. Эмпирически доказано на примерах Пномпеня в Камбодже (число жертв городского населения более миллиона) и Петрограда в России 1918 г. Но какое этим господам дело до презренной эмпирики? Им важно решить функциональную задачу удержания себя, любимых, при власти.

На самом деле территория, над которой пролилась дугинская благодать, через месяц превратится в поле боя для опричников луганско-донецкого образца. Через три месяца (возможно, раньше) вместо проектируемого благолепия с «множеством ребятят» начнется эпидемия тифа или холеры из-за коллапса водопровода, канализации и системы здравоохранения. Через полгода над благолепными среднерусскими ландшафтами будет слышно лишь напряженное сопение каннибалов, разделяющих добычу — возможно, под звон колоколов, ибо идеологические шаблоны обычно умирают последними.

Перед вменяемой частью человечества встает серьезный вопрос: что делать со 146 миллионами людей (пока еще живых) на территории в 17,1 млн км², которые находятся подовым и информационным воздействием таких маниакальных персонажей как Дугин, Проханов, Патрушев и Путин? Окорм-

ляемая ими территория обладает ядерным оружием и страдает наследственным маниакально-депрессивным психозом. Который, как всегда в таких случаях, остается не осознанным самим пациентом и потому неизлечимым внутренними средствами.

Ждать от нее движения в сторону европейских ценностей (условно назовем этот сценарий «Прекрасная Россия Будущего им. А. А. Навального») нет оснований — во всяком случае, покуда не рухнет материальная система обеспечения, основанная на экспорте нефти. Привязанные к ПРБ им. Навального соображения либерально-демократической общественности о новой версии «общественного договора», эволюции в сторону «сервисного государства» и прочие заимствованные из оседлого европейского дискурса концепции теоретического смысла не лишены. Но практический интерес к ним может возникнуть лишь после очередного цикла крушения и распада псевдо-ордынской модели, которую успешно реставрирует коллективный Путин.

Пожалуй, стоит повторить: мирного, легального, демократического выхода из путинского тупика нет. Возможен переворот, заговор, загадочная смерть, гражданская война — всё, что угодно, кроме легального ухода императора-узурпатора. Назад в этой игре не ходят.

Наверное, это стоит еще раз подчеркнуть. Для оседлой империи Романовых (собственно, как и для империи Габсбургов) война была катастрофической ошибкой, глупостью и преступлением, которая в конечном счете привела к крушению режимов. Для псевдокочевой империи Ленина-Стилина война, наоборот, была естественным состоянием и питательной средой — как и для империи Чингисхана. Для этого режима, как показывает исторический опыт, губительным стал, напротив, мир — на фоне неугасших экспансионистских устремлений. Точнее, неспособность повысить продуктивность собственно-го экономического пространства, интенсифицировать хозяйственны-е ландшафты, увеличить производительность труда и производство товаров народного потребления.

Режим Путина, как и режимы средневековой кочевой Евразии или СССР, тоже опирается на всенародную мобилизацию, боевой дух *asabiyah*, харизму вождя, экспансионистские

мечты и ксенократическое отношение к подконтрольному населению и территории, которые рассматриваются им как источник ресурсов для ведения войны. В хозяйственном отношении режим по-прежнему держится за счет привлечения готовых изделий высокого технологического уровня из более развитого, свободного и конкурентного внешнего окружения — в обмен на сырье. В смысле геополитики речь идет о ядерном шантаже и попытках ракета по отношению к внешнему окружению, исходя из открыто провозглашенного принципа «Нам терять нечего. А вам?»

В то же время он значительно гибче и адаптивнее советского, ибо признает право частной собственности. Его главное отличие — промежуточный характер или «гибридность», которая оставляет больше места для маневра, чем было у советских вождей. Путинский режим не так громоздок, зато более живуч.

Отсюда простые соображения о способах воздействия.

Расчеты на разочарование масс из-за ухудшающихся условий быта или растущих потерь компенсируется накачкой новой версии *asabiyah* на фоне советского «Мы за ценой не постоим». Бедными нам быть не привыкать, и кто же в поднятой на дыбы орде считает потери?

Внешние санкции нивелируются разнообразием внешнего мира, где всегда найдутся потребители, готовые рискнуть отношениями с нелюбимым Западом ради хорошей скидки на нефть. А у путинской опричнины еще с советских времен накоплен огромный опыт паразитирования на теле развитого мира и воровства его технологий — начиная с ядерных и космических. Его заточенная на войну система изначально была готова к введению рестрикций — а вот правовые западные институты нет, не готовы.

Надежда на сопротивление бизнес-элит тоже эфемерна. Она растет из европейского предположения, что крупный бизнес способен влиять на путинскую политику. В псевдовождестве такое не работает: либо ты с вождем, либо беги за горизонт. Попытки выдавить российских релокантов назад, «чтобы те боролись с режимом», откровенно контрпродуктивны. Это все равно что вернуть беглого холопа хозяину, чтобы тот занялся его свержением. Со стороны Великого княжества Литовского

было бы крайне недальновидно высыпалить князя Курбского назад в Москву, дабы он возглавил заговор против Ивана Грозного. Литва этого делать не стала — ибо хорошо понимала, что такое Иван и его опричники. Сейчас это понимание, видимо, притупилось. Было бы разумнее позволить российским олигархам легализовать свои капиталы на Западе, заплатив достаточно серьезную цену (в пользу Украины?) за легализацию. Многие бы охотно воспользовались. Вместо этого олигархи вынуждены с большими потерями закачивать средства назад в Россию, где значительную их часть с удовольствием отрезает Путин на пользу войне. А куда им деться.

Но что же тогда может повлиять?

Деконструкция народного образа вождя — хотя бы в сравнении с эпическим Сталиным. Понятно, мало кто в современной России воспринимает Путина как классического *харизматика* — в смысле носителя высшей силы, божьего благословения и т. д. Хотя патриарх Кирилл и делает попытки низвести массовое сознание до этого уровня — но без видимых успехов. Скорее, страна воспринимает Путина как смелого фартового пацана, который не боится драться с превосходящими по силе ребятами из соседнего района. Для поддержания этого образа ему необходимы победы; точнее, то, что можно продать оболваненному населению в качестве победы.

Рутинизация войны. Если война превращается в серую повседневность без череды ярких ТВ-побед, она перестает быть мобилизационным и консолидирующим фактором, и победная харизма вождя понемногу облезает. *Asabiyah* начинает выдыхаться. Поэтому С. Кириенко, как опытный методолог, точно сформулировал задачу: «сделать войну народной», то есть сократить остроту восприятия, не допустить сползания в скуку и превратить в каждодневную боль и заботу.

Иными словами, главное средство воздействия — максимально жесткое сопротивление на поле боя. С постоянным сообщением о числе потерь и продвижении/отступлении линии фронта.

Дефицит рабочей силы. Вам развиваться или геройские подвиги? В зависимости от ответа молодых мужчин следует направлять или в производство, или на фронт. Собственно,

власть изо всех сил старается, чтобы такого вопроса даже близко не возникало в общественном мнении: конечно, геройские подвиги! По завету дедов и отцов... А про дистрофию обитающего пространства лучше не думать.

Средний класс и города. Пока эти социально-географические группы не чувствуют серьезного ухудшения бытовых стандартов; оценка балансирует на грани. Патриотизм и советский ресентимент компенсируют раздражение от ухудшающихся стандартов. К тому же Путин грамотно воюет главным образом за счет периферии и сельских территорий, черпая рекрутов оттуда. Крупных городов стремится не трогать — и пока это ему удается. Но лучше со временем не становится, и города обозначают тенденцию к разочарованию.

Национальные конфликты. Общее повышение градуса агрессии так или иначе проявляется в ксенофобии. Желание возложить груз основных людских потерь на периферию ведет к скрытому росту этнического напряжения везде: на фронте, по отношению к трудовым мигрантам, среди уголовников и в сфере религии. Процесс будет нарастать, и взаимное остервенение тоже. Эта угроза пока явно недооценивается.

Чем дольше псевдовождь пребывает у власти, тем актуальнее становится угроза территориального раскола. С точки зрения официальной электоральной географии Путин — президент консервативной провинции. Прежде всего национальной, где ему результаты откровенно рисуют. Карта его поддержки (с учетом фальсификаций, которые в Кремле воспринимаются как знак лояльности региональных элит) близко повторяет географию поддержки Зюганова в середине 1990-х. Разница в том, что тогда крупные города солидарно голосовали за Ельцина — ибо очень не хотели назад в СССР. С начала нулевых они выборы все чаще игнорировали, поскольку считали угрозу реставрации неактуальной и в целом были скорее довольны новой жизнью. Игнорировали бы и сегодня — если бы не война и не ДЭГ. Система электронного голосования, по сути, означает вручение своего голоса в руки номенклатуры, а ощущение войны подталкивает к демонстрации единства и конформизма. Тем не менее, ценностная асимметрия в политическом пространстве сохранится и при первых признаках серьезного кри-

зиса города двинутся в сторону своих естественных интересов (на «ценностный Запад»), в то время как путинские опорные регионы (Чечня, Тыва, Дагестан и пр.) — в противоположном золотоординском направлении.

Конфликт ценностей может принять неконтролируемую форму. Еще важнее, что путинский вождизм уже поставил крест на всех легальных и вообще правовых формах политической борьбы, откровенно и однозначно сделав ставку на право силы. Ни один из выращенных в этой среде потенциальных лидеров — тем более из молодых опричников ДНР/ЛНР — ни секунды не верит, что власть в РФ можно получить в результате честных конкурентных выборов. Наоборот, Путин их на деле убедил, что выборы — не более чем символический обряд или ритуал, которым завершается процесс захвата власти: кто первый конкурентов уничтожил и занял позицию царя горы, тому Э. А. Панфилова и насчитает сколько положено. Следовательно, дележ властных полномочий в среднесрочной перспективе скорее всего будет осуществляться не с помощью прописанных в Конституции прав, а по-скифски, по-ордынски или по-большевистски, с помощью оружия. Что, собственно, и имело место на территории ДНР/ЛНР в процессе вооруженных разборок между полевыми командирами. При том понимании, что все-таки имел место внешний контроль из Кремля, который не дал разгореться полномасштабной войне в лучших традициях Дикого поля.

А кто будет сдерживать разборки между путинскими силовиками?

В перспективе нескольких ближайших лет псевдосоветская ядерная империя встанет перед очевидной угрозой распада — и весь развитый мир вместе с ней. При этом, в отличие от советского кейса, очередной спазм фрагментации и сокращения евразийского территориального феномена с псевдокочевыми властными приоритетами едва ли будет мирным: Путин самым наглядным образом это продемонстрировал на примере Украинской войны. А до того немного потренировался на войне Грузинской.

Russian imperialism Tradition
Territory. Law

Dmitry Oreshkin

Candidate of Geographical Sciences, Professor of Free University

Annotation. The article investigates the phenomenon of empire and Russian imperialism, its historical roots and modern embodiment in the politics of post-Soviet Russia.

Keywords: Russian imperialism, tradition, territory, right< empire, Putinism, asabiyah.

DOI: [10.55167/eccdfa52caf8](https://doi.org/10.55167/eccdfa52caf8)

Идея охранительной суверенности в современной российской практике

Михаил Савва

Руководитель Экспертной группы «Сова» (Украина), доктор политических наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Latvija). egroupsova@gmail.com

Аннотация: В тексте рассматривается изменение позиции российского правительства в отношении признания суверенитета других стран: от признания суверенитета до его отрицания во имя «российских интересов». В статье также анализируется опасность, которую авторитарные режимы России и Китая представляют для прав человека и международной системы сотрудничества.

Ключевые слова: Российский режим, суверенитет, внешняя политика, демократия, авторитаризм, тоталитаризм, права человека, международное сотрудничество, многосторонность, глобальная система, Хельсинкские соглашения, Китай, Украина, агрессия, пропаганда, общественное мнение.

Идея этой статьи появилась из желания получить ответ на вопрос: зачем современному государству суверенитет? Наиболее интересное и практически актуальное развитие ответ на этот вопрос получил на примере Российской Федерации. Российский политический режим после начала полномасштабной агрессии против Украины автор рассматривает как актуальный объект научного исследования. Изменения режима в результате попыток выбраться из собственноручно созданного стратегического капкана стали значительно более откровенными, существенно ускорилась динамика режима (по мнению автора, это движение от авторитаризма к неототалитаризму) и этот режим вошел в режим саморазоблачения. Появляется все больше таких красноречивых источников информации, как официальные документы и заявления высших должностных лиц РФ. Представители российского режима стали чаще говорить о суверенитете, высвечивая таким образом свое по-

нимание этого политico-правового механизма. В результате возникла ситуация, в которой именно на примере российского политического режима удобно изучать значение суверенитета как инструмента этого режима.

Термин «суверенитет» восходит к латинскому *suprematis potestas* — «высшая власть», и это задает вектор изучения охранительной суверенности российского политического режима. Суверенитет — это не столько о народе и для народа, сколько о власти и для власти. Универсального, точного и измеримого понятия суверенитета нет. Можно говорить лишь о некоем общем векторе понимания суверенитета: верховенство государственной власти (внутренний аспект суверенитета) и независимость государства во внешних делах (внешний аспект).

По мнению автора статьи, главный вопрос суверенитета — чему он служит. Суверенитет может быть инструментом охраны любого политического режима: демократического, авторитарного, тоталитарного. Охрана предполагает как защиту от нападения, так и сохранение тайны. Другими словами, суверенитет позволяет защищать и скрывать. Если государство делегирует часть своего суверенитета, оно уменьшает свои возможности защищать и прятать. Если же оно усиливает суверенность в условиях глобализации, то логично предположить, что у такого государства усиливается потребность что-то защищить и что-то спрятать.

Автор полагает, что абсолютный суверенитет в настоящее время практически невозможен. Точнее, он делает государство — носителя абсолютного суверенитета изгоем. Сфера деятельности, в которых суверенитет неизбежно ограничен, достаточно много. Любой международный договор можно рассматривать как ограничитель суверенности. Ряд острых проблем современного мира являются глобальными. Среди них глобальное потепление, угроза ядерной войны и целый ряд других. Координацию деятельности различных стран для решения этих проблем также необходимо рассматривать как ограничение суверенитета.

Для нашего исследования особое значение имеет ограничение суверенитета в сфере обеспечения прав человека. В современном мире полная суверенность означает невозможность

эффективного обеспечения прав человека. Защита прав человека безусловно требует контроля за деятельностью органов власти, которые потенциально могут нарушать эти права. Казалось бы, такой контроль обеспечивается без выхода за пределы государства разделением властей и независимостью судебной власти. В теории это так. Но даже в странах с устоявшейся традицией уважения к правам человека теория срабатывает далеко не всегда. Это подтверждает практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Данный судебный орган используется в случаях, когда возможности национальной судебной системы исчерпаны, но заявитель не добился справедливости. Во всех странах, признающих юрисдикцию ЕСПЧ, есть случаи принятия решений этим судом в интересах заявителя. Другими словами, даже в государствах с глубоко укорененными традициями уважения прав человека необходим внешний, надгосударственный контроль для эффективной защиты этих прав. Следовательно, обеспечение прав человека требует отказа от определенных элементов суверенности.

Российская Федерация последовательно и целенаправленно отказывается от своих международных обязательств, предполагающих надгосударственный контроль за правами человека в РФ. Россия totally отказалась от таких обязательств в отношении структур Совета Европы, в том числе Европейского суда по правам человека. РФ в период членства в Совете Европы устойчиво занимала второе место по количеству дел, рассмотренных ЕСПЧ, и первое — по количеству признанных нарушений Европейской конвенции по правам человека. Это подтверждает высокую актуальность надгосударственного контроля за соблюдением прав человека в РФ. Россия денонсировала Европейскую конвенцию по правам человека (ЕКПЧ), в результате с 16 сентября 2022 года, она вышла из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека.

РФ вышла не только из европейской надгосударственной системы защиты прав. Она выходит из тех структур ООН, деятельность которых не может заблокировать. Из Совета безопасности ООН РФ не выйдет, поскольку право вето постоянного члена Совбеза позволяет заблокировать работу этого органа.

Ликвидация надгосударственного контроля за соблюдением прав человека в РФ очень быстро привела к качественному изменению нарушений прав. Это изменение ярко проявилось в публичной безнаказанной демонстрации пыток подозреваемых в совершении теракта в «Крокус-сити» (теракт был совершен 22 марта 2024 года, первые подозреваемые задержаны через несколько часов). Российские силовики уже не просто не боятся пытать людей, они делают это демонстративно. Автор рассматривает это изменение как переход на новый уровень нарушений прав человека в РФ, поскольку отсутствие страха огласки пыток у российских правоохранителей неизбежно приведет к значительному увеличению масштабов незаконного насилия со стороны представителей власти. Страх огласки и возможного наказания за незаконное насилие были единственным сдерживающим пытки фактором в российской правоохранительной системе, которая абсолютно лишена гуманизма и каких-либо внутренних сдерживающих факторов.

После мартовского теракта представители власти РФ откровенно используют метод государственного террора, то есть незаконного насилия для запугивания общества. Как результат, стремительно масштабируется феномен «непризнанных убийств» в российских местах принудительного содержания. В первые же дни после теракта в «Крокус-сити» и фактического перехода российской правоохранительной системы в режим государственного террора силовиками были убиты несколько граждан РФ, в том числе в одном из отделений полиции Москвы выходец из Чеченской Республики Асхаб Успанов и в СИЗО-3 Белгорода гражданский активист Александр Демиденко. Асхаба Успанова, вероятно, подозревали в причастности к теракту. Александру Демиденко подкинули гранату и задержали за незаконное хранение оружия. Но действительная причина его убийства состояла в том, что он помогал депортированным в РФ украинцам возвращаться в свою страну (на границе России и Украины работает единственный пограничный пункт в селе Колотиловка, и он находится в Белгородской области). Очевидно, что уже в первые дни государственного террора в России он не держался в границах «антитеррористической деятельности», а уверенно распространился на другие направ-

ления «правоохранительной деятельности». Подчеркнем, что российский вариант государственного террора базируется на незаконном насилии и в этом смысле радикально противоречит правам человека.

По мнению автора, российский суверенитет выполняет две основные функции. Первая функция — защита активного уничтожения этим режимом прав человека. Внешний надгосударственный контроль за соблюдением прав человека был ликвидирован под лозунгом защиты суверенитета, внутренний контроль фактически отсутствует. Вторая функция — содействие имитации прав человека. Автор оставляет за скобками данной статьи вопрос, зачем российскому режиму эта имитация. Это тема самостоятельного исследования. Здесь мы сосредоточимся на механизмах, то есть на том, каким образом идея суверенитета используется для имитации прав человека.

По мнению автора, один из стратегических документов российского режима заслуживает особого внимания для понимания того, каким образом концепция суверенности используется в качестве инструмента имитации. Показательно, что данный документ тесно связан с российской агрессией против Украины. Перед началом полномасштабной агрессии в феврале 2022 года Владимир Путин подписал совместное заявление с руководителем Китая Си Цзиньпином «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии¹. В этом документе идея охранительной суверенности была сформулирована ясно и определенно. Вероятно, такая определенность была обусловлена важностью решения, которое обеспечивало совместное с КНР заявление, — решения о нападении Российской Федерации на суверенную Украину. Поддержка российской агрессии Китаем требовала не только продемонстрировать единство целей двух режимов на международной арене, но также близость их внутриполитических стратегий: «Некоторые силы, представляющие меньшинство на

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 4 февраля 2022 года // Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770>.

мировой арене, продолжают отстаивать односторонние подходы к решению международных проблем и прибегать к силовой политике, практикуют вмешательство во внутренние дела других государств, нанося ущерб их законным правам и интересам».

Показательно, что совместный российско-китайский документ перечисляет общечеловеческие ценности: «мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода», среди которых нет прав человека. Российско-китайское заявление акцентировано на суверенитете, требует «уважать права народов на самостоятельный выбор пути развития своих стран, а также суверенитет и интересы государств в области безопасности и развития, защищать международную систему, опирающуюся на центральную роль ООН, миропорядок, основанный на международном праве, добиваться подлинной многосторонности при центральной и координирующей роли ООН и ее Совета Безопасности, содействовать демократизации международных отношений, обеспечивать достижение мира, стабильности и устойчивого развития на земле».

Как демонстрирует опыт режима В. Путина, демократия в условиях массовой и безальтернативной государственной пропаганды не опасна управляющей группировке. Понимая демократию в классическом варианте, как обязательность исполнения воли большинства, людей можно убедить голосовать так, как нужно этой группировке. Но пекинское заявление ярко продемонстрировало еще один механизм нейтрализации демократии, а именно — размывание содержания этого концепта: «Демократия — это способ участия граждан в управлении собственной страной в интересах повышения благосостояния населения и обеспечения принципа народовластия. Демократия реализуется во всех сферах общественной жизни и в рамках общенационального процесса, отражает интересы всего народа, его волю, гарантирует его права, удовлетворяет потребности и защищает его интересы. Демократия не строится по трафаретам. В зависимости от общественно-политического устройства, истории, традиций и культурных особенностей конкретного государства его народ вправе выбирать такие формы и методы реализации демократии, которые соответствуют специфике

данного государства. Право судить о том, является ли государство демократическим, есть только у его народа». Заявленный подход позволяет объявить демократией все, что угодно, и игнорировать любые внешние оценки таких «демократий». Этот подход демонстрирует, как работает имитация: содержание концепта размывается или подменяется, при этом название этого концепта продолжает использоваться. Одновременно с провозглашением идеи разнообразия демократий была осуществлена ее реализация: в российско-китайском заявлении китайский режим был объявлен демократическим, и не просто демократическим, а имеющим глубокие традиции демократии.

Российский и китайский режимы объединяют неготовность называть вещи своими именами и, как результат, активное использование имитации. Устав Коммунистической партии Китая констатирует, что эта страна все еще строит коммунизм: «Коммунизм как высший идеал, к которому стремятся китайские коммунисты, осуществим только на базе полного развития социалистического общества и достижения социалистическим обществом высокой степени развитости. Развитие и совершенствование социалистического строя — длительный исторический процесс. При условии твердого соблюдения основных положений марксизма-ленинизма и следования путем, соответствующим китайским реалиям и избранным китайским народом по собственному побуждению, дело социализма в Китае обязательно одержит окончательную победу». Отметим, что в качестве основания называть бюрократический капитализм социализмом используется необходимость учитывать реалии. Также интересно, что Коммунистическая партия Китая, если верить ее Уставу, уже прошла этап борьбы с бюрократическим капитализмом².

При том, что «обнуление» демократии для тоталитарных и неототалитарных режимов практически возможно, права человека остаются для них токсичной идеей. Демократия лишь предполагает механизм принятия решений большинством и обязательность этих решений. Массовая безальтернативная

2. Устав Коммунистической партии Китая. URL: <https://tinyurl.com/239ulgds>.

государственная пропаганда при низком качестве населения способна обеспечить несменяемость политического режима в условиях формальной демократии. В то же время, содержание прав человека зафиксировано в ряде международных документов, которые имеют как декларативный характер, например, Всеобщая декларация прав человека, так и обязательный для исполнения государствами формат, например, Международный пакт о гражданских и политических правах. Соблюдение прав человека существенно ограничивает возможности режима гарантировать несменяемость, и в этом смысле права человека опасны для тоталитарных и неототалитарных режимов.

Права человека в российско-китайском заявлении упоминаются в двух аспектах. Первый — обвинения в адрес «коллективного Запада» во вмешательстве во внутренние дела других стран: «Стороны уверены, что защита демократии и прав человека не должна использоваться как инструмент для оказания давления на другие страны». Второй — отказ от идеи универсальности прав человека: «в силу национальной специфики, различий в истории и культуре, общественном строе и уровне социально-экономического развития государств необходимо соотносить универсальность прав человека с реальной ситуацией в той или иной стране, защищать права человека в соответствии с положением дел в государствах и потребностями населения».

Можно констатировать, что права человека как сформированный цельный концепт подвергаются системной ревизии в таком программном для недемократических режимов документе, как российско-китайское заявление февраля 2022 года. Автор полагает, что эта попытка ревизии, то есть радикального изменения содержания понятия прав человека, имеет прогнозный характер. Она позволяет понять, какой стратегии будут следовать недемократические страны в своем стремлении изменить мировой порядок.

Правящие группировки РФ и Китая часто упоминают проблемы безопасности как ключевые для современного мира. Для иллюстрации можно обратиться к тому же совместному российско-китайскому заявлению: «Стороны глубоко обеспокоены серьезными вызовами в сфере международной без-

опасности и исходят из того, что судьбы народов всех стран взаимосвязаны». Более того, обеспечение безопасности для российского режима оправдывает самые грубые нарушения международного права. Так, полномасштабная агрессия РФ против Украины была начата под лозунгом превентивного обеспечения безопасности РФ.

Правящая в РФ группировка выступает за создание новой системы безопасности как на уровне макрорегионов, так и в глобальном масштабе. Владимир Путин много раз публично говорил о необходимости новой системы, например, в Европе. В интервью Такеру Карлсону он выразил идею, которую российское официальное информационное агентство сформулировало так: «Умные западные политики еще в советские годы понимали, что необходима новая система безопасности в Европе»³. Это его заявление было далеко не первым. В историческом аспекте он говорил о попытках РФ создать новую европейскую систему безопасности в ходе «Российской энергетической недели» осенью 2023 года: «Россия после раз渲ала СССР предпринимала ряд шагов, чтобы создать равную систему безопасности в Европе»⁴. В ряде выступлений В. Путин далеко выходит за территориальные рамки Европы, предлагая новую систему безопасности. Так, в послании Федеральному Собранию 2024 года он, предлагая идею краха системы европейской безопасности, формулирует посыл о необходимости новой евразийской системы безопасности: «Действия США и их сателлитов фактически привели к демонтажу системы европейской безопасности. Это порождает риски для всех. Очевидно, что необходимо работать над тем, чтобы уже в обозримой перспективе формировать новый контур равной и неделимой безопасности в Евразии»⁵. Ответ-

3. Путин напомнил о необходимости новой системы безопасности в Европе. 9 февраля 2024 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240209/putin-1926302324.html>.

4. Путин рассказал о попытках создать равную систему безопасности в Европе. 11 октября 2023 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231011/putin-1902058042.html>.

5. Послание президента Федеральному собранию. 29 февраля 2024 // Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>.

ственность за разрушение мировой системы безопасности во всех случаях представители российского режима возлагают на коллективный Запад. В Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в 2021 году, страны Запада были прямо обвинены в действиях, которые привели к снижению эффективности системы глобальной безопасности⁶.

Важно отметить, что в некоторых фразах совместного российско-китайского заявления через камуфляж общих фраз проявилось искаженное и противоречащее зафиксированному в международных документах понимание прав. В той части текста совместного заявления, которая посвящена видению прав человека, сказано следующее: «Все государства должны иметь равный доступ к праву на развитие». Но права принадлежат людям, не государствам. Здесь же представители российской и китайской правящих группировок предприняли попытку «вшить» в идею прав человека ее полную противоположность — право государства.

В этом контексте будет оправданным предположение, что новую мировую систему международного сотрудничества авторы российско-китайского заявления видят без учета прав человека. Принципиально важной характеристикой нынешней глобальной системы международного сотрудничества является присутствие в ней прав человека. Хельсинкские соглашения 1975 года предусмотрели «три корзины»: безопасность, экономика и права человека,⁷ эта модель существует уже пять десятилетий. Однако сегодня мы видим попытку ее ревизии. Можно предположить, что в новой мировой системе безопасности, к созданию которой призывает РФ, прав человека как элемента этой системы не будет. Точнее, они могут быть предусмотрены в форме не работающего симулякра, содержание

6. Указ президента РФ от 2.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

7. Что такое Хельсинкские соглашения? 18 декабря 2023 // National Museum of American Diplomacy. URL: <https://diplomacy.state.gov/stories/what-are-the-helsinki-accords/>.

которого будет обосновано возможностью различных трактовок прав человека.

Попытки исключить права человека из системы международных отношений нужно публично признать и дать на этот вызов четкий многоаспектный ответ. Такой ответ, помимо прочего, может включать создание и деятельность международного механизма признания нарушения прав человека авторитарными и неототалитарными режимами, например, в формате подготовки и обнародования заключений о наличии политических мотивов уголовного/административного преследования граждан этих стран или неправового характера такого преследования. Экспертная работа с кейсами конкретных людей и обнародование результатов такой работы позволит перейти из сферы теоретических раскопок в область мотивированных обвинений режимов, виновных в нарушении прав человека. В настоящее время такая работа ведется правозащитными организациями лишь в масштабе отдельных стран, например, России (для РФ это делает правозащитный проект «Поддержка политзаключенных. Мемориал») и Беларуси (для Беларуси такую работу ведет правозащитный центр «Вясна»), и лишь в отношении людей, которые лишены свободы либо подвергаются уголовному или административному преследованию без лишения свободы. Это значительно уменьшает видимый международной общественности масштаб нарушений прав человека. Большое количество случаев политически мотивированного или неправового преследования остаются непризнанными и не публичными. Это касается, например, преследования без возбуждения уголовных дел; преследования людей, которые успели выехать за границу; преследования коллективов людей (например, в формате объявления организаций «иностранными агентами» либо «нежелательными организациями»); преследования властями граждан стран, в которых нет правозащитных организаций, проводящих экспертизу мотивов преследования. Автор убежден, что экспертизу мотивов и характера преследования необходимо выносить на международный уровень. Это будет адекватным ответом на межгосударственный характер попыток «обнулить» права человека под прикрытием защиты суверенитета.

Суверенитет является в настоящее время своеобразным фетишем российского режима. Его судьбоносное значение акцентируется в каждом публичном выступлении В. Путина. Судьбоносность суверенитета члены управляющей Российской Федерацией группировки понимают в прямом смысле этого слова, то есть экзистенциально: «Я говорил об этом уже много раз, но не грех повторяться: для такой страны, как Россия, существование без суверенитета — невозможно. Ее просто не будет, во всяком случае, в том виде, в котором она сегодня существует и в котором существовала тысячу лет»⁸. Автор не проводил специальных исследований частоты упоминаний этого термина во всех официальных документах и всех выступлениях российских должностных лиц. Но высокую частоту и ее последовательное усиление в период правления В. Путина можно констатировать и без специального исследования.

Одной из причин высокой частоты упоминаний суверенитета является то, что суверенитет воспринимается членами правящей группировки как базовая ценность, которую атакуют со всех сторон. В их понимании суверенитет РФ не является чем-то стабильным, он подвергается угрозам. Из послания В. Путина Федеральному собранию 2024 года: «Защита, укрепление суверенитета идёт сегодня по всем направлениям»⁹. Соответственно, высшие должностные лица государства обязаны регулярно напоминать о необходимости защиты суверенитета российскому обществу, и делают это.

Акцентирование собственной суверенности российским режимом не привело к уважению суверенитета других стран, что было бы логично. Рассмотрим эту проблему на основе анализа текстов концепций внешней политики РФ, принятых в постсоветский период. Эти концепции можно рассматривать как декларации целей и намерений российского государства

8. Путин: Для России главное — укрепление суверенитета. 14 декабря 2023 // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/12/14/1011026-putin-dlya-rossii-glavnoe>.

9. Послание президента Федеральному собранию. 29 февраля 2024 // Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>.

каждого нового президента и каждого срока президентских полномочий. Их изучение позволяет уверенно выявить официальную позицию РФ по отношению к суверенитету других стран в динамике.

В первой Концепции внешней политики РФ, принятой вскоре после распада СССР, зафиксирована идея о том, что страны Содружества независимых государств (СНГ) — основное направление внешней политики России, наряду с США и Европой. В этом документе (раздел «Приоритеты и принципы внешней политики») ставилась характерная для политического режима, уважающего права человека, задача сформировать принципиально новые, равноправные и взаимовыгодные отношения с участниками СНГ и другими странами ближнего зарубежья¹⁰.

Принципиально иной подход к определению роли РФ в регионе содержит Концепция внешней политики РФ от 28.06.2000 года. Этот документ был принят спустя три месяца после первого избрания В. Путина президентом РФ и содержал внешнеполитическую стратегию первого срока его полномочий. Концепция 2000 года содержит обоснование изменения внешнеполитического курса: «Не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось в Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденных распоряжением Президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 года № 284-рп, и в других документах»¹¹. Концепция внешней политики РФ 2000 года не предусматривает равноправия в отношениях с государствами постсоветского пространства. На смену идее равноправия и взаимной

10. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена распоряжением Президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // Всеобщая история государства и права. Библиотека. URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=3666>.

11. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263>.

выгоды приходит идея соответствия задачам национальной безопасности России: «Приоритетным направлением внешней политики России является обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) задачам национальной безопасности страны».

Концепция внешней политики РФ 2008 года была принята вскоре после избрания президентом РФ Д. Медведева. В этом документе значительно смягчена позиция по отношению к государствам СНГ: «Россия выстраивает дружеские отношения с каждым из государств — участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга. С государствами, проявляющими готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества»¹². Единственным возможным объяснением такого изменения курса является личностный фактор. Вероятно, президент РФ в 2008–2012 годах Д. Медведев и люди из его окружения видели роль России на постсоветском пространстве не совсем так, как ее видел В. Путин.

Концепция внешней политики РФ 2016 года говорила об особой ответственности России как в глобальном, так и в региональном масштабе: «Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне»¹³. При этом регион особой ответственности не уточнялся. То, что в этом случае регион не определен, позволяет предположить: этот регион больше, чем СНГ. С высокой вероятностью под регионом подразумевается Восточная Европа. На это указывает требование РФ в проекте Соглашения о мерах по безопасности РФ и государств-членов НАТО от 17.12.2021 г. к членам НАТО по состоянию на 27 мая 1997 г. отказаться от размещения своих вооруженных сил

12. Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 года // Сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>.

13. Указ президента РФ № 640 от 30.11.2016 года «Об утверждении Концепции внешней политики РФ» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312>.

и вооружений на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещённым на этой территории на тот момент. По состоянию на 27 мая 1997 г. в НАТО входили только государства Западной Европы. Государств Восточной Европы в то время у НАТО не было¹⁴. В Концепции 2016 года содержатся положения, которые являются прямой угрозой суверенитету других государств. Среди задач российской внешней политики была заявлена следующая: «всесторонняя эффективная защита прав и законных интересов российских граждан и проживающих за рубежом соотечественников, в том числе в различных международных форматах». Защита прав и законных интересов граждан за рубежом является общепризнанной мировой практикой. Однако, защита прав соотечественников в таком же формате уже угрожает вмешательством во внутренние дела других стран, то есть несет опасность для их суверенитета.

Концепция внешней политики РФ 2023 года была принята после начала полномасштабной агрессии против Украины и значительного роста напряженности отношений российского режима с коллективным Западом. Этот документ приписал России «исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы»¹⁵. Концепция 2023 года прямо провозгласила право РФ нарушать суверенитет других стран ради защиты своих интересов. Так, агрессия против Украины была названа следующим образом: «принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении».

Многочисленные декларации российского режима об укреплении суверенитета все сильнее входят в противоречие с реальностью. В 2024 году в международных отношениях проявился новый тренд отказа РФ в субъектности в связи

14. МИД России опубликовал проекты договоров с НАТО и США по безопасности. 17.12.2021 // Ведомости. URL: <https://tinyurl.com/2445ldbu>.

15. Концепция внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301132723?marker=6560IO>.

с системной и глубокой зависимостью от КНР и продолжением агрессии против Украины благодаря поддержке Китая. Так, в апреле 2024 года о важном изменении подхода США к российской агрессии против Украины: Соединенные Штаты будут считать Китай ответственным, если Россия добьется успехов в Украине¹⁶. Заместитель государственного секретаря США Курт Кэмпбелл заявил 09.04.2024 в интервью Национальному комитету по американо-китайским отношениям: «Мы будем рассматривать это не просто как уникальные действия России, а как объединенный комплекс действий, поддерживаемый Китаем¹⁷, а также Северной Кореей»¹⁸. Такое возложение ответственности за действия России на третью страну нужно трактовать как ясный сигнал отказа РФ в субъектности. Переговоры о прекращении войны ведутся коалицией поддержки Украины, но не с РФ, а с Китаем.

Таким образом, идея суверенитета является для российского режима своеобразным фетишем и используется им для защиты своей власти. Суверенитет в практике российского режима выполняет две основные функции. Первая — защита нарушений прав человека от надгосударственного контроля. Вторая — содействие имитации прав человека. Важнейшим условием эффективной защиты несменяемости режима является возможность бесконтрольно нарушать права человека. После теракта в «Крокус-сити» (март 2024 года) российский режим открыто практикует государственный террор, что усиливает для этого режима актуальность нарушений прав человека. Ничем не ограниченное нарушение прав человека — не единственное условие сохранения власти, важное значение имеет также имитация прав человека в законодательстве и официальных декларациях, а также имитация ряда демократических институтов, например, института выборов.

Технически идея охранительного суверенитета реализуется двумя основными способами. Первый — выход РФ из

16. URL: <https://tinyurl.com/25vo8xjy>.

17. URL: <https://tinyurl.com/2593eda2>.

18. Кропман В. США будут считать Китай ответственным за успехи РФ в Украине. 10.04.2024 // DW. URL: <https://tinyurl.com/262qa57x>.

всех механизмов надгосударственного контроля за соблюдением прав человека, которые РФ не в состоянии заблокировать. К таким механизмам относится, например, Европейский суд по правам человека. Второй — блокировка деятельности международных институтов, которые работают на основе принципа консенсуса. Так, Россией фактически заблокирована деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе¹⁹. Такое поведение РФ ставит вопрос о необходимости новых механизмов деятельности международных организаций, которые бы не предусматривали консенсусного принятия решений.

Акцентированная суверенность РФ не предполагает признания российским режимом суверенности других стран. Напротив, официальные концепции внешней политики РФ за период с начала 90-х годов XX столетия до 2023 года демонстрируют постепенный переход России от принципа равенства в отношениях с другими странами и признания их суверенности до отказа признания их суверенитета, если этого требуют «интересы РФ».

Ликвидация признаком демократии, например, всеобщих выборов, не является обязательным условием сохранения авторитарных и неототалитарных режимов. Как продемонстрировала российская практика, массовая безальтернативная государственная пропаганда при низком качестве населения способна обеспечить несменяемость политического режима в условиях формальной демократии. В то же время, соблюдение прав человека существенно ограничивает способность режима обеспечить несменяемость, особенно в условиях перехода к государственному террору, и в этом смысле международно признанные права человека опасны для тоталитарных и неототалитарных режимов.

Права человека как сформированный цельный концепт подвергаются системной ревизии группой авторитарных

19. Chairman-in-Office and Secretary General expressed regret that no consensus reached on extension of mandate of Special Monitoring Mission to Ukraine. 31 March 2022 // OSCE. URL: <https://www.osce.org/chairpersonship/514958>; Россия заблокировала повестку заседания форума ОБСЕ по гуманитарному праву. 7 февраля 2024 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/19922051>.

и неототалитарных режимов под лозунгом «учета особенностей каждого общества и уважения национального выбора». Эта попытка чрезвычайно опасна в связи с перспективой пересмотра системы международного сотрудничества. Данная система была подорвана в первую очередь действиями коалиции режимов, проповедующих концепцию «многополярного мира», и эти же режимы декларируют необходимость новой системы международного сотрудничества.

Можно уверенно прогнозировать одну важную характеристику этой системы: в ней не будет «корзины прав человека», либо же нынешний комплекс прав человека будет заменен симулякрами. Принципиально важной характеристикой нынешней глобальной системы международного сотрудничества является присутствие в ней достаточно четко определенных прав человека. Хельсинкские соглашения 1975 года предусматрели «три корзины»: безопасность, экономика и права человека. Данная модель существует уже половину столетия, но в настоящее время коалиция «многополярников» фактически предлагает ограничиться сотрудничеством лишь в сферах безопасности и экономики. Этот вызов необходимо публично диагностировать и дать на него четкий системный ответ. Такой ответ, помимо прочего, может включать создание и деятельность международного механизма признания нарушения прав человека авторитарными и неототалитарными режимами, например, в формате подготовки и обнародования заключений о наличии политических мотивов уголовного/административного преследования людей или неправового характера такого преследования.

Декларации российского режима об укреплении суверенитета выглядят крайне неубедительно на фоне постепенной утраты Россией субъектности в международных отношениях. С этого года автор констатирует новый тренд отказа России в субъектности в связи с системной, глубокой и усиливающейся зависимостью от Китая. Так, по мнению ряда высших должностных лиц США, КНР несет ответственность за продолжение агрессии против Украины. Переговоры о прекращении войны, начатой Россией, фактически ведутся без участия РФ. Картина мира, которую старательно выстраивает российский

режим для общественного мнения РФ, радикально отличается от реальности.

The Idea of Protective Sovereignty in Contemporary Russian Practice

Mikhail Savva

Head of the Expert Group «Sova» (Ukraine), Doctor of Political Science, Professor of the Free University (Brīvā Universitāte, Latvia). egroupsova@gmail.com

Abstract. The text examines the Russian government's changing position on recognizing the sovereignty of other countries: from recognizing sovereignty to denying it in the name of «Russian interests». The article also analyzes the danger that the authoritarian regimes of Russia and China pose to human rights and the international system of cooperation.

Keywords: Russian regime, sovereignty, foreign policy, democracy, authoritarianism, totalitarianism, human rights, international cooperation, multilateralism, global system, Helsinki agreements, China, Ukraine, aggression, propaganda, public opinion.

DOI: [10.55167/02b064f77bda](https://doi.org/10.55167/02b064f77bda)

Риторика и практика «суверенитета» в контексте российско-африканских отношений

Константин Пахалюк

Аннотация. Развитие России в 2000-х и 2010-х годах характеризовалось усилением авторитаризма и консервативного поворота, что сопровождалось акцентом на суверенитет и патриотизм. В статье рассматривается внешняя политика России в Африке, которая предлагает военную помощь и экономические выгоды в обмен на активную политическую поддержку авторитарных режимов. В условиях изоляции от Запада Россия продолжает искать партнеров в Африке, используя модель «военно-политического предпринимательства» для укрепления своего влияния.

Ключевые слова: Россия, авторитаризм, суверенитет, патриотизм, внешняя политика, Африка, военная помощь, экономические выгоды, военно-политическое предпринимательство.

Введение

Вряд ли имеет смысл рассматривать все развитие России 2000–2010-х гг. исключительно как прямолинейную подготовку к имперскому реваншу, однако сложно не заметить такие векторы, задаваемые политическим центром, как сворачивание демократических реформ, изгнание публичности из пространства политического взаимодействия и развитие новых форм авторитаризма¹. Они сопровождались нарастающей идеологизацией политической риторики, которая прошла путь от игры с отдельными образами и символами (2000-е) к «консервативному повороту» (2010-е). Последний предполагал политизацию вопросов истории, культуры и религии (защита некоей вневременной коллективной идентичности) при деполитизации социально-экономической повестки². Так, постепенно,

1. Гельман В. Авторитарная Россия. М., 2021.

2. Бызов Л. Г. Консервативный тренд в современном российском обществе — истоки, содержание и перспективы // Общественные

образы истории становились ключевым ценностным языком российской власти³. Ранее, разбирая выступления Путина на исторические темы (на материалах 2012–2018 гг.), я доказывал, что в основе его исторического воображения лежит образ государства, а главная добродетель — служение ему⁴. Неудивительно, что в 2010-е гг. Путин стал называть патриотизм национальной идеей. Как показал анализ методологической литературы по патриотическому воспитанию этого времени, в значительной степени оно подменялось изучением истории, а идеал патриотического служения выхолащивался до покорности власти и действующим элитам⁵. Связь между косной, клишированной риторикой российских политиков и отдельными направлениями деятельности государства «на местах» представляется довольно глубокой.

В этой статье я предлагаю ограничиться понятием «сувениритета», обратив внимание не столько на его смысловое наполнение в политическом дискурсе, сколько на сцепку между его воображением и конкретной внешнеполитической практикой. Для детального анализа я беру российско-африканские отношения, которые на протяжении 2000–2010-х гг. были второстепенным вопросом для российского государства, однако именно здесь можно наблюдать наступательный характер действий с конца 2010-х гг., который уже после полномасштабной агрессии против Украины стал представляться россиянам в качестве «лидерства в антиколониальной борьбе». В частности, я предлагаю сосредоточиться не на всем спектре отношений, а конкретно на практике поддержки отдельных диктаторских

науки и современность. 2015. № 4. С. 26–30; *Будрайтскис И.* Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. М., 2020.

3. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика действующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

4. Пахалюк К. А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012–2018 гг. // Полития. 2018. № 4. С. 6–31.

5. Пахалюк К. А. Обращение к истории в контексте теоретико-методологических дискуссий о патриотическом воспитании // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Вып. 2 / Под ред. К. А. Пахалюка. М., СПб: Нестор-История, 2019. С. 172–195.

режимов под риторикой защиты государственного суверенитета от внешнего вмешательства.

Смыслоное поле понятия «суверенитет» в политическом дискурсе

Для понимания трансформации значимости и смысловых контекстов понятия «суверенитет» предлагаю обратиться к текстам президентских посланий Федеральному Собранию. В них федеральная бюрократия ежегодно обобщала, а президент озвучивал публичные приоритеты государственной политики.

Не без удивления мы обнаружим, что для первых двух сроков Путина понятие «суверенитет» не представляло большой значимости. В 2000 г. оно появлялось в контексте внешней политики в рамках двух сюжетов: международного давления на суверенные права государств («<...> и попытки ущемления суверенных прав государств под видом „гуманитарных операций“ или, как модно сейчас говорить, „гуманитарных интервенций“) и внешних угроз («в условиях нового для нас типа внешней агрессии — международного терроризма и прямой попытки перенести эту угрозу внутрь страны — Россия столкнулась с системным вызовом государственному суверенитету и территориальной целостности»). Тогда же в качестве скрепляющей государство ценности был назван патриотизм, в одном ряду с культурой и памятью: «Единство России скрепляют присущий нашему народу патриотизм, культурные традиции, общая историческая память»⁶.

В посланиях 2001–2004 гг. ни «суверенитет», ни «патриотизм» не использовались. В 2005 г. Путин вернулся к теме суверенитета, увязав его с государственной состоятельностью и опорой на некие собственные ценности: сначала он говорил о том, что после развала советской системы «в те непростые годы народу России предстояло одновременно отстоять государственный суверенитет и безошибочно выбрать новый вектор в развитии своей тысячелетней истории», а затем

6. Послание Президента Российской Федерации от 08.07.2000 г. // Президент России. 08.07.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22401>.

уточнил: «Именно наши ценности определяют и наше стремление к росту государственной самостоятельности России, укреплению ее суверенитета»⁷. В следующие годы послания Путина не стали более «суверенными» и «патриотичными», хотя в 2006 г. он и призывал уделить внимание системе военно-патриотического воспитания молодежи⁸, а в следующем году в канцелярском духе рассуждал, что искусство укрепляет «начала патриотизма»⁹.

Понятие суверенитета также отсутствовало в посланиях Д. Медведева, хотя в 2008 г. он и обронил, что принципы Конституции незыблемы, а среди них назвал «суверенитет народа»¹⁰. Чаще он обращался к «патриотизму», который то определялся как «вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре» (2008), то всплывал в окружении таких ценностей, как «воинская честь» и «высокая нравственность» (2009)¹¹, то воспитывался у молодежи и был как-то связан с военной сферой (2010)¹².

Перелом в риторике наступил после протестов 2011–2012 гг., что соответствует началу «консервативного поворота». Уже в 2012 г. Путин определил: «В мире XXI века на фоне новой

7. Послание Президента Российской Федерации от 25.04.2005 г.

б/н // Президент России. 25.04.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>.

8. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. 10.05.2006. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>.

9. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. 26.04.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24203>.

10. Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации: 2008 год // Интелрос. URL: <https://tinyurl.com/29mdtyzs>.

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 «Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93657.

12. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 30.11.2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/9637>.

расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной <...> Единство, целостность и суверенитет России безусловны». Под суверенитетом он понимал одновременно опору на собственные ресурсы и геополитическую востребованность (в экономике, культуре, науке, образовании, дипломатии и военной мощи)¹⁵. В 2013 г. он акцентировал необходимость международного уважения к «национальному суверенитету»¹⁴, а в 2014 г., после аннексии Крыма, подчеркивал, что суверенитет — основа выживания страны (эта же мысль повторялась в 2019 г.)¹⁵. Теперь он напрямую связан с сильным государством и сплоченной нацией («В этом году мы вместе прошли через испытания, которые по плечу только зрелой, сплочённой нации, по-настоящему суверенному и сильному государству») и является основой международной повестки страны («сохранение национальной самобытности и государственного суверенитета всех стран-участниц» как цель Евразийского экономического союза)¹⁶.

В 2016 г. суверенитет упоминался как то, что Россия защищает наравне с национальными интересами и независимым курсом от внешних угроз¹⁷. В 2018 г. — как то, что утрачивается

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990.

14. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 12.12.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>.

15. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>.

16. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 04.12.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>.

17. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 01.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.

при технологическом отставании¹⁸. В 2020 г., объявляя о «реформе» Конституции, Путин опять взывал к суверенитету: здесь это выступало не только залогом существования государства, но и параметром, который отделяет Россию от остального мира: «Мы должны создать систему прочную, надёжную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества»¹⁹.

В этих же посланиях схожим образом получило развитие понятие патриотизма. Это и «консолидирующая база нашей политики», и «любовь к истории», и «служение обществу и стране» (2012). Призывы быть патриотичными обращены к бизнесу (2012) и всем политическим силам (2020), а патриотизм связан с нравственностью и моралью (2013), выступает одной из базовых консервативных ценностей наряду с историей, культурой и традицией (2014), является основой консолидации граждан (2016).

Безусловно, тексты Посланий Федеральному Собранию не являются единственными, где Путин говорит о «суверенитете» и «патриотизме». Однако проведенный выше анализ позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, значимость этих понятий стала нарастать в 2010-е гг. Безусловно, они использовались и во время первых двух сроков, к тому же на этот период, 2006 год, приходится вброс в информационное поле В. Ю. Сурковым понятия «суверенная демократия», которое вызвало дискуссию и подозрения в попытках сформулировать национальную идеологию. Сам Путин отнесся довольно прохладно к этой формуле, однако показательно, что центральное

18. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

19. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 15.01.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582>.

место в рассуждениях Суркова как раз и занимали вопросы избавления от «внешнего влияния» и предотвращение размывания ценностей²⁰.

Во-вторых, суверенитет воображается преимущественно в трех смысловых контекстах: защита от внешнего влияния, военная безопасность и опора на некие трансцендентные культурные ценности, превращающие жителей России в некую нацию.

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное: суверенитет — это безусловный атрибут именно государства, он распространяется на граждан только в том случае, если они сами участвуют в его работе (через патриотическое служение). Это лишний раз подтверждает выводы тех наблюдателей за уже текущей медийной риторикой, которые утверждают, что суверенитет в России — это эвфемизм самовластия элит²¹.

Добавим, что такое восприятие суверенитета присуще тем интеллектуалам, которые наследуют школе «политического реализма» в международных отношениях, утверждающей, что центральная роль на мировой арене отведена суверенному государству. Безусловно, речь не идет просто об изучении межгосударственного взаимодействия или дискуссиях о месте государств в условиях глобализации. Напротив, проблема возникает в тех случаях, когда такое *фактическое* утверждение о положении на мировой площадке превращается в *моральное* требование отстаивать суверенитет любым способом, усматривая чуть ли не в любом внешнем влиянии нечто негативное. Например, еще в середине 1990-х гг. А. А. Кокошин (в 1998 г. он занимал должность секретаря Совета безопасности РФ) выдвинул понятие «реального суверенитета», развив его в ряде других публикаций. Он понимал под ним высокий уровень экономической самодостаточности и военную мощь, которые в условиях глобализации и «десуверенизации» позволяли бы государству проводить любую политику по своему усмотрению. По его словам, лишь немногие страны способны даже

20. См.: Пляис Я. «Суверенная демократия» — новый концепт партии власти // Власть. 2008. № 4. С. 24–32.

21. См.: Буллер А. Мораль и язык тоталитаризма. Мюнстер, 2023.

в теории достичь этого, но Россия должна стремиться к «реальному суверенитету»²².

Безусловно, даже в рамках «политического реализма» суверенитет мог бы быть осмыслен прежде всего как вопрос состоятельности государственных органов в выполнении возложенных на них функций, как это например, сделали в середине 2000-х гг. исследователи из МГИМО под руководством А. Ю. Мельвиля, предложив индекс государственности для классификации политических режимов²³. Однако, к сожалению, за пределами довольно узкого круга ученых-международников, стремящихся стать участниками международных дискуссий по вопросам мировой политики, количественно в различных журналах и СМИ доминировали представители российской «второй академии» (в терминологии Е. Гаповой)²⁴. Они отмечали сложные постановки вопросов о глобальном порядке как «западные веяния», противопоставляя им простые формулы — «Запад vs Россия», цивилизационный подход различного рода и разномастные антинаучные геополитические теории. Довольно быстрое внедрение журналистского штампа «цветная революция» в академическую среду может рассматриваться в качестве наиболее яркого примера интеллектуальной деградации. Если зайти (я это сделал в начале апреля 2024 г.) в «Научную электронную библиотеку» (elibrary.ru), задать поиск «Россия, суверенитет» по журнальным статьям и ранжировать их по цитируемым, то в первой сотне как раз и окажутся представители этого сегмента российской академии. Они сводят суверенитет к самобытности или избавлению от плохо зафиксированного внешнего влияния, а также пытающиеся примерить это уже не понятие, а просто слово к совершенно разным сферам, как «ценостное основание

22. Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006.

23. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007.

24. См.: Гапова Е. Классы наций: феминистская критика нациостроительства. М., 2016.

суверенитета», «информационный суверенитет», «духовная безопасность» и пр. К сожалению, даже некоторые известные ученые не избежали такого искушения.

Конечно, речь не идет о том, что это было состоянием всей российской международной мысли, однако эта сцепка между политической риторикой и готовностью значительного количества представителей академического мира следовать конъюнктуре является значимой.

Политическое позиционирование на африканском континенте: от защиты суверенитета к защите диктаторов

Постепенное возвращение России на африканский континент началось с середины 1990-х гг., по мере восстановления экономики и проведения более сбалансированной внешней политики. Этот поворот обозначился еще при Андрее Козыреве, однако стал символом нового министра иностранных дел, консерватора Евгения Примакова (1996–1999) и его преемников. В эти примерно двадцать пять лет тремя столпами экономических отношений между Россией и Африкой являлись: поставки вооружения, проникновение крупных сырьевых компаний и долги африканских стран, сохранившиеся с советских времен. Во второй половине 2010-х гг. появилась четвертая основа — экспорт агропродукции (прежде всего, пшеницы). Государство стремилось выступать в качестве медиатора комплексных сделок, когда списанные долги и/или поставляемое вооружение обменивались на доступ российского бизнеса (государственного или патронируемого к ним) к сырьевым ресурсам — нефтегазовые месторождения, драгоценные камни, бокситы, марганец и пр. В отличие от США и Китая, Россия искала не обеспечения критически значимых для себя поставок, а расширения ресурсной базы для усиления позиций на глобальных рынках. Списание долгов в общей сложности на сумму более 140 млрд долл. превратилось еще и в имиджевую стратегию как на континенте, так и на Западе в целом, поскольку формально представлялось как выполнение обязательств после присоединения к Парижскому клубу в 1997 г.

Учитывая периферийный характер Африки в российской внешней политике и географическую удаленность, выбранную стратегию можно признать эффективной. Динамика взаимной торговли свидетельствовала о росте экономических взаимосвязей за счет рыночных механизмов, а не поставок субсидированных товаров как в советское время. В 2000 г. общие объемы составили 1,6 млрд долл., в 2005 г. — 3,5 млрд долл., в 2013 г. — около 9 млрд., а в 2018 г. — уже 20 млрд²⁵, правда, все это составляло лишь 1–2% внешнеторгового оборота России. Значительное превышение российского экспорта над импортом в торговом балансе с большинством африканских стран указывало на слабую заинтересованность России в африканской продукции²⁶. Постепенно росло количество африканских студентов в российских вузах: с 4,5 тыс. в 2007 г. до 8 тыс. в 2013 г., 17 тыс. в 2018 г. (к началу 2023 г. их число выросло до 27 тыс.)²⁷. Однако для сравнения, в том же 2018 г. в США только из стран суб-Сахары обучилось 40,2 тыс. студентов. К концу 2010-х гг. Россия стала крупнейшим поставщиком оружия на континент, вернув позиции Советского Союза. Наиболее тесные экономические отношения сложились со странами севера континента (Алжир, Египет, отчасти Ливия и Марокко) и с ЮАР²⁸.

Модель сотрудничества через реализацию интересов крупных государственных компаний дополнялась соответствующим политическим позиционированием России вокруг идеи государственного суверенитета. Эта риторика эволюционировала от осуждения практик одностороннего вооруженного вмешательства (середина 1990-х — начало 2010-х гг.) к более последовательной поддержке диктаторских режимов

25. Лопатов В. В. Российский бизнес в Африке: новые тенденции и перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 5. С. 3–11.
26. Кузнецов А. Торговля России с Африкой. Новые явления в условиях «войны санкций» // Международные процессы. 2018. № 4.
27. Шпак М. Россия — Африка: достижения и перспективы сотрудничества в сфере образования // Российский совет по международным делам. 2023. 5 апр. URL: <https://tinyurl.com/2blq9qyq>.
28. См. также: Россия в Африке. От новых сфер сотрудничества к новому имиджу / Под ред. И. Д. Лошарева. М., 2024.

и защите их права подавлять любые протесты. Перед нами проекция вектора внутрироссийского властного дискурса: если в 2000-е гг. власти были обеспокоены территориальной целостностью, построением «вертикали власти» и «сouverенной демократии», то в 2010-е гг. центр внимания сместился в сторону пресечения любой протестной активности и стигматизации контактов общественных и политических объединений с зарубежными партнерами.

Характер российско-африканских экономических отношений вел к тому, что внешняя политика России практически полностью поглощалась дипломатией. Потому и ее позиционирование на континенте было ориентировано на относительно узкий круг президентов, премьеров и военных лидеров. Это объясняет, почему российские политические круги игнорировали опросы общественного мнения, свидетельствующие о невысоком уровне доверия к действиям России: зачем тратить итак ограниченные ресурсы на то, что напрямую не способствует выбранной стратегии?

Выбранная модель позиционирования нарастила постепенно. Уже во второй половине 1990-х гг. мы видим первые причины критики одностороннего подхода (*unilateralism*) в американской внешней политике и, в частности, практику применения силы без санкций со стороны Совбеза ООН. В 1996 г. Россия воздержалась от незначительных дипломатических санкций Совбеза ООН против Судана за укрывательство террористов. В 1998 г. она выступила против удара США по фармацевтическому заводу в Хартуме (Судан), где якобы производилось химическое оружие для аль-Каиды и точно создавалось $1/3$ местных медицинских товаров²⁹. Это шло на фоне развития торговли вооружением с правительством президента Омара аль-Башира: по данным СИПРИ, в 1997–2018 гг. Россия получила $1/2$ всех суданских заказов в стоимостном выражении примерно на 1 млрд долларов, правда, в общем экспорте во-

29. Niblock T. Pariah States' and sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. London, 2001. P. 204–207.

оружения Судан занимал скромные 0,6%. В основном поставки включали авиацию и отчасти бронетехнику³⁰.

В начале 2000-х гг. такая риторика скорее звучала как критика издержек американской внешней политики, нежели однозначное противопоставление себя ей. Наоборот, Россия демонстрировала желание действовать в Африке через международные институты. Так, списание долгов африканским странам шло под эгидой участия в Парижском клубе. Определенные средства помочи в развитии направлялись через структуры ООН. Россия нарастила участие в международных миротворческих миссиях под эгидой ООН, на рубеже 1990–2000-х гг. направив своих солдат в Западную Сахару, Сьерра-Лионе, Эфиопию, Эритрею, Кот-д'Ивуар и Либерию. К 2007 г. общее количество солдат составило всего 230 человек³¹. В 2009–2011 гг. несколько российских военных кораблей участвовали в международной операции под эгидой США против пиратов у берегов Сомали. Одновременно Россия участвовала в программе G8 «Новое партнерство для африканского развития», выстраивала отношение с региональными структурами (ЭКО-ВАС, ИДАГ, Южноафриканское сообщество развитие и пр.).

Постепенно риторика невмешательства превратилась в отчетливую политическую линию, когда, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Россия все чаще блокировала санкции и другие резолюции против авторитарных лидеров, особенно если считала таковые вмешательством международного сообщества во внутренние дела. В частности, постоянная защита президента Судана объяснялась стратегическими экономическими интересами, а в других случаях политическая поддержка африканским режимам скорее становилась отправной точкой для лоббирования своих интересов. Эта линия впервые проявилась осенью 2008 г., после войны с Грузией, вызвавшей первый раскол между Россией и Западом. Тогда Россия заблокировала санкции против Зимбабве, где победа на

30. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult>.

31. *Ramani S. Russia in Africa: resurgent great power or bellicose pretend?* London, 2023. P. 56.

выборах президента Роберта Мугабе обернулась подавлением общественных беспорядков.

Правда, Россия все же опасалась использовать этот инструмент в полную силу, предпочитая двойную игру: не мешать Западу на площадке ООН, но активно критиковать его, играя на антизападных настроениях. Так, в начале 2011 г. она поддержала резолюцию Совбеза ООН по ситуации в Кот-Д'Ивуаре, где разразилась гражданская война, потому что проигравший выборы президент отказался уходить в отставку. Однако военная интервенция Франции в поддержку оппозиции получила со стороны России негативную оценку. Спустя несколько месяцев Россия воздержалась от голосования за резолюцию Совбеза ООН по Ливии, тем самым не став препятствовать действиям США и Франции против режима Каддафи, что, впрочем, не мешало Москве публично критиковать действия Запада.

После аннексии Крыма в марте 2014 г. и политического раскола с Западом линия на поддержку автократий усилилась. Российская стратегия на африканском направлении оказалась достаточно эффективна, чтобы этот кризис был фактически проигнорирован континентом. Даже на площадке Генассамблеи ООН многие российские партнеры воздержались при голосовании по крымской резолюции, а Зимбабве и Судан выступили против.

В дальнейшем Россия стала активнее использовать дипломатическую поддержку африканских партнеров как инструмент продвижения интересов. В мае 2014 г. Россия заблокировала санкции против Южного Судана в обмен на покупку им российских вооружений. В 2018 г. российская госкомпания «Зарубежнефть» подписала меморандум о взаимопонимании с министерством нефти этой страны, в надежде получить доступ к месторождениям, однако за последующие 5 лет видимых результатов этого действия не было обнаружено³². В 2015 г. Россия выступила против подготовленной Францией резолюции по Бурунди, где местный диктатор Пьер Нкурунзиза жестоко подавлял протестующих, правда, весомых выгод

32. URL: <https://ru.investing.com/news/commodities-news/article-577710>

не получила. В 2017 г. в Совбезе ООН Россия оказала поддержку Эритре, выступив против обвинений в поддержке террористов из группировки аль-Шабааб в Сомали.

В качестве примера, где экономические связи спустя несколько десятилетий потянули за собой политическое сближение, стоит привести Гвинею. С 2001 г. здесь работает металлургический гигант «Русал» (владелец — олигарх Олег Дерипаска), который занимается добычей бокситов в Гвинее, в месторождении Диан-Диан, где сосредоточено около четверти мировых запасов этой руды. В 2010 г. месторождение золота получила «Нордголд», инвестировав в него в течение десятилетия 1 млрд долл.³³ В целом российские компании сыграли важную роль в развитии добывающей промышленности Гвинеи. В 2020 г. бокситы и золото составили 88% экспорта страны и 97% экспортных доходов³⁴.

Контроль над ключевыми ресурсами Гвинеи привел к усилению военно-экономических связей с Россией в 2018 г. Тогда же она стала воздерживаться от критики в ООН действий России в Украине и непризнанных республиках Грузии. В обмен президент Альфа Конде искал помощи Москвы в поддержке его переизбрания на третий срок, что он и сделал в 2020 г., переписав конституцию. Однако это не уберегло его от военного переворота и свержения в 2021 г. Страна автоматически попала под санкции ЭКОВАС (Экономическое сообщество стран Западной Африки), который в случае военных переворотов принуждает военных лидеров провести общенациональные выборы. Гвинейская хунта во главе с полковником Мамади Думбяя согласилась на переходный период. И если в соседнем Мали в этом же году власть окончательно захватил полковник Ассими Гойта и переориентировался на связи с Россией (видя в ней партнера по борьбе с угрозой исламизма), то гвинейские военные относились к Москве прохладно. В феврале 2024 г. ЭКОВАС снял санкции против Гвинеи, а военные подтвердили готовность провести в декабре национальные выборы. В конце

33. Ramani S. Op. cit. P. 201.

34. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/guinea-market-overview>.

февраля Мамади Думбуя распустил правительство, после чего российский посол выступил с заявлением, что это угрожает волнениями в столице. В ответ Думбуя потребовал от него публичных извинений и не вмешиваться во внутренние дела³⁵.

Ситуативная дружба с диктаторами в Зимбабве и Уганда

Более показательными примерами являются отношения с двумя очень специфичными режимами — Роберта Мугабе в Зимбабве и Йовери Мусевени в Уганда. В обоих случаях определенный уровень экономических отношений предшествовал тому моменту, когда диктаторы заручались в нужный момент покровительством из Москвы или сами демонстрировали политическую лояльность. Последующее сближение получало отклик в российской провластной печати: она создавала иллюзию развивающегося партнерства, хотя на практике найти взаимовыгодные точки соприкосновения было сложно.

С 1986 г. Уганда находится под властью президента Йовери Мусевени. Его левый революционный популизм достаточно быстро эволюционировал в традиционный авторитаризм, приправленный идеями мессианства и народного популизма. Внешняя политика во многом ограничивалась африканским регионом с активной военной поддержкой или даже интервенциями в соседние страны (ДР Конго, Судан, Сомали)³⁶. Политические репрессии внутри страны сделали его объектом критики стран Запада, что лишь толкнуло режим к более тесному сотрудничеству с Китаем, а теперь уже и с Россией.

Первые попытки выстроить отношения с Россией Мусевени предпринял в конце 2000-х гг., однако перелом наступил только спустя десять лет. В 2016 г. российское министерство иностранных дел выступило с поддержкой в его адрес после очередной победы на выборах, попавших под критику Запада. Проекты строительства АЭС и нефтеперерабатывающего за-

35. Russia angers Guinea's junta after government dissolved // BBC. 2024, Feb. 23. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-68374358>.

36. Mawa M., Asiimwe S., Abaho A. Leadership, Context, and Populist Foreign Policy in East Africa: An Analysis of Uganda and Rwanda. URL: <https://tinyurl.com/2dkytwm3>.

вода тогда обсуждались в СМИ и на политическом уровне, но так и не превратились в реальность. Все ограничилось небольшим ростом торговых отношений (взаимные поставки агропродукции и российский экспорт вооружения) и скромными благотворительными жестами России: в 2019–2020 гг. через структуры ООН она пожертвовала стране 54 грузовика и 3 млн доллара на борьбу с засухой³⁷.

После начала полномасштабной агрессии против Украины Мусевени решил стать получателем выгоды от изоляции России. По данным СМИ, в 2023 г. Уганда продолжила военные закупки (вертолетов и ракетных систем)³⁸, а одна из целей сотрудничества заключалась в том, чтобы превратить страну в главный африканский центр по ремонту и обслуживанию советской/российской авиатехники³⁹. К этому добавилось сотрудничество и в гуманитарной сфере. Так, российский пропагандистский канал «Russia Today» выкупил эфирное время у одного из основных телеканалов страны. В 2023 г. Россия открыла центр русского языка в Университете Макарере, а также обеспечила финансирование для обучения в России 50 студентов и 218 временных стажировок⁴⁰.

Другим российским союзником такого рода стала Зимбабве. Обратим внимание, что еще в 1990-е гг. государственная «Алроса» закрепилась в этой стране: через российско-зимбабвийскую компанию «DTZ-OZGEO» (зарегистрирована в 1994 г.) она занялась добычей алмазов. И хотя Россия выступила защитницей политического режима Зимбабве осенью 2008 г., почти четыре года ушло на поиск новых экономических основ сотрудничества. В 2012 г. Москва и Хараре договорились, что в обмен на поставки вертолетов Россия получит доступ к одному из крупнейших в мире месторождений платины «Дар-

37. URL: www.newvision.co.ug/category/news/uganda-is-one-of-our-closest-allies-says-russ-NV_134157.

38. URL: www.newvision.co.ug/category/blogs/why-russias-activity-in-africa-infuriates-the-NV_165928.

39. URL: <https://tinyurl.com/2bgr5jgq>.

40. URL: www.newvision.co.ug/category/news/russia-africa-summit-to-widen-opportunities-f-NV_165117.

вендал» (Darwendale). В конце года стороны даже подписали соглашение о взаимной защите инвестиций. С российской стороны участниками проекта выступала «Vi Houlding» Сергея Машицкого и государственная компания «Ростех» (под управлением близкого к Путину чиновника Сергея Чемезова). Однако дальнейшие переговоры затянулись, как и ратификация соглашения о защите инвестиций. Более того, проблемы с добычей алмазов начались и у «DTZ-OZGEO», которая подпала под действие нового закона, запрещающего добычу в 30 м от рек⁴¹. Вероятно, изначально Россия делала большую ставку на отношения с Зимбабве, поскольку в 2012 г. российская «Роснефть» (ее тогда только что возглавил один из наиболее влиятельных политиков того времени Игорь Сечин) заявила о готовности построить нефтепровод из Мозамбика до Зимбабве (через Замбию и Ботсвану)⁴², однако планы так и остались на бумаге.

В 2014 г. Зимбабве выступила одной из немногих стран, которая проголосовала против резолюции Генеральной ассамблеи ООН, осуждавшей оккупацию Крыма. Этот демонстративный жест был оценен в Москве, однако вылился скорее лишь в символические жесты российской дипломатии и сладострастные репортажи о Зимбабве у российских СМИ. Среди позитивных изменений мы можем найти только рост торгового оборота к 2021 г. в два раза, пусть и до скромных 43 млн долл.⁴³ Примечательно, что Зимбабве пополнила список исключений, когда Россия закупает у африканской страны больше, нежели продает. Так, 2/3 торгового оборота пришлись на поставки в Россию кофе, табака и других сельскохозяйственных продуктов. При этом боевые вертолеты превратились в санитарные:

41. Kachur D. Russia's Resurgence in Africa: Zimbabwe and Mozambique. Special report. South African Institute of International Affairs, 2020. P. 23–40.

42. URL: www.gazeta.ru/business/2012/10/11/4808925.shtml.

43. URL: www.zimbabwe.mid.ru/ru/bilateral_relations/russia_zimbabwe.

первые два однодвигательных *Airbus Helicopters H125* прибыли в 2015 г.⁴⁴

Сложнее оказалось с крупными инвестиционными проектами. В 2014 г. «DTZ-OZGEO» возобновила добычу алмазов, однако в 2017 г. была фактически национализирована, вернее, под давлением правительства продана за 5,8 млн долл. новой единой государственной компании по добычи алмазов. Тяжело шли переговоры и по поводу месторождения платины. В 2018 г. после бескровного переворота к власти пришел президент Эммерсон Мнангагва, с которым Россия выстроила отношения, а российские политехнологи, связанные с Евгением Пригожиным, способствовали его победе на выборах. В обмен Зимбабве разрешила «Алросе» начать разведку алмазов⁴⁵, а также наконец подписала договор о разработке «Дарвендал». К лету 2023 г. «Алроса» инвестировала 15 млн долларов, однако, пока без видимых успехов⁴⁶. Не было их на крупнейшем в мире месторождении платины. Лучше выглядит здесь «Ростех», который сумел: в сентябре 2022 г. компания отчиталась о поставке первого легкого вертолета «Ансант», весной 2023 г. прибыла партия из еще 18 вертолетов, а всего их должно быть поставлено 32⁴⁷.

Военно-политическое предпринимательство (с 2018 г.)

Качественное изменение российской политики в Африке произошло на рубеже 2010–2020-х гг., когда модель «крупный бизнес под патронатом государства» дополнилась другой — «военно-политическое предпринимательство». Она стала наиболее заметной частью общей внешнеполитической стратегии, построенной на представлении: если наращивать силовой по-

44. URL: www.ato.ru/content/vertolety-airbus-helicopters-h125-dlya-voennyyh-poyavilis-v-primore.

45. *Marten K. Russia's Back in Africa: Is the Cold War Returning?* // The Washington Quarterly. 2019. Vol. 42. № 4. P. 159.

46. URL: www.tass.ru/ekonomika/18415081.

47. URL: www.zimlive.com/zimbabwe-buys-32-russian-choppers-for-inflated-us320-million; <http://www.ato.ru/content/v-zimbabwe-postavleno-18-vertoletov-ansat>.

тенциал, не избегать конфронтации и более серьезно участвовать в некоторых конфликтах, то это приведет к росту внешнеполитического влияния и усилению переговорных позиций по значимым для России вопросам.

К 2017 г. в союзе с Ираном она спасла режима Б. Асада в Сирии, тем самым став одним из «силовых брокеров» на Ближнем Востоке и получив возможность двинуться дальше на юг. Здесь свою роль сыграл политический контекст. В частности, президент США Д. Трамп (2017–2021) сосредоточил внимание на «китайской угрозе», полагая, что активизация России в Африке не нанесет серьезного ущерба американским интересам. А появление Москвы в качестве «силового брокера» в Ливии в 2017–2018 гг. изначально благосклонно видели в Египте, где опасались роста исламизма.

На руку России сыграли общие африканские тенденции. Прежде всего, низкий уровень политической стабильности и возросшее в последнее время количество военных переворотов. По подсчетам Дж. Пауэла и К. Тина, в 1960–1990-е гг. в среднем происходило около 40 удачных переворотов в Африке, в 2000-е — 22, в 2010-е — 17, однако этот нисходящий тренд изменился в 2020-е гг., когда только за первые три года произошло 17 переворотов, большинство пришлось на бывшие французские колонии⁴⁸.

Вторая тенденция — после поражения Исламского государства на Ближнем Востоке в середине 2010-х гг. именно сюда сместился центр радикального исламизма: наибольшая напряженность — район Сахель и восточная Африка. Более того, к 2018 г. очевидными стали кризис *Francafrique* и неспособность Франции одержать решительную победу над исламизмом в западной Африке, что способствовало росту антифранцузских настроений в регионе. Президент Эммануэль Макрон (с 2017 г.) решил перестроить формат отношений, сделав ставку на антиколониальную риторику, а также продвижение бизнес-интересов и взаимодействий по линии гражданского общества. В долгосрочной перспективе это означало ослабление военной вовлеченности и снижение

48. Here is looking at coup, kid // The Economist. 2023. Sept. 2–8. P. 27.

сопутствующих издержек. Поэтому в 2017 г. в ЦАР, в 2021 г. в Мали и в 2022 г. в Буркина-Фасо российские войска приходили на смену французским, ускоряя их выход.

Риторически продвижение «военно-политическая модель» прикрывается набором идей, сочетающих в себе такие элементы, как антизападничество, антиисламизм (при невнимании к фундаментальным различиям между политическим исламом и исламским радикализмом), антиколониализм и культ национального суверенитета. Последнее в данном случае предполагает всевластие диктаторов или военных лидеров.

Предпочтение было отдано неформальным механизмам, где центральное место принадлежало близкому к Владимиру Путину олигарху Евгению Пригожину. Его главный актив — частная военная корпорация «Вагнер». Она сформировалась в 2014 г. во время боев на Донбассе (Украине), а потом вместе с российскими войсками воевала в Сирии. Это не первая известная российская ЧВК, однако ее предшественники («Анти-террор — Орел», «Moran Security Group», «Славянский корпус», «Longifolia», «Zeitplus Consultancy Services») занимались оказанием «классических» для таких компаний услуг: охрана торговых кораблей против пиратов, обеспечение безопасности нефтяных месторождений в Сирии и, возможно, в Ираке⁴⁹. Евгений Пригожин пошел намного дальше, сумев масштабировать бизнес и получив политическое влияние. Учитывая его публичное участие в переговорах по линии министерства обороны, а также сведения о координации деятельности с Главным разведывательным управлением и Федеральной службой безопасности, мы готовы предположить, что «Вагнер» представлял вариант государственно-частного партнерства.

Прежде всего, боевой опыт предлагался африканским военным лидерам и диктаторам в обмен на доступ к полезным ископаемым. Относительно небольшая численность наемников (от нескольких сотен до примерно тысячи) компенсировалась подготовкой и высоким качеством вооружения. Другим экспортным товаром компаний стали пропагандистские и полит-

49. *Marten K. Russia's use of semi-state security forces: the case of the Wagner Group // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 35. № 3. P. 181–204.*

технологические услуги⁵⁰. В 2019 г. журналисты из российского оппозиционного издания «Проект» писали о присутствии пригожинских политтехнологов в 20 странах Африки⁵¹. По сообщениям СМИ, в таких странах, как Гвинея и Зимбабве, где уже работали крупные российские корпорации, такое сотрудничество было успешным, в других — нет⁵².

Успех «Вагнера» связан со странами северной и центральной Африки, а именно с Ливией, Суданом и ЦАР (с конца 2017 г.), а затем Мали (2021) и Буркина-Фасо (2022). В каждом случае «точкой входа» стали внутренние конфликты или нарастающая нестабильность. Местным военным лидерам или диктаторам Россия предлагала комплекс силовых и пропагандистских услуг, а также поставки оружия (кроме Судана) в обмен на доступ к эксплуатации природных ресурсов (в основном золото и бриллианты, а также нефть). Если Судан на протяжении более 15 лет являлся ключевым клиентом российского ВПК, то в случае с Ливией, Мали и Буркина-Фасо проникновение «Вагнера» предшествовало первым контрактам в этой сфере. В каждом случае приход России прикрывался риторикой укрепления национального суверенитета и борьбы с исламизмом.

Эта ставка на авторитарных и военных лидеров беднейших стран до февраля 2022 г. получала ограниченное освещение внутри России. Равным образом и Евгений Пригожин избегал широкой огласки своей деятельности. По мере затягивания войны против Украины российская официальная пропаганда увидела в африканском направлении потенциальный «пример успеха». В 2023 г. российские эксперты стали ретроспективно придавать этой политике концептуальное оформление: одни называют Россию «провайдером безопасности»⁵³, другие про-

50. Подробнее: *Pakhaliuk K. The Brief Rise and Fall of Yevgeny Prigozhin // The Begin — Sadat Center for Strategic Studies. 2023. 20 Sept. URL: <https://besacenter.org/the-brief-rise-and-fall-of-yevgeny-prigozhine>.*

51. URL: www.proekt.media/investigation/prigozhin-polittechnologi.

52. URL: www.proekt.media/investigation/prigozhin-afrika.

53. *Лошкарев И. Д. Россия как провайдер безопасности в Африке // Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности*

двигают концепт «иллиберальной парадигмы миротворчества»⁵⁴. За этим стоят довольно слабые в теоретическом плане попытки представить российскую модель «силового авторитаризма» в качестве экспортного продукта.

Обратим внимание, что далеко не всегда «Вагнеру» сопутствовал успех. Так, ЧВК не смогла обосноваться в восточной Африке (Мозамбик и Мадагаскар), а также спасти от революции режим Омара аль-Башира в Судане. Присутствие в Ливии на стороне войск генерала Халифа Хафтара (захватил власть в восточных районах) также не привело к перелому в гражданской войне, тем более учитывая, что Россия была частью более широкой коалиции сторонников мятежного генерала.

Наиболее успешным примером российской модели «военно-политического предпринимательства» стала 5,4-миллионная Центральная Африканская Республика (ЦАР), одно из беднейших государств планеты. Она начала скатываться в гражданскую войну еще в середине 1990-х гг., а различные миротворческие миссии, присутствовавшие здесь с 1997 г. под эгидой ООН или африканских международных структур, оказались безуспешны и не смогли предотвратить очередную эскалацию в 2012 г.⁵⁵ Формат этой статьи не позволяет подробно описать ход развития кризиса в ЦАР, стоит лишь заметить, что помимо традиционного для таких стран межплеменного противостояния, одна из ключевых линий пролегала между христианским большинством и мусульманским меньшинством, а гражданская война превратилась в борьбу криминальных и полукриминальных группировок за контроль над природными ресурсами. Международное посредничество, как и присутствие миссий ООН (в основном из африканцев) ЕС и Франции не привели к урегулированию ситуации, однако в 2016 г. все же удалось избрать общенационального президента Фостен-

в Африке. М., 2023. С. 23–27.

54. Бовдунов А. Л. СОМБ и МИНУСКА в ЦАР: эффективность реалистской и либеральной парадигм миротворчества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. № 3. С. 480–496.

55. Making Sense of the Central African Republic / Ed. by T. Carayannis, L. Lombard. London, 2015.

Аркандж Туадера, а вскоре был частично снят международный запрет (в рамках Кимберлийского процесса) на экспорт алмазов, который касался восьми провинций, где не было сомнений в том, что они добываются с нарушениями⁵⁶. К концу 2017 г. из 5,4 млн жителей страны около 545 тыс. бежали за границу (правда, 45 тыс. вернулись), еще 688 тыс. оказались внутренними беженцами, а почти 3 млн человек нуждались в гуманитарной помощи⁵⁷. Эмбарго на поставки вооружения в страну сужало возможности правительства.

Осенью 2017 г. президент Ф.-А. Туадера предпринял ряд шагов. Он провел серьезные перестановки в составе правительства, включив в него представителей различных кланов экс-Селеки и Антибалаки. Одновременно он начал менять представителей региональных властей. А 7 октября 2017 г. посетил Сочи, где встретился с министром иностранных дел Сергеем Лавровым, договорившись о военном сотрудничестве. В обмен на помощь Россия получала доступ к разработке золота и бриллиантов. Сразу же по размещении здесь сил «Вагнера» работу начали связанные с Пригожиным компании. Одним из первых был установлен контроль над крупнейшим месторождением золота в Ндассима, единственным в стране, где оно добывается промышленным способом⁵⁸.

Россия добилась от ООН частичного снятия ограничений на поставку оружия (официально ограничиваясь стрелковым оружием и бронемашинами), а также отправила группу военных советников. Фактически — все ту же группу «Вагнер», которая действовала здесь под прикрытием Содружества офицеров за международную безопасность (СОМБ). Также Россия выступила против предложений Франции вести борьбу с терроризмом через международные институты, раскритиковав миротворцев за неэффективность. Затем она сорвала предло-

56. URL: <https://africa.cgtn.com/russia-proposes-end-to-ban-on-export-of-african-blood-diamonds>.

57. Mehler A. A Decade of Central African Republic. Brill, 2020. P. 98; Majchút I. Central African Republic: The West Contra Russia in the Conflict Solution // Politické vedy. 2022. № 4. P. 217.

58. URL: <https://tinyurl.com/254g9uqu>.

жение Парижа передать ЦАР 1,4 тыс. единиц автоматов Калашникова, захваченных в Сомали⁵⁹.

В 2018 г. ЧВК занялась подготовкой армейских и полицейских частей, а бывший офицер ГРУ Валерий Захаров был назначен советником президента по национальной безопасности. Символически база «Вагнера» разместилась недалеко от столицы Банги, в бывшем дворце императора Бокассы⁶⁰. Показательно, что Россия обозначала свое присутствие не только военным и политическим путем. В 2018 г. было основано радио «Lengo Songo» (этот проект курировал политтехнолог и участник войны на Донбассе Игорь Мангушев), проводились различные конкурсы для детей и молодежи, где победители получали возможность отдохнуть в Крыму⁶¹. Однако это мало отразилось на положении населения: количество беженцев за рубежом выросло на несколько десятков тысяч человек⁶².

Российские и суданские дипломаты включились в переговорный процесс, который велся между правительством при посредничестве Руанды и стран Запада. Итогом стало подписание Хартумского договора между ЦАР и 15 крупнейшими группировками. Однако это не привело к полной остановке гражданской войны⁶³. Переломный момент наступил в декабре 2020 г., во время выборов президента. После победы Ф. А. Туадера бывший президент Ф. Бозизе сформировал Коалицию патриотов за изменения, которая пыталась атаковать столицу и устроить военный переворот. Россия направила дополнительных 300 военных советников и способствовала привлечению военной помощи от Руанды⁶⁴. В ходе контрнаступления правительственные войска отстояли Банги, а в течение года вернули контроль, по их словам, над 90% территории. Россий-

59. *Ramani S.* Op. cit. P. 133.

60. *Majchút I.* Op. cit. P. 225.

61. *Ramani S.* Op. cit. P. 205.

62. *Mehler A.* Op. cit. P. 113.

63. *Doboš B., Purton A.* Proxy Neo-colonialism? The Case of Wagner Group in the Central African Republic // *Insight on Africa*. 2024. Vol. 16. № 1. P. 7–21.

64. *Ramani S.* Op. cit. Oxford, 2023. P. 267.

ские эксперты были более скептичны, говоря о контроле примерно над 1/3 территории к 2022 г.⁶⁵ Этот кризис увеличил количество внутренних беженцев на 100 тыс.⁶⁶.

Участие «Вагнера» в обеспечении «конституционного порядка» в ЦАР в 2020–2021 гг. обернулось многочисленными случаями расстрелов, случайных арестов и других сомнительных методов наведения порядка. В марте 2021 г. был выпущен доклад ООН на эту тему, а летом поведение «Вагнера» осудили США, Великобритания и Франция. Представители России отвергли все обвинения⁶⁷.

Россия внесла существенный вклад в стабилизацию ситуации в ЦАР, но общие усилия нескольких сторон представила исключительно своей заслугой. Политические соглашения были достигнуты не только при содействии Москвы. Численность бойцов «Вагнера» в регионе возросла до 535 человек в 2020 г. и 1135 человек в 2021 г. Одновременно силы миссии ООН (МИНУСКА) увеличились с 13,7 тыс. до 17,4 тыс. человек. Ключевая разница заключалась в том, что россияне напрямую участвовали в боевых действиях, однако с 2018 г. международные миротворцы получили разрешение ООН оказывать армии ЦАР логистическую поддержку. Более того, в 2016–2019 гг. при содействии миссии ЕС были подготовлены около 4 тыс. солдат правительственный армии⁶⁸.

В 2022 г., несмотря на войну в Украине, Россия сделала ставку на закрепление ранее достигнутых успехов РАН. Так, она расширила военное сотрудничество: в середине 2022 г. передала первый военно-учебный самолет для будущего создания собственных авиационных сил ЦАР, а в мае — июне 2023 г. восемь истребителей L-39⁶⁹. Согласно данным СИПРИ, вооружение на сумму 2 млн долл. было передано Китаем. Продолжились бои с сохраняющимися группировками, однако за последующие два года окончательной победы одержать не удалось.

65. Лошкарев И. Россия как провайдер безопасности.

66. URL: <https://tinyurl.com/28cmuqh5>.

67. Ramani S. Op. it. P. 270.

68. Majchút I. Op. cit. P. 219.

69. URL: <https://t.me/officersunion/333>; <https://t.me/officersunion/351>.

Союз ЦАР с Россией привел к тому, что в мае 2022 г. Всемирный банк временно заморозил бюджет на поддержку ЦАР. Прекратилась помощь со стороны Франции и ЕС. Поскольку 50% государственного бюджета составляли западные дотации, то в декабре 2022 г. правительство было вынуждено приостановить все выплаты. В стране разразился экономический кризис, в течение нескольких следующих месяцев цены на ряд продуктов подскочили на 20–30%⁷⁰. В свою очередь, это дало возможность для расширения собственного бизнеса, в том числе в сфере добычи золота, нефтепродуктов и алмазов⁷¹.

Хотя в начале 2023 г. от США поступали сигналы о готовности оказать серьезную экономическую помощь в обмен на изгнание России, Ф.-А. Туадера на это не пошел. Более того, с участием российских советников летом он провел референдум, на котором изменил конституцию с тем, чтобы иметь возможность переизбраться на третий срок. Силовая поддержка и теневые договоры, обеспечиваемые Россией, вероятно, сыграли свою роль, поскольку на официальном уровне оказывалась экономическая помощь со стороны Москвы отдельными важными, но все же ограниченными жестами. Например, в августе 2022 г. были переданы 540 тонн желтого гороха⁷², а летом 2023 г. — 50 тонн зерна, которое стало прибывать уже в начале 2024 г. Фидель Гуандика, советник Ф.-А. Туадера, в середине января вообще заявил о готовности разместить в стране российскую военную базу⁷³.

Даже пророссийские информационные издания не смогли найти никаких серьезных российско-центральноафриканских проектов, кроме пивоваренного завода, контактов между университетами и деловой поездки африканских ветерина-

70. *Picco E. Ten Years After the Coup, Is the Central African Republic Facing Another Major Crisis? // International Crisis Group.* 2023. 22 March. URL: <https://tinyurl.com/27gqb4ow>.

71. *Rwanda's Growing Role in the Central African Republic // International Crisis Group.* 2023. 7 July. URL: <https://tinyurl.com/2577umwh>.

72. URL: t.me/officersunion/104.

73. URL: www.rbc.ru/politics/30/01/2024/65b8ae4c9a79474fb8a66e63.

ров в Россию. Крупные инфраструктурные проекты 2023 г. — открытие двух солнечных и одной гибридной электростанций — реализовывались с 2020 г. на средства Всемирного банка. В июле 2022 г. ответственным за его проекты в ЦАР стал Гидо Руранрва, выходец из Руанды, что также может рассматриваться в качестве усиления ее влияния в этой республике.

2022–2023 гг.: африканская стратегия под влиянием войны в Украине

Затянувшаяся война против Украины и серьезнейший кризис отношений с Западом сделали актуальным поиск альтернативных экономических и политических партнеров. Радикальная перестройка экономических и политических отношений прикрывается риторикой «борьбы с колониализмом», что отчасти обращено к африканским странам. «Самобытность против неоколониализма» — так некоторые российские эксперты оценивают идеологическую стратегию Москвы на африканском направлении, правда, затрудняясь определить первое понятие⁷⁴. Африка востребована государственной пропагандой как история успеха с тем, чтобы доказать россиянам, что их страна не является изгоем. Отсюда проистекают и попытки представить Россию в качестве лидера борьбы против «нового колониализма».

Анализ политических контактов разочаровывает как сторонников Путина, так и его последовательных противников: африканские страны, за рядом исключений, нельзя причислить к сторонникам российской внешней политики, однако значительная часть стремится занять позицию не-противников и получить выгоду от сотрудничества с Москвой.

О совокупном отношении руководства 54 африканских стран к российско-украинской войне могут свидетельствовать четыре резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которые были приняты в первый год войны: «Агрессия против Украины» (02.03.2022), «Приостановление членства Российской Федерации

74. Лукьяннов Ф. Назад к советским традициям. С чем Россия идет в Африку? // Российский совет по международным делам. 2023. 1 июня. URL: <https://tinyurl.com/28jg2fhb>.

ции в Совете по правам человека» (07.04.2022), «Территориальное единство Украины» (12.10.2022) и «Принципы Устава ООН в основе всеобщего, справедливого и устойчивого мира в Украине» (23.02.2023)⁷⁵.

В целом, голосование показывает, что для африканских лидеров этот конфликт не является значимым. Три ключевые для Украины и ее западных сторонников резолюции (2 марта, 12 октября и 23 февраля) набирали немногим более 50% голосов «за» (28–30 стран), в то время как голосование по членству России в Совете по правам человека — только 31% (19 стран). Из государств, с которыми до 2022 г. были развиты экономические отношения, только Египет проголосовал «за» три основные резолюции и воздержался по последнему случаю. Из крупных, экономически развитых африканских стран таким же образом голосовали ДР Конго, Нигерия, Замбия и Кот-д'Ивуар.

Если в 2014 г. против «крымской резолюции» голосовали из африканских стран только Судан и Зимбабве, то теперь наиболее активную поддержку России оказала Эритрея: три голоса «против» и одно «воздержание» относительно территориального единства Украины. Повторилась ситуация восьмилетней давности, когда на фоне только начавшегося экономического сотрудничества местный диктатор продемонстрировал лояльность. Основой союза стала российская пшеница: в 2021 г. Эритрея многократно увеличила ее закупки, благодаря чему товарооборот увеличился с 0,4 млн долларов до 9,3 млн долл. В 2022 г. он достиг 13,5 млн долларов⁷⁶. В конце 2023 г. Россия также отправила туда 25 тыс. тонн бесплатного зерна⁷⁷. Если не брать во внимание межведомственную активность обеих стран, то собственно этим все пока и ограничилось.

Ни одна страна не выступила против резолюции о территориальном единстве Украины, против резолюции 23 февраля помимо Эритреи проголосовала только Мали, а против исключения России из Совета по правам человека — Алжир,

75. URL: <https://tinyurl.com/2cfrauag>.

76. URL: www.ria.ru/20230727/eritreya-1886369040.html.

77. URL: www.russian.rt.com/world/video/1254253-eritreya-zerno-posolstvo-rossiya.

Зимбабве, Бурунди, ЦАР, Габон, Республика Конго и Эфиопия. Ключевая стратегия стран, не желающих поддерживать анти-российские резолюции, заключалась в том, чтобы либо не участвовать в голосовании, либо не присутствовать в этот день на заседании. Так, например, поступили Буркина-Фасо и Камерун (в трех из четырех случаев). Все это говорит о том, что примерно половина африканских правительств скорее являются не-противниками России, нежели ее открытыми союзниками.

Отстраненно-выжидательная позиция африканских государств — тот потенциал, который не могла не попытаться использовать российская дипломатия. В 2022 г. министр иностранных дел Сергей Лавров посетил Египет, Конго, Уганду, Эфиопию, в следующем году — дважды ЮАР, Эсватини, Анголу, Эритрею, Мали, Судан, Кению, Бурунди и Мозамбик. В марте 2023 г. в обновленной Концепции внешней политики России Африка была поднята на 6-е место среди внешнеполитических приоритетов, обогнав не только Латинскую Америку, но и — демонстративно — «коллективный запад».

Переломным моментом стало лето 2023 г., которое продемонстрировало, что Россия не находится в изоляции.

На фоне обсуждения возможного выхода России из «зерновой сделки» (гарантии безопасности по транспортировке украинского зерна на мировой рынок) в июне лидеры или представители семи стран (Коморские Острова, Республика Конго, Египет, Сенегал, Уганда, Замбия и ЮАР) выступили с «мирной инициативой» по российско-украинской войне. В этом желании «засветиться» принципиальны две вещи: близость выдвинутых тезисов к ранее озвученной позиции Китая, а также призыв к дескалации и мирным переговорам, что идет в разрез с позицией США и ЕС по однозначной поддержке Украины.

Затем в конце июля состоялся второй саммит «Россия — Африка». Если в 2019 г. прибыли делегации из всех 54 государств, включая 43 главы государства, то теперь в Санкт-Петербург приехали 49 делегаций при 17 главах государств. Понимая символическую значимость для России этого мероприятия и противодействие Запада, некоторые страны пошли на хитрость: так, президент Алжира А. Теббун предпочел при-

ехать в Россию на полтора месяца раньше⁷⁸. Показательно, что в 2019 г. риторика Путина была довольно прагматична, хотя он и не удержался от повторения избитого принципа «африканским проблемам — африканские решения»⁷⁹. Спустя четыре года выступление президента оказалось намного более идеологизированным: оно содержало не только более подробные отсылки к общим страницам прошлого, но и указание на борьбу за суверенитет, за которым слышался недвусмысленный отказ от навязывания каких-либо стандартов в принципе: «Россию и Африку объединяет врождённое стремление отстаивать подлинный суверенитет, право на свой собственный, самобытный путь развития в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах»⁸⁰.

Третье событие — августовский саммит БРИКС в ЮАР, на котором было заявлено о расширении членов за счет шести государств, включая два африканских — Эфиопию и Египет⁸¹. Хотя из-за иска Международного уголовного суда Путину пришлось принимать участие в нем в удаленном формате, значим именно сам факт того, что Россия остается частью этой международной структуры, пусть и на вторых ролях после Китая.

Выше уже отмечалось, что ни международная агрессия, ни противостояние с Западом не отвернули от России ни Уганду, ни ЦАР. Более того, модель силового проникновения, опробованная в последней, была перенесена в западную Африку. В частности, с 2011 г. Мали оказалось в состоянии гражданской войны: центральное правительство столкнулось с сепаратизмом туарегов на севере и исламистскими группировками в центре и на юге, которые стали действовать также на территории Буркина-Фасо и отчасти Нигера. Несмотря на то, что вмешалась Франция, которая возглавила региональную во-

78. URL: www.iz.ru/1527914/2023-06-13/prezident-alzhira-pribyl-v-moskvu-s-gosudarstvennym-vizitom.

79. Саммит Россия — Африка // Президент России. 24.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61893>.

80. Саммит Россия — Африка // Президент России. 28.07.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71826>.

81. URL: www.theins.ru/news/264514.

енную коалицию, к концу 2010-х гг. ситуация не исправилась. Более того, она провалилась и в содействии по построению эффективного государства. В 2020 г. фальсификации на выборах дали старт очередному витку гражданскому противостоянию, которое в августе привело к военному повороту во главе с полковником Ассами Гойтой. Он окончательно захватил власть в стране в мае 2021 г. и переориентировался на сотрудничество с Россией, пустив к себе ЧВК «Вагнер»⁸². После череды вооруженных переворотов осенью 2022 г. в Буркина-Фасо к власти пришел капитан Ибрагим Траоре, который также потребовал ухода французов и обратился за помощью к «вагнеровцам». Естественно, Мали и Буркина-Фасо были исключены из ЭКОВАС и попали под санкции с требованием провести национальные выборы.

Еще в 2022 г. Россия начала активное снабжение военной техникой Мали, а в августе 2023 г. армия страны и «вагнеровцы» перешли в наступление. На этом фоне 17 сентября 2023 г. главы Буркина-Фасо, Мали и Нигера (где в июле также к власти пришли антифранцузски настроенные военные) учредили Альянс государств Сахеля (АГС)⁸³, заявив о сотрудничестве в военной сфере по общей борьбе с террористическими организациями.

Сложилась, видимо, непредвиденная ситуация для ЭКОВАС: чем больше изгоев в вашем составе, тем скорее они сформируют оппозиционную коалицию, тем более что во всех трех случаях правительства испытывают то или иное давление со стороны исламизма. Правда, АГС сложно назвать полноценным противовесом ЭКОВАС по двум причинам, имеющим экономическую основу. Во-первых, это экспортные экономики, которые не имеют прямого выхода к морю. Во-вторых, все три страны, а также такие члены ЭКОВАС, как Сенегал, Кот-Д'Ивуар, Бенин и Того, входят в зону западного-африканского франка, стабильность которого до сих пор обеспечивается Францией.

82. URL: www.sgp.fas.org/crs/row/IF10116.pdf.

83. Лошаков И. Альянс государств Сахеля: стартовые трудности как ресурс развития // Российский совет по международным делам. 2023. 18 дек. URL: <https://tinyurl.com/22835ykh>.

Появление АГС сопровождалось успехами в боях на местах. В ноябре был освобожден город Кидаль, занятый исламистами еще с 2012 года⁸⁴. В декабре исламисты объявили о начале действий по блокаде крупного центра на севере Тимбукту (над внешними коммуникациями), что уже спустя месяц привело к закрытию почти половины предприятий и перебоям с продовольственными поставками⁸⁵. В начале февраля 2024 г. появились первые сообщения, что бойцы «Вагнера» заняли крупнейший золотой прииск Интаха, ранее контролировавшийся туарегами⁸⁶.

Несмотря на эскалацию насилия, отдельные успехи заставили А. Гоиту в самом конце декабря выступить с заявлением о непримиримой борьбе и с исламистами, и с туарегами-сепаратистами. В частности, это значило отказ от Алжирских соглашений 2015 года, они были признаны Бамако недействительными в конце января 2024 года. Ставка военных на силовое решение проблемы произошла на фоне очевидного усиления вмешательства России. Она продолжила снабжать Мали военной техникой, в декабре 2023 г. открыла посольство в Буркина-Фасо, а через месяц начала размещать здесь первые сотни Российского африканского корпуса (фактически бывшие бойцы «Вагнера», теперь уже официально под эгидой Минобороны).

В начале февраля АГС заявил, что выходит из ЭКОВАС, в ответ в конце месяца на саммите в Нигерии члены организации заявили о готовности снять санкции с Мали, Буркина-Фасо, Нигера, разрешив им остаться в организации и найти пути совместного политического будущего⁸⁷. Последовавшие сообщения о постепенном снятии санкций и открытии границ⁸⁸ показывают, что тактика давления пока удаётся.

84. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/sahel/mali/314-nord-du-mali-revenir-au-dialogue>.

85. URL: t.me/strana_tuaregov/1027.

86. URL: <https://tinyurl.com/263609v9>.

87. URL: <https://tinyurl.com/24b2ylwh>.

88. URL: <https://www.africanews.com/2024/03/14/nigeria-reopens-borders-with-niger>.

Заключение

Действительно, во внутренней политике риторика суверенитета превратилась в одно из оправданий нарастающих авторитарных тенденций: она то отсылала к необходимости укреплять «наши ценности» и противодействовать «враждебному влиянию извне», то наоборот, включалась в бесконечное число сфер и проблем, где предлагалось перейти к установлению «суверенитета». Однако и во внешней политике, а именно на африканском направлении, мы видим нарастающий интерес к защите «своих диктаторов», основанный изначально на праве вето в Совбезе ООН, а затем и в предложении специфических услуг — как политтехнологии по переписыванию конституции (как Гвинеи и ЦАР), так и силовой помощи для вдоворения порядка.

Стоит обратить внимание, что наиболее стабильные и экономически выгодные отношения у России сложились со странами северной Африки (Египет, Алжир, отчасти Марокко), ЮАР и по отдельным направлениям с Анголой. Дружба с одиозными диктаторами из Зимбабве и Уганды принесла ограниченные выгоды, равным образом как их предстоит еще найти в случае Эритреи. В ситуации с Гвинеей, наоборот, ставка на Конде обернулась после его свержения, как минимум, ухудшением политических отношений.

Изначально «военно-политическая модель» была скорее получастным делом ЧВК «Вагнер»: продажа силовых услуг в обмен на доступ к месторождениям. Судан — яркий пример, когда наличие в стране дружественных наемников не спасает диктатора. Однако ЦАР показала обратный результат. Поддержка легитимного президента, скрытое участие ЧВК «Вагнер» в боях, поддержка со стороны дипломатии, активная пропаганда и последующие действия по созданию полноценной центральноафриканской армии, а также присутствие в ЦАР в составе более широкой международной коалиции — все это позволило если не прекратить гражданскую войну, то обезопасить значительную часть страны. Ставка на Россию со стороны военных лидеров двух других стран (Мали и Буркина-Фасо)

показывает, что авторитарно-силовые услуги вполне востребованы.

Отступая на некоторых направлениях назад, Запад словно приглашает Россию перенапрячь силы и начать совершать ошибки. Африканские же лидеры прагматичны: они не хуже Москвы умеют подсчитывать выгоды и издержки, а потому не воздержатся и от того, чтобы превратить близость с Россией в предмет торга с западными партнерами. Война в Украине и санкции сужают российские ресурсы, делают затруднительным бизнес для российских компаний по всему миру, а без инвестиций, помощи развития и закупок местных товаров представить действительное лидерство на континенте затруднительно.

Однако это не исключает возможность того, что «военно-политическое предпринимательство» и «силовое брокерство» не будут в ближайшее время переупакованы в «альтернативную модель развития», скрывающую на поверхку силовой авторитаризм с такими слагаемыми, как правый популизм, изощренная пропаганда и опора на силовые структуры. Потенциально привлекательным может оказаться российский опыт перераспределения ресурсной ренты и противостояния санкционному давлению. В случае, если Россия добьется хотя бы заморозки конфликта в Украине, эта модель даже возрастет в цене, но в долгосрочной перспективе ее последовательное воплощение грозит катастрофой и для африканских стран, и для российских интересов на континенте.

The Rhetoric and Practice of «Sovereignty» in the Context of Russian-African Relations

Konstantin Pakhalyuk

Annotation. Russia's development in the 2000s and 2010s was characterized by increasing authoritarianism and a conservative turn, accompanied by an emphasis on sovereignty and patriotism. This article examines Russia's foreign policy in Africa, which offers military aid and economic benefits in exchange for active political support for authoritarian regimes. In the face of isolation from the West, Russia continues to seek partners in Africa, using the model of «political-military entrepreneurship» to consolidate its influence.

Keywords: Russia, authoritarianism, sovereignty, patriotism, foreign policy, Africa, military aid, economic benefits, political-military entrepreneurship.

DOI: [10.55167/a344d4f1fba9](https://doi.org/10.55167/a344d4f1fba9)

Размышления о концепции суверенитета в тоталитарном государстве

Андрей Кротов

Доктор юридических наук, профессор (Ашкелон, Израиль)

Аннотация: Целью настоящей статьи является исследование особенностей формирования и развития концепции суверенитета в тоталитарном государстве на примере двух стран: СССР и России, определение признаков «тоталитарного суверенитета». Использованы такие методы научного познания, как исторический, социологический, сравнительно-правовой, статистический. Автор опирался в ходе научного исследования на работы таких известных ученых, как Э. Хейвуд, Б. Жувенель, К. Шмитт, М. Н. Марченко, И. Кант, Т. Гоббс, Д. Локк, Г. Еллинек и других.

Применительно к периоду формирования концепции суверенитета в СССР, в статье анализируются политico-правовые взгляды В. И. Ленина, И. В. Сталина, И. Д. Левина, А. Я. Вышинского и других авторов. Раскрыты основные принципы концепции суверенитета в СССР, в числе которых принадлежность суверенитета исключительно верховной власти, использование концепции суверенитета в целях идеологического манипулирования и ряд иных.

При исследовании особенностей современной концепции суверенитета в тоталитарном государстве подчёркивается несовпадение концепции суверенитета в институциональной среде и сфере политики, описываются выявленные противоречия, приводятся практические примеры, подтверждающие фиктивность концепции народного суверенитета в условиях тоталитарного режима.

В заключении выдвигается научная гипотеза о формировании концепции «тоталитарного суверенитета», описываются ее признаки.

Результаты исследования могут быть полезны не только в юриспруденции, но и в социологии, политологии, психологии, обладают научно-практической ценностью.

Ключевые слова: тоталитаризм, концепция суверенитета, легитимность, власть, нация.

1. Введение

На сегодняшний день концепция суверенитета наполняется новыми смыслами, выражая индивидуальность государства и национальной правовой системы, роль населения в системе

публичной власти, подчеркивая особенности установившегося в государстве политического режима, что требует своего научного осмысления. Исследование проблематики концепции суверенитета в качестве особого политico-правового явления¹, актуализируется также в контексте рецепции идей тоталитаризма в ряде современных государств, попытками с опорой на концепцию суверенитета дать «отпор» международной и национальной оппозиции.

Несмотря на высокую актуальность темы исследования, существующий огромный массив работ, посвящённых различным теориям суверенитета, научные исследования целью которых является изучение особенностей феномена суверенитета в тоталитарном государстве, немногочисленны. Настоящая работа призвана восполнить обозначенный пробел в научном знании.

2. Обзор концепций государственного суверенитета

Практически каждый автор, занимавшийся исследованиями государственного суверенитета, среди которых такие известные ученые как Т. Гоббс, И. Кант, Ж. Боден, Б. Жувенель и другие, предлагает свое, часто обладающее лишь небольшими отличиями, определение суверенитета. Как обосновано пишет Е. А. Лукьянова: «суверенитет — одно из самых загадочных понятий в теории права»², что приводит к необходимости, в целях как минимум избежания упрека в бесмысленности моих дальнейших рассуждений, к раскрытию в настоящей работе содержания некоторых концепций.

Я не скажу ничего нового в данном разделе, а лишь возвратившись к истории возникновения концепции суверенитета и взяв за основу ряд научных трудов, в том числе давно ушедших от нас ученых, постараюсь внести ясность в дальнейшее изложение и представленные мною выводы, тем более это

1. Концепция суверенитета определяет как систему властования, так и правовое положение суверена и населения, соответственно является политico-правовым явлением.

2. Лукьянова Е. А. Заметки о конституционной идентичности и о суверенитете // Юстиция. 2021. № 3-4. С. 74–80.

важно с учетом того, что универсального определения термина суверенитет не существует, и многие вопросы относительно государственного суверенитета в течение многих веков остаются нерешёнными до настоящего времени, а сама история сделала теорию суверенитета как загадочной, так и во многом иллюзорной.

С момента появления человечества появилась власть, сутью которой является возможность оказывать воздействие на судьбы, деятельность и поведение людей, даже вопреки их сопротивлению.

Власти нужно повиновение для того, чтобы, или потому что, но такое повиновение не может быть основано исключительно на принуждении.

Талейран как-то сказал Наполеону: «Штыки, государь, годятся для всего, но вот сидеть на них нельзя»³.

Потребность в обосновании легитимности власти, то есть аргументировании ее справедливости, придании ей моральной опоры, вызвала к жизни ряд научных теорий, в числе которых учение о государственном суверенитете (суверенитет от лат. *superanum* — превосходство).

Корни идеи государственного суверенитета относятся к эпохе борьбы светской и духовной власти.

Церковь не желала передавать божественное могущество светской власти, король был ограничен как человеческим законом, так и божественным. Ив Шартрский писал Генриху I Английскому после его восшествия на престол: «Не забывайте, князь, что Вы слуга слуг Бога, а не их господин, что Вы защитник, а не владелец Вашего народа»⁴.

Средневековый король, не желая мириться с ограничением власти церковью, в целях обоснования своей власти обращается к римской юридической традиции, которая приписывает суверенитет народу, соответственно власть над обществом связывается с социальной природой общества.

3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 127.

4. Цит. по: Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возраста-
ния / Пер. с фр. А. В. Матешук, В. П. Гайдамака. М., 2011. С. 78.

В XIV веке Марсилий Падуанский постулирует принцип народного суверенитета на место суверенитета божественного:

Верховным законодателем человеческого рода, — утверждает он, — является только совокупность людей, по отношению к которым применяются принудительные положения закона. Власть опирается на эту идею, чтобы предстать в качестве абсолютной. Именно эта идея будет использована, чтобы освободить Власть от контроля церкви⁵.

При этом цель концепции суверенитета была неизменна — заставить общество повиноваться, легитимировать политическое насилие в пространстве.

Со временем концепция суверенитета все более стала приспосабливаться для целей власти, жаждущей Imperium.

В XVI веке Жан Боден формулирует понятие суверенитета в качестве постоянной и абсолютной власти государства, обязательного атрибута государства (государственный суверенитет). Тот, кто повелевает и понуждает, не является объектом повеления и понуждения со стороны кого бы то ни было, он есть «хозяин закона», устанавливает его, однако не является его заложником, при этом не важно кто является сувереном, король, народ или аристократия. В тоже время суверенная власть, согласно теории Бодена, ограничена независимыми и естественными законами.

Утверждение Бодена относительно абсолютной власти нашло многочисленных противников. Население попыталось обратить действия власти себе на пользу, что послужило развитием теории народного суверенитета.

Сторонниками идеи народного суверенитета и ограничения суверенной власти выступали английские демократы, наиболее известным из которых был Т. Гоббс.

Он превозносил абсолютную монархию перед иными формами правления и отвергал право подданных на восстание против власти. Т. Гоббс отождествлял государство с личностью конкретного носителя верховной власти. Носитель власти получал её от взаимно договорившихся индивидуумов, с момента установления правления власть принадлежала ему исключи-

5. Там же. С. 59.

тельно и безвозвратно. Субъектом суверенной власти было государство, юридическое лицо, но такое лицо являлось исключительно смертным богом, Левиафаном, созданным людьми посредством договора. В случае смерти Левиафана суверенная власть возвращалась её источнику. Воля и власть такого искусственного тела сводилась к воле, власти и личности конкретного правителя. Никакого сопротивления, ни активного, ни пассивного, не мыслимо против правителя, исключением является сопротивление подданных в целях защиты своей жизни. В теории Гоббса государство само определяло, что такое право и неправо, не было каких-либо ограничений, пусть и в минимальном объеме Ж. Бодена.

Критикуя позицию Ж. Бодена и Т. Гобса, Д. Локк, а затем Ж. Руссо, сформулировали ряд принципов ограничения суверенитета.

Д. Локк в работе «Два трактата о правительстве» (1689) писал, что государственная власть всегда принадлежит большинству, но власть эта не абсолютна, так как люди перенесли на государство не все права, а только карательную власть и правосудие в пределах естественных прав человека в целях большего обеспечения свободы и собственности каждого. Поэтому всякая власть истекает от народа и возвращается к нему с упразднением правительства.

Согласно теории Ж. Руссо, законы выше человека, но над человеком нет ничего, кроме законов. Человеческая воля избавлена от всякой зависимости, кроме зависимости от Закона, тождественного благотворной высшей Необходимости.

Идеи Д. Локка были благосклонно восприняты в США, Даниил Вебстер в речи в сенате США 16 февраля 1833 года отмечал:

Суверенитет правительства — идея, образовавшаяся по ту сторону Атлантического океана... Суверенитет в Европе — феодального происхождения, означает ничто иное как положения суверена и подразумевает его права, доходы, прерогативы и власть. У нас же (в США) вся власть принадлежит народу. Только народ суверенен, он устанавливает правительство, какое ему угодно, и переносить на него столько власти, сколько желает. Ни одно из этих правительств

не суверенно в европейском смысле слова, так как все они ограничены писанными конституциями⁶.

Опора на народ, как источник суверенной власти, обоснованно критиковалась Б. Жувенелем. Он писал:

Фикция — что «весь народ» не может обдуманно принять несправедливое решение в отношении некоторых. Фикция — что «весь народ» выражает обдуманную волю: разве американский народ, дружно проголосовавший за «сухой закон», не опроверг результат собственного голосования в своем повседневном поведении? Наконец, фикция — имеющая исключительное значение, — что с народом советуются относительно каждого закона: это бывает, и то лишь в отношении некоторых законов, только в Швейцарии⁷ <...> Прозвозглашение верховенства народа только заменило живого короля на иллюзорную королеву — общую волю, по природе своей всегда малолетнюю и всегда неспособную править самостоятельно⁸.

Яркая критика идеи народного суверенитета отмечена в работе Б. Константа:

То, чего не посмел бы сделать от своего имени ни один тиран, они узаконивают беспредельностью общественной власти. Нужного для них расширения полномочий они требуют у обладателя этой власти, у народа, всемогущество которого лишь оправдывает их поползновения. Самые неправедные законы, самые угнетательные установления обязательны как выражение общей воли... Народ, который может все, столь же опасен, более опасен, чем тиран, или, точнее сказать, тирания наверное завладеет правом, предоставленным народу. Ей надо будет только провозглашать всемогущество

6. Цит. по: Палиенко Н. И. Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 97.

7. В данном случае реализована идея Канта, который отмечал, что когда кто-то принимает решение в отношении другого лица, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого. Ср.: Кант И. Критика практического разума. СПб, 1908. С. 97.

8. Жувенель Б. де. Цит. соч. С. 358, 407.

этого народа, одновременно посыпая ему угрозы, и говорить от его имени, обрекая его на молчание⁹.

Л. Дюги характеризовал внутренний суверенитет как ничто, всего лишь удобное слово для оправдания произвола власти и юридическая маска для абсолютистских теорий:

Французская революция торжественно провозгласила принцип суверенитета нации; но она отнюдь не применяла его; ибо <...> этот пресловутый принцип — только обман, фикция, средство управления, и реальной силы в нем не больше, чем в принципе божественного права¹⁰.

В дальнейшем научная мысль породила массу различных классификаций суверенитета: делимый и неделимый;обретенный в результате процедуры признания и на основании фактического состояния; ограниченный и абсолютный; вестфальский суверенитет; реальный и формальный; добровольно и принудительно ограниченный; индивидуальный и коллективный, и прочие.

Известный правовед Г. Еллинек рассматривал государственный суверенитет как способность государства к «исключительному правовому самоопределению». Только суверенное государство, писал он, «может — в пределах установленных или признанных им самим правовых границ — совершенно свободно нормировать содержание своей компетенции»¹¹.

М. Ориу¹² предложил разделять суверенитет на политический (носителем которого является нация) и юридический (носителем является народ). Их соотношение соответствует соотношению «содержания» и «формы».

9. Constant B. Cours de Politique constitutionnelle, ed. Laboulaye de 1872, p. 279–280.

10. Цит. по: Жувенель Б. де. Цит. соч. С. 391.

11. Цит. по: Марченко Н. Государственный суверенитет // Правоведение. 2003. № 1. С. 186–197.

12. Под суверенитетом нации М. Н. Марченко предлагал понимать полновластие нации, ее возможность и способность определять характер своей жизни, осуществлять свое право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2006. С. 60.

Триумфом идеи государственного суверенитета в области международных отношений, оформленного на договорно-правовой основе, пишет А. А. Кокошин, «можно считать Вестфальский мир 1648 г., которым завершилась Тридцатилетняя война — одна из наиболее опустошительных войн в европейской истории... Развитие идеи суверенитета в международном праве привело к его трактовке в качестве «абсолютного права государства решать все внутренние вопросы, независимо от воли других, и вступать с другими государствами во всевозможные соглашения. При этом отмечалось, что международное общение возможно только при взаимном признании государственного суверенитета»¹³.

Интересно мнение Г. Еллинека¹⁴, который считал, что международный суверенитет является рефлексом его высшей власти внутри, обуславливает право международного общения, внешнее представительство народа в отношении другого народа, и в таком общении стороны одинаковы.

Ф. Виллиамс писал, что «суверенитет — это только имя, данное той области международных отношений, которую закон оставил для индивидуального действия государств»¹⁵.

По мнению Е. А. Лукьяновой: «суверенитет следует рассматривать как категорию международного права и как явление современных международных отношений. Места для суверенитета внутри суверенного государства нет. Суверенитет указывает на качество государства быть субъектом международных отношений»¹⁶.

На сегодняшний день наиболее распространенными являются концепции, признающие в качестве носителя суверенитета и источника власти народ, а суверенитет рассматривается в качестве обязательного признака государства. В соответствии со ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации

13. Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М. 2006. С. 87.

14. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 114.

15. Цит. по: Кокошин А. А. Цит. соч. М. 2006. С. 112.

16. Лукьянова Е. А. Цит. соч.

является ее многонациональный народ. Согласно ст. 2 Конституции Республики Молдовы, национальный суверенитет принадлежит народу Республики Молдова, осуществляющему его непосредственно и через свои представительные органы в формах, определенных Конституцией. Статьей 3 Конституции Французской Республики закреплено, что национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и путем референдума. В соответствии со ст. 39 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов национальный суверенитет полностью и изначально принадлежит народу. Вся государственная власть исходит от народа и учреждается для его блага. Народ в любое время имеет неотъемлемое право изменить форму правления.

Соответственно, суверенитет на сегодняшний день, как правило, представляет собой концепцию с выраженной системой стимуляции. Обязывание повиновения власти, подчинение насилию, воле правителя смягчаются вознаграждением — возможностью изменения народом формы правления, ограничение действий правительства конституцией и т. п., причем зачастую «вознаграждение» лишь декларативно («In der einen Hand hält er einen Stein, und Brot zeigt er mit der anderen»).

Существует и другие теории. При этом, как правило, суверенитет не рассматривается как неограниченный и абсолютный, во всяком случае формально. Как отмечает Н. Б. Пастухова, «историческом развитии теории суверенитета стало очевидным, что изначальный идеал абсолютизма был разбит идеалом демократии и республиканства. В демократическом государстве суверен не может быть неограниченным — стоять выше закона»¹⁷.

Л. Ю. Черняк¹⁸ выделяет шесть подходов к определению суверенитета: 1. суверенитет изначально приравнивается к понятию «государства»; 2. суверенитет отождествляется с властью (общественной, политической, государственной, вер-

17. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет: история и современность. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013.

18. Черняк Л. Ю. Общетеоретические проблемы государственного суверенитета: дис. .... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

ховной) или совокупностью прав и полномочий по их осуществлению; 3. суверенитет отождествляется с международной правосубъектностью — способностью государства быть субъектом международного права; 4. суверенитет понимается как принцип, определяющий все стороны бытия государства: его возникновение, конституционное оформление, установление и закрепление основ его общественного и государственного устройства, определение основ внутренней и внешней политики и др.; 5. суверенитет является диктатурой господствующего класса; 6. суверенитет является свойством государства или государственной власти.

Отдельно можно выделить работы, критикующие концепцию суверенитета в фокусе особенностей современного мироустройства.

По мнению Дж. Брайерли¹⁹, отказ от суверенитета есть единственный путь избежать анархии или полу анархии в современных международных отношениях.

В. Фридман пишет:

Сегодня мы являемся свидетелями глубокого кризиса эры национального государства и национального суверенитета... стремление новых «суверенных» государств к полной независимости является неистовым осуществлением идеологии национализма девятнадцатого века²⁰.

Ч. Кеглей и Е. Виткопф²¹ отмечают, что территориальность и ее суверенитет перестают быть организующими принципами социальной и культурной жизни; глобализирующиеся социальные практики соотносятся с миром как целым, а не с его локальным или национальным сектором, начинают свободно пересекать пространственные границы. В глобальном пространстве происходят сдвиги в сторону трансконтинентальных или межрегиональных рамок действия, взаимодействия и осуществления власти.

19. Цитируется по: Пастухова Н. Б. Цит. соч. С. 100.

20. Friedmann W. The Changing Structure of International Law. London, 1964. P. 31–34.

21. Kegley Charles W., Wittkopf Eugene R. World Politics: Trend and Transformation. Thomson Higher Education, 2006. P. 254.

3. Формирование концепции суверенитета в тоталитарном государстве на примере СССР

Поскольку научная литература относительно тоталитарного режима достаточно богата и известна, я, с учётом исследуемой проблематики, сосредоточу внимание в основном на особенностях теории суверенитета в тоталитарном государстве.

Латинское слово «*totalis*» означает «весь, целый, полный, всеохватывающий». В науке это понятие с начала 20-х годов XX века стало употребляться по отношению к новому типу возникших антидемократических авторитарных режимов, которые стремились установить тотальный контроль государства над всеми областями общественной жизни.

Как отмечает британский политолог Э. Хейвуд:

тоталитаризм, как форма политического режима, предполагает полный (тотальный) контроль государства над жизнью общества; чаще всего сопровождается всеобъемлющей идеологической манипуляцией, открытым террором и насилием. Отличается тоталитаризм от авторитарных (самодержавия) и авторитаризма тем, что устанавливает именно «тотальную власть» режима, политизируя все и всякие стороны жизни общества и индивида. Авторитарные и авторитарные режимы в этом смысле преследуют куда более скромные цели — обеспечить себе политическую монополию на власть, удерживая массы в стороне от политики, тогда как тоталитаризм предполагает полное уничтожение гражданского общества — всей сферы «частной жизни»²².

Установление тоталитаризма, пишет А. И. Соловьев, в основном происходит в условиях системного (модернизационного) кризиса, «чертами которого являются: депрессия и утрата населением социальных ориентиров, экономический упадок, резкое социальное расслоение, распространение нищеты, преступности и т.п.»²³.

К. Фридрих и З. Бжезинский в книге «Тоталитарная диктатура и авторитария», выделили шесть основных признаков

22. Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 33.

23. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2000. С. 357.

тоталитаризма: наличие «тоталистской» идеологии; существование единственной партии, возглавляемой сильным лидером; всесилие секретной полиции; монополию государства над массовыми коммуникациями, а также над средствами вооружения и над всеми организациями общества, включая экономические.

К. Поппер усматривал черты тоталитарной организации власти и общества в строгом классовом делении последнего; в отождествлении судьбы государства с судьбой человека; в стремлении государства к автаркии, навязывании государством обществу ценностей и образа жизни господствующего класса; в присвоении государством права на конструирование идеального будущего для всего общества и т. д.

Признаками тоталитаризма являются, в том числе, сращение всех ветвей власти; а также закрытая для общественного мнения система принятия решений.

Маркером практик тоталитаризма является СССР, по мнению Ю. И. Деревянченко:

в значительной степени тоталитаризм это специфически русское явление, и его корни следует искать в специфических же особенностях русской культуры... в России впервые в мировой истории система общественных отношений приняла форму тоталитаризма²⁴.

И. А. Бердяев писал:

Это есть явление чудовища Левиафана, который на все накладывает свои лапы... Советское государство... есть единственное в мире последовательное, до конца доведенное тоталитарное государство²⁵.

Коммунистическая форма тоталитаризма на сегодняшний день стала самой длительной в истории по сравнению с другими странами. СССР выступает в качестве источника богатого опыта инструментов тоталитарного правления, включая различные тоталитарные теории.

24. Деревянченко Ю. И. Ленинская концепция переходного периода: истоки тоталитаризма / Гуманитарное знание. Ежегодник. Вып. 5. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 15–19.

25. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1995. С. 120.

Тоталитаризм начал формироваться в России в 20-е годы XX века. После октябрьского переворота в 1917 году В. И. Ленин и другие лидеры большевистской партии заявляли, что в России победила пролетарская революция, в результате которой власть перешла в руки рабочего класса, что это «не ограниченная никакими законами» и «на насилие опирающаяся» диктатура пролетариата, действующая в форме Советов сверху донизу²⁶.

Новая власть, лишенная национальной²⁷ поддержки, по мнению А. В. Бакунин²⁸, стала опираться на рациональные мотивы, то есть на гражданское сознание необходимости порядка и власти вообще.

Окончательно тоталитаризм в СССР был установлен И. В. Сталиным в 1930-х годах, когда репрессии и террор стали нормой жизни, были искоренены остатки оппозиции и свободы слова, создано государство, охватывающее практически все стороны человеческого бытия.

О. Мандельштам характеризуя сталинский тоталитаризм писал:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.
Только слышно кремлевского горца —
Душегуба и мужикоборца²⁹.

Подобные режимы в XX веке функционировали и в других странах, однако советский тоталитаризм отличался агрессивностью распространения, в том числе и в отношении своих граждан, масштабностью задач и целей.

Новый политический режим требовал своего обоснования. Диктатура способна на сравнительно непродолжительное время обезволить, захватить власть над человеком, но длитель-

26. Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 6, 30, 383.

27. В данном случае нация как множество совокупного проживающего на территории государства населения.

28. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. Екатеринбург, 1997. С. 159.

29. Мандельштам О. Мы живём, под собою не чуя страны // Известия. 26.05.1992.

ный контроль властной группы требует своей легитимизации. Причём такая легитимизация востребована в первую очередь в институциональной среде. Теория суверенитета в ленинско-марксистском изложении стала одним из инструментов легитимации действий советской власти, активно разрабатывались соответствующие научные теории.

А. Малицкий указывал, что:

провозглашение принципов, что власть исходит от народа, выражает не что иное, как исторический протест против власти феодалов — и стремление поставить королевскую власть в зависимости от буржуазии... эта идея, учение о суверенитете народа, возникла во второй половине средних веков, и при том она возникла, как определенное идеологическое орудие борьбы... народный суверенитет есть нечто реально не существующее, это есть некоторая фикция... Совсем другое дело, если понимать под суверенитетом самостоятельность. Что такое самостоятельность? Это есть возможность осуществлять вполне самостоятельно свою инициативу. Когда же говорят о суверенитете верховного органа государственной власти, то под этим понимают свойство данного органа³⁰.

С. А. Голунский и М. С. Строгович писали:

суверенитет есть юридическая форма, в которой выражается способность государственной власти повелевать и не допускать вмешательства в свои повеления других государств. Фактически такая возможность обеспечивается только военной и экономической мощью государства... Понятие суверенитета означает: независимость государственной власти от власти какого-либо другого государства; отсутствие формальных правовых ограничений государственной власти, возможность для нее принять любое решение, которое она признает необходимым; верховенство государственной власти по отношению ко всем другим организациям, существующим на территории данного государства... Суверенитет со всеми его свойствами (независимость, верховенство, неогра-

30. Малицкий А. Советское государственное право: Очерки. Харьков, 1926. С. 210.

ничленность) принадлежит лишь высшей государственной власти³¹.

Подчеркивая ярко выраженный классовый характер нового государства, И. Д. Левин в монографии «Суверенитет», изданной в 1948 г., в качестве носителя суверенитета признавал рабочий класс. Он отмечал:

Власть рабочего класса опирается на волю и активную поддержку всех трудящихся, сознавших, что интересы диктатуры рабочего класса — это всенародные интересы. Народный суверенитет Советского государства — это диктатура рабочего класса, опирающаяся на союз с крестьянством³².

Диктатура пролетариата есть власть, не ограниченная никакими законами, писал А. Я. Вышинский:

диктатура пролетариата, создающая собственные законы, пользуется законами, требует соблюдения законов, карает за нарушение законов. Диктатура пролетариата не означает анархии и беспорядка, наоборот, она означает строгий порядок и твердую власть, действующую на строго принципиальных основаниях, изложенных в Основном законе пролетарского государства — в Советской Конституции³³.

Диктатура пролетариата подразумевала, что власть не связана какими-либо ограничениями, кроме тех, которые она сама на себя наложила и от которых в любой момент может отказаться, и эта идея стала метаосновой концепции «тоталитарного суверенитета».

Диктатура пролетариата не может быть «полней» демократией, писал И. Сталин³⁴ с опорой на труды В. И. Ленина, демократией для всех, и для богатых, и для бедных. Диктатура пролетариата должна быть государством по новому демократическим, и по новому диктаторским.

31. Теория государства и права. М., 1940. С. 149.

32. Цит. по: Левин И. Д. Суверенитет. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 275.

33. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 19.

34. Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1933. С. 28–30.

Суверенитет А. Я. Вышинским рассматривался в качестве политической власти, способности государственной власти повелевать, приказывать, приуждать к исполнению повелений, приказаний:

Советский суверенитет опирается на государственную мощь СССР, на могучую социалистическую систему хозяйства и лежащую в ее основе социалистическую собственность... экономическую и оборонную мощь страны³⁵.

В тексте конституции СССР от 06.07.1923 г., как и в конституции СССР от 5.12.1936 г., Конституции СССР от 07.10.1977 г., носитель и источник суверенитета не был определён, как и основные признаки суверенитета.

Таким образом, возможно выделить следующие принципы концепции суверенитета в СССР:

- суверенитет — это свойство верховного органа власти самостоятельно (независимо) повелевать, основанное на военной и экономической мощи государства;
- суверенитет принадлежит исключительно верховной власти, является неделимым, идея о народе (нации) в качестве носителя суверенитета признается фикцией;
- правовые ограничения присутствуют, однако их творцом является сама верховная власть, в любой момент она может их отменить/модифицировать;
- теория суверенитета может быть использована, и часто используется, в целях идеологического манипулирования.

4. Концепция суверенитета в современном тоталитарном государстве на примере Российской Федерации

Многие десятилетия диктатуры и террора формируют у населения определенный тип культурно-правовой ориентации, что в условиях политической, экономической и правовой нестабильности, противоречий между формальной и фактической действительностью, расширением социально-экономического

35. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 140.

неравенства, способно стать триггером установления тоталитарного режима, независимо от формальных нарративов.

Современный тоталитаризм не только опирается на инструменты тоталитарных режимов XX века, но и в силу процессов глобализации, развития интернет-пространства, тенденцией исчерпания концепцией национальных государств своего потенциала, создает новые тоталитарные инструменты, методологию «новой тоталитарной реальности», цель которой неизменна — полный контрольластной группы над обществом.

В новой тоталитарной реальности активно используется концепция суверенитета, как в институциональной среде, так и в политической сфере.

Достойным продолжателем «славных» традиций советского тоталитаризма стало современное российское государство.

Согласно данным доклада «Индекс демократии 2023. Эпоха конфликтов» организации Economist Group³⁶, Россия занимает 144-е место из 167, относясь к группе стран с авторитарным политическим режимом (в ряде стран констатируется наличие диктатуры), которые, как отмечается в докладе, провоцируют войну и конфликты.

Российские учёные под суверенитетом государства предлагаю понимать: «верховенство и независимость государственной власти при осуществлении своих функций внутри своей территории и за ее пределами, в международном обществе Российской Федерации является суверенным государством, суверенитет которого исходит из суверенитета народа (ст. 3)»³⁷; «свойство и способность государства самостоятельно, без вмешательства извне, определять свою внутреннюю и внешнюю политику при условии соблюдения прав человека и гражданина, защиты прав национальных меньшинств, соблюдения норм международного права»³⁸; по мнению Ж. И. Овсепян суве-

36. Democracy Index 2023. Age of conflict. URL: <https://tinyurl.com/2clpz453> (дата обращения 03.04.2024).

37. Конституционное право России. М., 2012. С. 121.

38. Комкова Г. Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 2011. С. 77.

ренитет направлен на обеспечение высшей юридической силы конституции. М. Н. Марченко писал, что: «Суверенитет как признак государства означает верховенство и независимость государства, государственной власти внутри и вне общества, на территории, на которой возникло, существует и действует данное государство, и по отношению к другим иностранным государствам... Суверенитет государства стремится быть абсолютным, т. е. неограниченным. Однако в реальной жизни он ограничивается факторами различного свойства — внешними, внутренними, объективными, субъективными»³⁹. По мнению Н. С. Тимофеева «Современный вектор развития требует нового прочтения и понимания, воли народа и реализации государственного суверенитета на базовых ценностях народного суверенитета... никто не против сильной и при этом квалифицированной власти. А она будет принимать решения исходя из их целесообразности»⁴⁰.

В статье ст. 3 Конституции РФ содержится следующее положение: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 N 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“», судьями Конституционного суда РФ предложена следующая интерпретация ст. 3 Конституции: суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный

39. Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства. М., 2011. С. 117.

40. Тимофеев Н. С. К возрождению суверенитета и народовластия (иерархический характер упорядоченного народовластия) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 28–33.

признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус. Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации.

М. Н. Марченко писал (и схожее мнение высказывает Ж. И. Овсепян):

согласно широко признанной в современных государствах конституционной теории, в триаде «общество — государство — государственная власть» первичным звеном является «народный суверенитет», ассоциирующийся, как правило, с «народовластием», «народоправством» и т. п.; вторичным — «государственный суверенитет» как производное свойство или явление от «народного суверенитета» и, наконец, третичным звеном в этой триаде является «государственная власть»⁴¹.

Анализ научных работ, текста конституции России, подтверждает закрепление в России на институциональном уровне наиболее распространенной в мировой практике концепции признания народа в качестве носителя суверенитета. Суверенитет является признаком государства, суверен — государственная власть. В данном случае речь идет об органах государственной власти, то есть о группе лиц или индивидууме, наделенных правом принимать властные решения на принципах коллегиальности или единоличия. Орган государственной власти обладает государственно-властными полномочиями, действует от имени государства, участвует в реализации задач и функций государства.

Если на институциональном уровне позиции ученых-правоведов и судей конституционного суда в части интерпретации концепции суверенитета обладают определенной тождественностью с концепциями стран западного мира, то

41. Марченко Н. Государственный суверенитет // Правоведение. 2003. № 1. С. 186–197.

политическая сфера пестрит разнообразными трактовками термина «суверенитет».

На начальном этапе развития современной России, суверенитет государства увязывался с уровнем жизни населения⁴²; состоянием дел в армии и на флоте⁴³; акцентировалось внимание на уважительном отношении к суверенитету и целостности других государств⁴⁴.

С 2022 г., в условиях все более открытого проявления признаков установившегося тоталитарного режима, риторика политических властей существенно меняется.

Указывается на необходимость отстаивания политического суверенитета, национальной идентичности, укрепления экономической, финансовой, кадровой, технологической самостоятельности страны, и независимости⁴⁵. Бенито Муссолини почти сто лет назад высказывал во многом тождественные идеи: «Государство является гарантией внешней и внутренней безопасности, но оно также есть хранитель и блюститель народного духа, веками выработанного в языке, обычаях, вере. Государство есть не только настоящее, оно также прошедшее, но главное, оно есть будущее»⁴⁶.

В 2023 г. констатируется наличие битвы за суверенитет, которая также является битвой за справедливость и носит освободительный характер, так как отстаивает безопасность и благополучие народа, высшее, историческое право быть Рос-

42. Путин В. В. Послание федеральному собранию РФ. 24.07.2007 // Путин В. В. Избранные речи и выступления. М., 2008. С. 108.

43. Путин В. Вступительное слово на совещании руководящего состава Вооруженных Сил. 16.11.2006 // Путин В. В. С. 112.

44. Путин В. В. Выступление на совещании с руководителями силовых ведомств. 11.09.2002 // Путин В. В. С. 204.

45. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения 03.04.2024).

46. Mussolini B. The political and social doctrine of fascism. The Hogarth Press, 1933. Р. 12.

сией — сильной, независимой державой, страной-цивилизацией⁴⁷.

Появляются такие понятия как «истинный суверенитет»⁴⁸; «научно-технологический», «ценностный суверенитет», «суверенная наука»⁴⁹; «суверенная система образования»⁵⁰; «суверенитет граждан», «подлинный суверенитет»⁵¹.

В 2024 г. в качестве одной из опор суверенитета называется политическая система России. Защита, укрепление суверенитета, отмечает В. В. Путин, идет по всем направлениям и, прежде всего, на фронте... Суверенитет нужно доказывать, подтверждать каждый день⁵². 6 марта 2024 г. звучит еще более экстравагантное заявление В. В. Путина: «Россия управляется непосредственно господом Богом»⁵³. Как здесь не вспомнить слова И. Канта: «Власть происходит от Бога, так как она независима от людей, подданные могут только жаловаться, но не сопротивляться»⁵⁴.

Реальна ли концепция народного суверенитета, о которой пишут российские ученые и которая закреплена в тексте национальной конституции? Существует ли возможность

47. Пленарное заседание Всемирного русского народного собора.

28.11.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863#sel=40:44:S,40:44:S> (дата обращения 03.04.2024).

48. Интервью В. Путина Дмитрию Киселёву. 13.03.2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73648> (дата обращения 03.04.2024).

49. Торжественный вечер по случаю 300-летия Российской академии наук. 08.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73410> (дата обращения 03.04.2024).

50. Заседание Государственного Совета. 27.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73188> (дата обращения 03.04.2024).

51. Послание Президента Федеральному Собранию. 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения 03.04.2024).

52. Там же.

53. Путин уверен, что Россия управляется Богом, но живет талантами своего народа. 06.03.2024 г. URL: <https://tinyurl.com/24r4uqq3> (дата обращения 03.04.2024).

54. Цит. по: Палиенко Н. И. Цит. соч. С. 97.

использования данной концепции суверенитета населением для сдерживания высшей власти, или же речь идет о правовом фантоме, функции, целью которой является исключительно легитимация решений властной группы?

Для ответа на поставленный вопрос следует определить, соответствуют ли принимаемые высшей властью решения, воле нации.

Волей нации, писал К. Шмидт, оправдываются любые принимаемые властью решения, рациональность которых сомнительна. Волей нации оправдываются решения о начале военных действий, о милитаризации экономики, изменении конституции. Нация может хотеть чего угодно:

содержание ее воли всегда имеет ровно такую же правовую ценность, что и содержание того или иного положения конституции, она может в любой момент осуществлять свое вмешательство посредством законодательных, юридических или просто фактических актов. Нация становится неограниченными не допускающим никаких ограничений обладателем *jura dominationis*, которые не надо даже ограничивать случаем крайней нужды⁵⁵.

Б. С. Эбзеев предлагает термином «российская нация» именовать сограждан, обладающих устойчивой юридической связью с государством, независимо от этнической принадлежности⁵⁶.

С. Н. Бабурин отмечает:

великороссы, белорусы и малороссы и есть русский народ, а русская нация — это совокупность русского и единых с ним народов. Нация как социально-правовой феномен охватывает всех граждан (подданных) государства и является политико-правовым синтезом населения и власти⁵⁷.

Путаницу также вносит сталинская теория, согласно которой в советской официальной доктрине деление народов

55. Шмидт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005. С. 167.

56. Конституционное право России. М., 2012. С. 162.

57. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М., 2020. С. 238.

осуществлялось на нации, национальные группы и народности. Нациями считались те народы, которые имели свою государственность — республики: союзные и автономные», но так как автономная область обладала рядом признаков национального государства, она также стала связываться с понятием «нация».

Предлагаемая российскими учеными трактовка «нации» как совокупности граждан одного государства, не отличается оригинальностью. Еще Аристотель указывал, что государство есть совокупность граждан.

Такое определение «нации»⁵⁸ в фокусе концепции суверенитета, учитывая, что население России по данным Федеральной службы государственной статистики РФ на 2023 год составляет 146,4 млн человек⁵⁹, и состоит как известно из достаточно пестрого смешения различных этносов, отличается разнообразием философско-религиозных и культурных идей, ставит вопрос о принципиальной возможности формирования «согражданами» обдуманной солидаризированной воли.

Право, как известно, наука, устроенная на эмпирических доказательствах, соответственно, потребуется обратиться к соответствующей правовой и политической практике современной России.

- Федеральным законом от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» был повышен пенсионный возраст впервые за 90 лет советской и постсоветской истории, при этом с «согражданами» относительно данного

58. Население, объединенное лишь наличием «согражданства», не связанное общностью нравов, обычаев, философско-религиозными идеями, симпатиями и антипатиями, не осознающее свою индивидуальность, не прошедшее долгий путь формирования демократического общества, раскрыть потенциал концепции народного суверенитета в качестве инструмента сдерживания власти не в состоянии.

59. Демография. 2023. URL:<https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 03.04.2024).

закона никто не советовался. В итоге более 90% россиян в 2018 году выступили против этой реформы и повышения пенсионного возраста. В марте 2021 года, отвечая на вопрос Всероссийского центра изучения общественного мнения, какие законы они бы приняли или отменили в стране, россияне на первое место (с отрывом более чем в два раза от второго) поставили отмену пенсионной реформы⁶⁰.

- 21 сентября 2022 г. президент России В. В. Путин, в целях, в том числе, защиты суверенитета России⁶¹, объявил, обращаясь к населению России частичную мобилизацию, издав Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». Население России отреагировало на объявление мобилизации крупнейшей волной эмиграции из страны с момента распада СССР⁶².

Приведённые примеры подтверждают явное несоответствие воли «сограждан» («многонационального народа России» в терминах национальной конституции), решениям, принимаемым верховной властью. Конечно, население России неоднородно, и существуют большие группы населения, поддерживающие властные решения, однако в приведённых примерах (как и во многих иных случаях) компромиссное решение, с учётом осознанной воли населения, принято властью не было.

5. Заключение

Я считаю возможным выдвинуть гипотезу о формировании концепции «тоталитарного суверенитета», признаками которой являются:

60. Пенсионная реформа в России (2019–2028). URL: <https://tinyurl.com/2ypr9s5jy> (дата обращения 03.04.2024).

61. Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина 21.09.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69390> (дата обращения 03.04.2024).

62. Эмиграция из России после вторжения России на Украину. URL: <https://tinyurl.com/2jsu767d> (дата обращения 03.04.2024).

- нивелирование права народа на демонтаж власти;
- приздание концепции народного суверенитета декларативного характера, при этом в тексте конституции как правило содержится указание на производность власти от народа, который рассматривается в качестве источника власти и носителя суверенитета, что в свою очередь является правовым фантомом;
- использование концепции суверенитета в целях удержания и расширения политической власти, легитимизации решений, принимаемых властной группой;
- фактическая принадлежность суверенитета исключительно властной группе, его неделимость. Народ хотя и может обладать определенным влиянием на политические процессы, однако в большинстве случаев такое влияние незначительно и номинально, народ не суверен, поскольку его поведение определяется чужой волей. Со временем в среде властной группы выделяется лидер, позиционирующий себя в качестве суверенного субъекта властоведения и концентрирующий властные полномочия;
- присутствуют правовые ограничения действий верховной власти, которые ею же установлены и всегда могут быть отменены, таким образом в среде властной группы со временем устанавливается анархия (в части игнорирования конституции и национальных законов);
- фактический суверенитет трактуется в качестве возможности властной группы самостоятельно (независимо) повелевать, основанный на военной и экономической мощи, терроре и репрессиях, установлении тотального контроля над обществом, с опорой как на государственные, так и частные органы принуждения;
- осознание в обществе суверенитета государства в качестве исключительно суверенитета властной группы/ее лидера;
- отрицание идеи о возможной трансформации национального суверенитета в народный (мировой), активное культивирование идеи «инаковости» нации;

- использование концепции суверенитета властной группой в целях «отпора» национальной и международной оппозиции;
- искусственное создание различных «видов суверенитета», в зависимости от политической конъюнктуры.

Библиография

- Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2020.
- Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Книга 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1995.
- Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949.
- Демография. 2023 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 03.04.2024).
- Деревянченко Ю. И. Ленинская концепция переходного периода: истоки тоталитаризма // Гуманитарное знание. Вып. 5. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 15–19.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. СПб.: Н. К. Мартынов, 1908.
- Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастаания / Пер. с фр. А. В. Матешук, В. П. Гайдамака. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010.
- Заседание Государственного Совета. 27.12.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73188> (дата обращения 03.04.2024).
- Интервью В. Путина Дмитрию Киселёву. 13.03.2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73648> (дата обращения 03.04.2024).
- Кант И. Критика практического разума / Пер. с нем. и предисл. Н. М. Соколова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: В. И. Яковенко, 1908.
- Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. Изд. 3-е, расш. и доп. М.: Изд-во «Европа», 2006.
- Комкова Г. Н. и др. Конституционное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
- Конституционное право России / Под ред. Б. С. Эбзеева, А. С. Прудникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
- Левин И. Д. Суверенитет. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Изд-во политической литературы, 1981.
- Лукьянова Е. А. Заметки о конституционной идентичности и о суверенитете // Юстиция. 2021. № 3–4. С. 74–80.
- Малицкий А. Советское государственное право: Очерки. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1926.
- Мандельштам О. Мы живём, под собою не чуя страны // Известия. 26.05.1992.

- Марченко Н. Государственный суверенитет // Правоведение. 2003. № 1. С. 186–197.
- Марченко М. Н. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, изд-во «Проспект», 2006.
- Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина 21.09.2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69390> (дата обращения 03.04.2024).
- Палиенко Н. И. Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. — Ярославль: Тип. губ. правл., 1903.
- Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет: история и современность. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013.
- Пенсионная реформа в России (2019–2028). URL: <https://tinyurl.com/2yp9s5jy> (дата обращения 03.04.2024).
- Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. 28.11.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863#sel=40:44:S,40:44:S> (дата обращения 03.04.2024).
- Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 17.06.2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения 03.04.2024).
- Послание Президента Федеральному Собранию. 29.02.2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения 03.04.2024).
- Путин В. В. Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008.
- Путин уверен, что Россия управляется Богом, но живет талантами своего народа. 06.03.2024 г. URL: <https://tinyurl.com/24r4uqq3> (дата обращения 03.04.2024).
- Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Сталин И. Вопросы ленинизма. М.: Издательство ЦК ВКП (б) «Партизат», 1933.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 110–127.
- Теория государства и права / С. А. Голунский и М. С. Строгович. М.: Юриздат, 1940.
- Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства / Под ред. М. Н. Марченко. М.: Издательство «Зерцало-М», 2011.
- Тимофеев Н. С. К возрождению суверенитета и народовластия (иерархический характер упорядоченного народовластия) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 28–33.
- Торжественный вечер по случаю 300-летия Российской академии наук. 08.02.2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73410> (дата обращения 03.04.2024).
- Хейвуд Э. Политология / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

- Черняк Л. Ю. Общетеоретические проблемы государственного суверенитета: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.
- Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; Под ред. Д. В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005.
- Эмиграция из России после вторжения России на Украину. URL: <https://tinyurl.com/2jsu767d> (дата обращения 03.04.2024).
- Constant B. Cours de Politique constitutionnelle, ed. Laboulaye de 1872, p. 279–280.
- Democracy Index 2023. Age of conflict. URL: <https://tinyurl.com/2clpz453> (дата обращения 03.04.2024).
- Friedmann W. The Changing Structure of International Law. London, 1964.
- Kegley Charles W., Wittkopf Eugene R. World Politics: Trend and Transformation. Thomson Higher Education, 2006.
- Mussolini B. The political and social doctrine of fascism. The Hogarth Press, 1933.
-

Reflections on the concept of sovereignty in a totalitarian state

Andrei Krotov

Doctor of Law, Professor (Ashkelon, Israel)

Abstract: The aim of this article is to study the peculiarities of formation and development of the concept of sovereignty in a totalitarian state on the example of two countries: the USSR and Russia, to determine the signs of "totalitarian sovereignty". Such methods of scientific cognition as historical, sociological, comparative-legal, statistical were used. The author relied in the course of scientific research on the works of such famous scientists as E. Heywood, B. Jouvenel, K. Schmitt, M. N. Marchenko, I. Kant, T. Hobbes, D. Locke, G. Jellinek and others.

Applied to the period of formation of the concept of sovereignty in the USSR, the article analyzes the political and legal views of V. I. Lenin, I. V. Stalin, I. D. Levin, A. Y. Vyshinsky and other authors. The main principles of the concept of sovereignty in the USSR are revealed, including the belonging of sovereignty exclusively to the supreme power, the use of the concept of sovereignty for the purposes of ideological manipulation and a number of others.

When studying the peculiarities of the modern concept of sovereignty in the totalitarian state, the inconsistency of the concept of sovereignty in the institutional environment and the sphere of politics is emphasized, the revealed contradictions are described, practical examples are given, confirming the fictitiousness of the concept of popular sovereignty in the Soviet Union.

Key words: totalitarianism, concept of sovereignty, legitimacy, power, nation.

DOI: 10.55167/2f8da641f9ea

Гибридная цензура на службе суверенитета

Владимир Харитонов

Кандидат философских наук, издатель (Свободный университет),
тех. директор Freedom Letters

Аннотация: В статье анализируется механизм цензуры культуры, который был постепенно выстроен в современной России для изоляции страны и подавления инакомыслия под прикрытием борьбы с экстремизмом. Автор рассматривает институциональные инструменты цензурного аппарата, его гибридный характер, а также пути возможного преодоления цензуры в будущем.

Ключевые слова: цензура, самоцензура, гибридность, автократический режим, культурная изоляция, свобода слова.

В современной России — со времён аннексии Крыма — модус гибридности можно обнаружить повсюду. Кажется, он проник во все сферы общественной и политической жизни. Были ли российские войска в Крыму? «Нет», — говорила официальная власть. «Но, — подмигивала официальная пропаганда, — конечно, есть. Правда, вы ничего не докажете!» А потом сотрудникам этой пропаганды эта же власть вручала ордена и медали за «возвращение Крыма в родную гавань». «Их там нет», — но российские войска, конечно же, были в Украине все десять лет накануне войны, и никто даже не особо не отрицал этого факта, «вот только вы ничего не докажете, а обмундирование можно купить в любом магазине». И сейчас в Россия всё ещё «не воюет», а проводит «специальную военную операцию».

Примерно так же в России нет цензуры. Более того — она запрещена Конституцией. И, конечно, нет никакого Главного управления по делам литературы и издательств СССР, как — несколько стыдливо — именовалось это ведомство во времена СССР. Но цензурный механизм есть. Его, не слишком торопясь, на протяжении пары последних десятилетий строили, причём

вовсе не для книжной отрасли, а для всего политического пространства.

С самого своего начала ориентированный на «стабильность», то есть предотвращение любых изменений, режим был более всего озабочен, конечно, не книгами, а неконтролируемой политической активностью. Поэтому одним из первых под цензурный запрет попал «экстремизм», под определение которого попала практически любая нелояльная активность.

Цензурный механизм, построенный в России, состоит из нескольких частей, две из которых являются необходимой и органичной частью любого автократического режима: это сервильный суд, не являющийся самостоятельной ветвью власти, и аппарат правоохранительных сил, главным результатом деятельности которого является отчетность по выявлению правонарушений. Сами по себе они полностью воплощают собой почти полностью деградировавшую бюрократию, работа которой состоит в демонстрации необходимости своего существования. Правоохранители исправно выявляют правонарушения (если их нет, то они создаются), а суды исправно осуждают всех обвиняемых, потому что их оправдание было бы демонстрацией несостоительности как коллег-правоохранителей, так и их самих.

Третья составная часть цензурного механизма несколько более оригинальна: это постепенно сложившийся свод особых законов и специфическая практика их толкования и применения. Каждый из этих законов носит запретительный или ограничительный характер, но при этом, конечно же, напрямую не предусматривает никакой цензуры, которая, как известно, запрещена Конституцией (п. 5 ст. 29). Все эти законы напрямую не ограничивают свободу мысли и слова, но — с разрешения п. 2 ст. 29 Конституции РФ, оказавшейся отличной лазейкой для строительства так называемого «антиэкстремистского» законодательства — запрещают пропаганду ненависти и вражды и, уже без всякого разрешения, распространение самой разной информации, признанной социально или политически опасной, например, о наркотиках, или содержащей сравнение гитлеровского режима с советским, или о равнозначности однополых отношений и т. д. Специфическая практика применения

этих законов при этом напоминает работу магического сознания, для которого любая манифестация символа одновременно уже является и действием: изображение листка конопли уже является рекламой наркотиков, а рисунок радуги — пропагандой ЛГБТ. С началом полномасштабной войны России с Украиной набор запретительных законов пополнился законами «о фейках», применяя который российского правосудие смогло признать таковыми даже любое сочетание цветов украинского флага.

Гибридность до последнего времени была одним из ключевых аспектов общего характера российской автократии в самых разных сторонах её проявления в общественной и политической жизни. Поскольку единственной целью российского автократического режима (которая, к слову, описывает и личную стратегию большинства россиян) является продление его существования, залог сохранения власти владельца и главы этого режима и допущенных к совладению элит, то определенная и сододержательная стратегия вовсе не требуется: он просто хочет сохраниться, то есть сохранять себя при любых изменениях вовне или внутри страны. Определенная стратегия была бы даже опасна: необходимость ей следовать мешала бы адаптации. Гибридная — двусмысленная, неопределенная, построенная на *double bind* — политическая тактика значительно более адаптивна. Режим даже готов генерировать турбулентность во внешней и внутренней политике, чтобы более или менее эффективно (с точки зрения стратегической цели самосохранения) приспособливаться к управляемым им самим переменам.

В целом бессодержательная стратегия самосохранения требует, однако, наполнения информационно-пропагандистской повестки, задания локальных тем для реагирования на внешнюю и внутреннюю политику, а последнее время — ещё и на внутренние движения в голове владельца режима. Именно поэтому нынешний «национал-большевизм» государственной пропаганды является ни парадоксальным (как же, режим же преследовал НБП?!), ни этиологическим (он не ведет свою историю от НБП), но каузальным: так получилось и так удобно. Никакой «радости» нацболам, конечно, от этого не будет. Ровно то же касается ура-патриотов и национал-консерваторов типа

Дугина, Прилепина и пр. Изменится способ реагирования на ситуацию — изменится и пропагандистская повестка. В этом смысле постаревший путинизм схож с поздним сталинизмом.

У режима нет идеологии, но есть своя эстетика и стиль — консерватизм как сохранение идентичности через отрицание любой угрожающей его существованию инаковости. Ростки этого стиля можно найти и в предыдущем этапе российской истории — в поисках русской особости, особого «третьего» русского пути. На новом витке эти поиски уже можно было обнаружить как предтечу концепции «сouverennой демократии», от которой — постепенно, вместе со старением власти и за ненадобностью, постепенно отпала «демократия». Остался «сouverенитет», практически реализуемый по преимуществу через самоизоляцию и самоуправство, сбрасывание с государства любых международных обязательств (при декларируемом пока ещё следовании международному праву) и, конечно, культурную изоляцию, направленную как вовне против текущего символического врага в лице Запада, так и внутрь — против манифестаций этого Запада в лице иностранных агентов, ЛГБТ-активистов и пр.

И для этой цели неплохо подходит созданный в России, кажется, без особого плана механизм цензуры, которому не требуется централизованное управление Главлитом (которого так вождёл национал-консерваторы). Достаточно включить, одобрав, положительную обратную связь для «сигналов снизу», — и никаких сигналов «сверху» не понадобится. Остальное доделают, при поддержке государственной пропаганды, прокуратура (следственный комитет и т. д.) и суды. Главный её результат не столько конкретные запреты (изъятие из продажи книг, запреты спектаклей и пр. культурных мероприятий), сколько создание атмосферы напряжения в культурной среде, которая переводит часть работы цензуры в бюрократически эффективный режим самоцензуры. Если издатель будет более внимателен к выбору книг для публикации, а автор — к выбору тем и слов для выражения, то задача цензуры кажется заранее решенной.

Но такого неформального трансфера цензурной функции от государства частному бизнесу, конечно, недостаточно

для полной зачистки информационного и культурного пространства, во-первых, потому, что у нынешний цензура нет опоры в виде идеологических институтов, как в имперский (церковь) или советский (партия) периоды. Современная российская бюрократия с большим трудом строит новые институты, хотя она — в полном соответствии с гибридной политикой режима — умеет запускать и прекращать кампании по мере реактивной необходимости. Но есть и вторая причина, может быть, более важная: цензура не воспринимается в качестве необходимой обществом. Жертвой цензурных запретов последнего времени, например, в книжной сфере, становятся действительно популярные и любимые читателями писатели. Исчезновение их книг с полок магазинов и библиотек и объявление их «иностранными агентами» и «экстремистами» не выглядит убедительным и заслуживающим поддержки. Вопреки распространенному в среде национал-консерваторов мнению, что в культурной сфере всё решается тиражами и пропагандой, логика культурной индустрии обратная: тиражи и популярность формируются не столько маркетингом, сколько адекватным ответом на ожидания и запросы читателей.

Всё это создает некоторое, пусть и ограниченное, пространство и неподконтрольности, и даже фронды внутри культурной индустрии. Немалая ее часть всё еще живет надеждой на то, что сможет пережить без серьезных повреждений нынешнюю российскую автократию и вернуться к прежнему относительно мирному существованию с государством, а потому старается осторожно, аккуратно и аппелируя к понятному бюрократии легализму, сопротивляться цензурным ограничениям.

Вероятно, бессмысленно строить прогнозы о перспективах эволюции культурной цензуры, поскольку она напрямую будет зависеть от дальнейших приключений режима. Его старение и окостенение, скорее всего, приведут к усилению цензуры и трансформации распределенного механизма запретов к полному централизованному регулированию. Но вот будет ли у режима шанс постареть самостоятельно?

Уже накопленный опыт, однако, ставит вопрос о том, какими могут быть юридические и институциональные ме-

низмы, которые в будущем смогут если не предотвратить, то хотя бы затормозить возвращение цензуры. Достаточно ли будет отмены цензурных ограничений? Не будет ли более надежной гарантией, например, полная конституционная защита свободы слова вплоть до защиты «речи вражды» по аналогии с американской конституцией?

Библиография

- Forbidden Literature: Case studies on censorship / Ed. by E. Erlanson et al. Nordic Academic Press, 2022. DOI: 10.21525/Kriterium.22.
- Бейтсон Г. К теории шизофрении // Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000.
- Лукьянова Е. А. и др. Выборы строгого режима. Свободный университет, 2022. DOI: <https://doi.org/10.55167/d3d8eaf94584>.
- Сурков В. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43 (537). URL: <https://tinyurl.com/235qaxhr>.
- Третьяков В. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина // Российская газета. 28.04.2005. URL: <http://www.rg.ru/2005/04/28/tretyakov.html>.

Hybrid censorship in the service of sovereignty

Vladimir Kharitonov

PhD in Philosophy, Publisher (Free University), Technical Director of Freedom Letters

Abstract: The article analyzes the mechanism of cultural censorship, which was gradually built in modern Russia to isolate the country and suppress dissent under the guise of fighting extremism. The author examines the institutional tools of the censorship apparatus, its hybrid character, and ways of possible overcoming censorship in the future.

Keywords: censorship, self-censorship, hybridity, autocratic regime, cultural isolation, freedom of speech.

DOI: 10.55167/28798fe3d7e6

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Хроники Свободного университета

Часть девятая (Лето–осень 2023 года)

Елена Лукьянова

Профессор Свободного университета

9 августа 2023 член правящей коллегии Свободного университета *Кирилл Мартынов* написал

Я преподаватель философии и полон ярости: никто не будет мне указывать, о чем говорить со студентами.

Так что участники Свободного университета, надев шапочки из фольги, готовятся к новому сезону, и призывают вас участвовать.

В марте мы были объявлены нежелательной организацией, что весьма почетно с учетом того, что этот тезис исходил от кровавых палачей и авторов «новых учебников истории». Мы заявили о завершении деятельности Свободного в России, чтобы защитить студентов и преподавателей, и, к счастью, на сегодняшний момент никто не пострадал. Постараемся и дальше заботиться о безопасности.

Если вы не находитесь в России и хотите общаться со студентами без цензуры под своим именем, у нас есть замечательное сообщество, приходите к нам со своими курсами и лекциями.

Если вы не чувствуете себя в безопасности, все равно приходите с курсами и лекциями — у нас есть планы на будущее, которые стоит обсудить.

И если вы коллега из университета за пределами России, вы то нам и нужны: возможно, именно ваша солидарность сможет вытащить пять тысяч наших студентов из тюрьмы российского вуза.

Свободный университет — это самоуправляющаяся республика двух сотен преподавателей и исследователей с выборным ученым советом.

Когда нас увольняли из госуниверситетов, мы продолжили преподавать. Когда не было денег, мы продолжили преподавать.

И когда РФ объявила нас «преступниками», «заговорщиками», угрожающими «национальной безопасности и конституционному строю», за словом в карман господа профессоры тоже не полезут.

Поляки делали подпольные университеты под нацистской оккупацией, ну чем же мы хуже».

Весной и летом 2023 года вместе с организацией Science at Risk мы провели ряд круглых столов о состоянии науки, культуры и образования в России и по их результатам выпустили тематический номер нашего журнала «Палладиум» «Наука и культура в эпоху катастрофы¹. Именно этот номер «Палладиума» стал переломным в судьбе журнала. Мы оценили значение тематических выпусков — стратегию, которую за год до этого предложил наш профессор Кирилл Фокин. Журнал вдруг превратился в читаемое, обсуждаемое и цитируемое издание. Он стал узнаваемым. К этому времени мы создали редколлегию журнала и редсовет издательства, которое возглавил Владимир Харитонов. Наши издания в электронном виде начали распространяться. Задумав в свое время издательскую деятельность «на коленке», мы, наконец, начали понимать, какую огромную роль играют качественные научные материалы в репутации университета. Разрозненные кусочки пазла постепенно складывались в четкую институциональную картинку. На журнал начали подписываться университетские и национальные библиотеки в разных странах мира — от Баварской до Библиотеки Конгресса США.

За месяц до начала войны мы закончили коллективную политико-юридическо-математическую монографию о трансформации российских избирательного законодательства и парламента времен путинского правления. «Выборы строгого режима» — так мы назвали ее. Теперь стало понятно, что подобное исследование гораздо важнее, чем нам думалось, когда мы

1. URL: <https://freeuniversity.pubpub.org/palladium-7>.

его писали. Получилась книга, крайне важная для понимания того, как и при каких условиях демократии превращаются в диктатуры, а диктатуры начинают войны. Для многих это стало состоянием «свербящей мысли». Интерес к contemporaray Russian studies с точки зрения исследования негативного опыта демонтажа демократии и милитаристского реванша резко возрос. После начала российской агрессии в Украине многие задумались о создании механизмов предотвращения подобных явлений в будущем. Но для этого нужно тщательно проанализировать истоки произошедшего. Во избежание... Поэтому мы решили перевести нашу книгу на английский, чтобы ею смогли воспользоваться как можно больше ученых.

Немного оправившись от первого шока войны, мы поняли не только необходимость переосмысления недавнего прошлого, но и научной проработки вариантов будущего. Мы задумали создание Лаборатории переходного периода для России, потому что нет ничего опаснее плохо осмысленных и плохо подготовленных действий «на коленке» в условиях открывшейся форточки возможностей. Лаборатория должна включать в себя два направления — переходное правосудие и переходное законодательство (Transitional Justice и Transitional Legislation). Мы начали с курса «Переходное правосудие» Натальи Кантович. Есть такое китайское проклятие «чтоб ты жил в эпоху перемен». И именно этого желают врагу. Но нам довелось жить и работать именно в такое время. Нам пришлось адаптироваться к нему. В такие времена невозможно отсидеться на диване и быть сторонним наблюдателем — таких истории легко перемалывают своими беспощадными жерновами. Но у эпохи быстрых перемен есть и преимущества — они позволяют одному, а не нескольким поколениям осмыслить опыт спрессованного времени, позволяющий не наступать на старые грабли.

Мы про многое задумались тогда — про создание программы memory studies, про большой комплексный курс по теории литературы, про майнор «Математика как вторая специальность». Теперь от замысла нужно было переходить к воплощению.

Тогда же, в августе-сентябре 2023 года активизировался YouTube канал Свободного университета². Первыми публичными лекторами-гостями создателя и руководителя канала Кирилла Мартынова стали Галина Тимченко, Дмитрий Глуховский, Александр Черкасов, Виктор Вахштайн, Илья Яблоков и Михаил Климарев. Все лекции транслировались на YouTube с возможностью для дискуссии и вопросов со стороны слушателей. Записи лекций остались в публичном доступе (ссылки). Программа публичных лекций осени 2023 года стала своеобразным университетом в университете. «Университет без цензуры возвращается» — под таким слоганом мы ворвались в YouTube пространство.

Курс Глеба Павловского. На этом же ресурсе мы решили попробовать прочитать курс Глеба Павловского. Дело в том, что Глеб Олегович подготовил авторский курс «Проект и случайность», набрал группу, прочитал первую лекцию и покинул этот мир, оставив нам траурную рамку на сайте университета. А вот студенты расходиться не захотели.

Часть лекций прочитал ученик и соратник Павловского — Константин Гаазе. Остальной материал, как могли, разбили по темам, обозначенным Павловским. Иван Крастев, Михаил Зыгарь, Михаил Фишман, Кирилл Мартынов, Евгений Киселев, Леонид Гозман, Александр Черкасов, Елена Лукьянова. Получилось неплохо. Пусть мы не заменили покойного автора, но дело не бросили и заложили основу для критического переосмыслиния первоначальных задач курса.

Константин Бандуровский:

Добрый день. Меня зовут Константин Бандуровский, — получили мы однажды письмо. — Я занимаюсь исследованиями средневековой философии. Также я занимаюсь преподаванием средневековой философии, читаю различные авторские курсы. Я преподавал в РГГУ, РАНХиГС (liberal arts) и других вузах Москвы. После начала войны 2014 года я решил принять гражданство Украины (дали в 2018), уволился из официального места работы в 2018, но продолжаю

2. URL: https://www.youtube.com/@free_universitystreams.

участвовать в разных проектах и конференциях, а также работаю над своими проектами.

Нужна ли философия современным людям? Если да, то как изучать философию? В 2014 году я почувствовал, что преподавать (да и вообще жить) в России мне будет сложно.

С другой стороны, существующие содержания и методика преподавания философии вызывали у меня к тому времени все большее неприятие — постоянно сокращающиеся курсы философии, сводящиеся к заучиванию непонятных имен и терминов скорее вредили и ученикам, и философии. Поэтому я решился на эксперимент — попытаться преподавать независимо от каких-либо институций, так, как мне казалось правильным.

Для себя я называю свой проект «Колледиум в котомке» в честь моего земляка, украинского философа Григория Сковороды, постоянно вдохновляющего меня: он также отказался от официальной образовательной системы и стал бродить с котомкой по дорогам Слободской Украины и вести философские диалоги с казаками. Я разработал «Путь Сковороды» по местам его странствий и хотел в 2022 году, в год 300-летия со дня рождения, пройти по нему, но как раз в это время в этом месте прошел фронт, ровно по тем пунктам, которые были у меня на карте: Бахмут, Святогорск, Купянск, Харьков...

Тем не менее, институция, соответствующая взглядам историка философии, поэта и переводчика, специалиста в области средневековой философии и философии Фомы Аквинского, кандидата философских наук, стипендиата Рурского университета (г. Бохум) Константина Бандуровского нашлась. Ею оказался Свободный университет. Маленький бродячий университет «Колледиум в котомке» причалил к берегу Свободного, а Бандуровский стал нашим профессором. Дальше мы поплыли рядом. Данте, Августин, Декарт, Лейбниц, Мамардашвили...

Самое важное, — пишет Бандуровский, — мотивация и заинтересованность участников, «запрос», как выражаются психологи. Затем время — мне хотелось, чтобы эти занятия были неограниченно долгими, а философия оставалась спутницей всей жизни участника, даже если он покидал нашу группу. Лекций я старался избегать, уже работая в вузе, ограничиваясь вводными лекциями и мини-лекциями, большая часть времени должна уделяться медленному чтению,

решению философских головоломок, дискуссии, играм. Первыми участниками группы были психотерапевты, которые считали, что для успешной психотерапии нужна философия, и что на университетском курсе они не получили то, что им нужно. Это позволило мне сделать то, о чем я давно мечтал: перестроить структуру курса. В общем курсе философии и в учебниках прежде всего идут онтология и гносеология, а антропология уже не может вместиться в семестровый курс. Студента сразу ошеломляют вопросом о соотношении бытия и ничто, одного непонятного и другого непонятного. Мне хотелось начинать курс именно с представлений о человеке, а затем уже переходить к тому, в каком мире он живет (онтология) и как он познает мир (гносеология).

Мы все больше ощущали преимущества нашей междисциплинарности и возможности, которые она нам дает. Стены замкнутых в самих себе университетских факультетов и кафедр были нами разрушены. Единство непохожих (*unitas dissimiles*) — мощнейшая сила! Вот пример — переписка в профессорском чате летом 2023 года.

Татьяна Сиротинина (преподаватель компьютерного дизайна):

Коллеги, здравствуйте! Мы со студентами закончили вводный курс Графического дизайна, проекты получились достойные и интересные, на мой взгляд. Кроме собственно курса у нас был еще Практикум. Для коллег из СУ, которые создают научную базу раннего кино, мы со студентами разрабатывали логотип и оформление сайта. Судя по отзывам заказчика, результат понравился. Если кому-то будет интересно посмотреть проекты, я могу выслать запись защиты проекта или ссылку на итоговые портфолио студентов.

Анна Ковалова (автор трех курсов о раннем русском кинематографе):

Дорогие коллеги, мне посчастливилось видеть результаты работы студентов Татьяны, они разрабатывали потенциальные дизайнерские решения для базы раннего кино, над которой работали студенты моих курсов. Я хотела бы поделиться своим впечатлением: удивительно талантливые, вдумчивые и во многих случаях высокопрофессиональные работы (на

мой вкус). Спасибо огромное Татьяне и всем студентам курса «Графический дизайн»!

Андрей Аедеенков (курс «Безусловный базовый доход: этика и политическая философия»):

Здравствуйте, Татьяна! Очень интересный курс, поздравляю с его успешным завершением! Был бы благодарен за запись защищ проекта.

Галина Похмелкина (курс «Трансформация конфликта: философия, методология, практик»):

Татьяна, здравствуйте! Буду очень благодарна за ссылку на портфолио студентов, и посмотреть защиту проектов.

Российское высшее образование терпело катастрофу. 8 августа прошла презентация нового единого учебника истории России — это ровно то, от чего мы концептуально уходили в конце 80-х прошлого века, когда вместе с Евгением Сабуровым и Александром Асмоловым разрабатывали проект реформы советского образования. Чем хуже становилось в стране, тем больше звездных коллег приходило к нам. Виктор Вахштайн, Андрей Бузин, Александр Погоняйло, Ксения Лученко, Анна Каратникова, Кирилл Набутов, Дмитрий Орешкин. Знаменитый «голосовец» Андрей Бузин оказался един в двух лицах — стал профессором сразу двух цехов, поскольку являлся кандидатом и математических, и юридических наук. Он сразу готов был читать и про выборы, и про матанализ. Кто-то из вновь пришедших был уже опытным профессором, кто-то, будучи потрясающим профессионалом, занятия со студентами вел впервые. Непросто было Кириллу Набутову, Дмитрию Орешкину и Анне Каратниковой. Они — публичные, не боящиеся, казалось бы, никакой аудитории, очень переживали, получится ли учить.

Да, конечно, работать в условиях «нежелательности» трудно. Да, мы потеряли некоторое количество преподавателей и студентов. Да, нам пришлось разрабатывать строгие протоколы безопасности. Но вопреки всему, в сентябре 2023 года мы объявили набор на следующие курсы:

Цех политологии и права

- *Михаил Харитонов*. Запрет принудительного труда;
- *Ирина Чудова*. История и методология социологии;
- *Андрей Бузин*. Взлет и падение российского избирательного законодательства;
- *Михаил Савва*. Политическая экспертиза;
- *Екатерина Мишина*. Сравнительное конституционное право: вертикальная компаративистика;
- *Екатерина Мишина*. From De-Sovietization to Re-Sovetization: Constitutional and legal transformation of Russia during 1991–2023;
- *Елена Новожилова*. Судебная лингвистическая экспертиза для филологов;
- *Дмитрий Орешкин*. Политическая география.
- Школа практической юриспруденции
- *Виктор и Юлия Горбатовы*. Логика и критическое мышление для юристов;
- *Евгений Порошин*. Избирательные споры;
- *Евгения Нефедьева*. Анализ правовой нормы;
- *Елена Лукьянова*. Парламентаризм и основы законотворчества;
- *Анна Картникова*. Оказание помощи следственно арестованным, практика и нормативные акты.

Цех философии и религиоведения

- *Виктор и Юлия Горбатовы*. Основы логики и аргументации;
- *Андрей Авдеенков*. Введение в экзистенциализм;
- *Галина Похмелкина*. Трансформация конфликта: философия, методология, практика;
- *Руслан Лошаков*. Генеалогия субъекта;
- *Оксана Станевич*. Демократия в науке? Теперь да;
- *Михаил Минаков*. Западная философия XX века;
- *Александр Климович*. Введение в классическую и цифровую этику;
- *Александр Погоняйло*. Власть дискурса и дискурс власти. Теология и политика в раннем средневековье и на пороге нового времени;

- *Александр Львов.* Религиозные практики иудаизма и их презентации;
- *Ксения Лученко.* Церковь народная и государственная: русское православие при Путине;
- *Роман Устяницев.* В поисках нового героя: «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса.

Цех филологии и наук о культуре

- *Леонид Люкс.* Идейные споры первой эмиграции;
- *Григорий Пантилев.* Имперская музыка в России XIX–XX века;
- *Мария Остроухова.* Человек Музыкальный: История музыкального искусства от Неандертальца до Романа Сладкопевца;
- *Виктор Вахштайн.* Персонажи социальной теории;
- *Анна Герасимова.* Постколониализм: основные понятия.

Программа «Курсы по теории литературы»

- *Анна Клятис.* Основы теории литературы;
- *Павел Арсеньев.* История объективности, или как литература стала выглядеть современной;
- *Анна Герасимова.* Изучение читателя;
- *Сергей Зенкин.* Идея авторства в современную эпоху;
- *Евгений Сошкин.* Введение в телеологическую поэтику;
- *Гасан Гусейнов.* Риторические теории советской эпохи;
- *Борис Маслов.* Семинар по истории поэтики.

Школа истории и исторической памяти

- *Ангелина Калашникова.* Начала русского колониализма (XVI–XVII вв.);
- *Инна Штаксер.* История эмоций в социальных движениях;
- *Юлия Градская.* Гендер, интрасекциональность и советская история;
- *Алексей Мосин.* Демидовы и российское государство;
- *Никита Соколов.* Альтернативы в истории России XX века;
- *Николай Кульбака.* Транспортные коридоры России.

Майнор Public history and memory studies (программа из 5 курсов)

- *Олег Морозов.* Мемориальная культура;
- *Екатерина Клименко.* Земли памяти: Прошлое и политика в Восточной Европе;
- *Владислав Стабф.* Прошлое в музеях;
- *Александра Колесник.* Прошлое в популярной культуре;
- *Александр Русанов.* Медиевализм: Средние века в современной культуре.

Школа точных наук

- *Денис Тихонов.* Квантовая химия;
- *Игорь Жирков.* Экология и структура биосфера;
- *Ирина Солдатенко.* Аналитическая геометрия;
- *Евгений Беркович.* Альберт Эйнштейн и революции в физике XX века;
- *Леонид Перлов.* Общая география;
- *Егор Бронников.* (Ир)рациональность? Краткое введение в поведенческую экономику;
- *Татьяна Батурина.* Введение в физику конденсированного состояния;
- *Андрей Алексеенко.* Анализ научных данных: от концепции к результатам;
- *Максим Скрябин.* Статистическое моделирование;
- *Андрей Бузин.* Элементы математического анализа.

Свободные курсы Свободного Университета

- *Петр Сафонов.* 1914 — Всечеловечество или первая мировая война и Европа;
- *Борис Мельниченко.* Коллаборативная автоэнография уязвимости;
- *Олеся Савченко.* Ознакомительный актерский курс «Рождение нового» (работа по методу Михаила Чехова);
- *Макс Гольдштейн.* Природа человека: как врожденные и приобретенные признаки работают на благо или во вред особи, сообществу и виду;
- *Татьяна Сотникова.* Русская проза новейшего времени (1990-е — 2000-е). Авторы и гендеры;

- *Наталья Громова*. Дневниковая литература советской тоталитарной эпохи;
- *Дмитрий Быков*. Предсказания и пророчества в мировой литературе;
- *Татьяна и Владимир Сотникова*. Творческая мастерская «Проза для взрослых и детей, жанровая беллетристика, литературная критика, эссеистика;
- *Елена Каганова (совместно с Владимиром Харитоновым)*. Современная академическая библиография.

25 сентября 2023 года *Виктор Вахштайн* написал:

179 заявок на курс по „Персонажам социальной теории“. Я в легком шоке. Я ж не умею людей отсеивать...

Анна Картниковая:

И хочу отдельно отметить, как я рада, что у меня есть возможность прочитать курс «Оказание помощи следственно арестованным»! Помимо того, что я структурирую, обобщаю материал, делаюсь с неравнодушными людьми правовыми знаниями и личным опытом, передать который мне кажется очень важным, получаю обратную связь, — я слышу всегда добрые слова и с нетерпением жду следующей встречи, тщательно к ней готовясь. Для меня очень важны эти лекции: они и поддерживали меня и дают надежду на то, что в будущем мой опыт будет востребован, и если не я, то другие, грамотные и желающие делать тюрьмы лучше люди продолжат движение в Эру милосердия. И сейчас, и потом, с новой станции, откуда нам всем начинать. Спасибо Свободному университету за предоставленную возможность и за помочь в проведении лекций! И всем студентам! Надеюсь, что не слишком их разочаровываю...

Евгений Беркович:

Заявок на курс Альберт Эйнштейн и революции в физике XX века ровно столько же, как и в прошлый раз. Изменилась география. Теперь тут Австрия, Армения, Белоруссия, Германия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Китай, Словакия, США, Турция, Франция. Нетрудно сообразить, как современные события повлияли на этот разброс. Но поражает тяга к зна-

нию — вы бы почитали мотивационные письма — настоящий гимн Просвещению. Вот где теплится надежда.

Наталья Громова:

Мотивационные письма — абсолютно душераздирающие. С рассказами о том, что только просвещение и вытягивает из депрессии.

Юлия Горбатова:

Итак, мы с Виктором Горбатовым получили заявки на наш традиционный осенний курс в Свободном «Основы логики и аргументации».

Знаете, когда в 2020-м мы первый раз запускались, то говорили друг другу: «Даже если придут 10 заявок, мы все равно будем проводить занятия!» Тогда их пришло больше 600. Это было страшно и вдохновляюще одновременно. Больше так много ни разу не случалось, но в 2021 и 2022 их все равно было больше двухсот.

Теперь времена другие. Свободный университет — нежелательная в РФ организация. Стать нашим студентом теперь просто опасно. И мы снова говорили друг другу: «Если подадут хотя бы 10 заявок, будем вести занятия!»

Так вот, заявок 172!!!

Просто вдумайтесь, как это много по нынешним временам!

Пойду станцую, а потом читать, читать, читать!

Кто там подавался на курс? Ждите — к концу недели вам обязательно придет от нас ответ!

Кипарисия. С 10 по 16 сентября 2023 года в городе Кипарисия (Греция) Свободный университет провел свою первую международную офлайн конференцию «Язык и свобода».

За год до этого в Цехе философии и религиоведения мы начали обсуждать идею и формат междисциплинарной конференции — и вот теперь мы сделали это! 32 участника из 12 стран (Бразилия, Латвия, Литва, Южная Африка, Великобритания, Израиль, Германия, Греция, Швеция, Словакия, США, Франция) смогли приехать на гостеприимную землю Пелопоннеса, чтобы поделиться своими исследованиями о взаимосвязях языка и свободы.

В конференции приняли участие философы и филологи, историки и слависты, правоведы и исследователи современного искусства.

Основная часть представленных докладов группировалась вокруг трех сквозных тем:

1. историко-культурная эволюция понятия свободы;
2. семантика свободы в языках права и морали;
3. языки несвободы (пропаганда, имперство, двоемыслие) vs языковое сопротивление.

Мы убеждены в важности и необходимости осмыслиения того трагического опыта, который сегодня переживают и Украина, и Россия — переживают, конечно, по-разному. Об этом опыте нельзя молчать, нельзя его и забывать. Поэтому практически каждое выступление так или иначе касалось чудовищных событий, происходящих прямо сейчас. Агрессивная война России против Украины, политические репрессии внутри РФ, разгул пропаганды в российских СМИ и учебных заведениях. Языковые политики и дискурсивные практики, обслуживающие все это, должны быть подвергнуты анализу и оценке, чтобы происходящее не повторилось никогда больше.

С 1 по 7 октября в онлайн-режиме прошла вторая часть конференции. Свои доклады представили еще 20 исследователей из 11 стран (Германия, Венгрия, США, Великобритания, Польша, Швеция, Нидерланды, Россия, Грузия, Чехия, Израиль). Первый день, 1 октября, был посвящен разностороннему анализу «глубинного» слоя языка: его законов и трансформаций, а также его связи с практиками свободы и несвободы. Четвертого октября обсуждались вопросы языковой цензуры, искусственного интеллекта, методологии художественного перевода и даже языковых практик в психиатрии. Седьмого октября преобладала систематическая философия: прозвучали доклады о дискурсивной природе сознания и о свободе воли, о трансцендентальных аргументах и философии символических форм, о парадоксальности этических идеалов и о свободе в «новой этике».

Честно говоря, за всю свою достаточно длинную научную жизнь я не видела ничего подобного. Мне никогда не приходи-

лось участвовать не только в межпрофессиональных, но даже в межспециальных конференциях в рамках одной профессии. То есть если специалисты по гражданскому праву обсуждают свои проблемы, это означает, что на этом мероприятии вы вряд ли встретите публично-правового юриста. А тут вообще случился мощнейший междисциплинарный диалог. И это было очень интересно. Менялась узкопрофессиональная оптика и совершенствовались настройки научного микроскопа. И все это происходило в потрясающей дружеской атмосфере. Мы были окружены заботой и вниманием. Нам невероятно помогли фонд Science at Risk, культурная ассоциация MESK, мэрия Трифилии, мэр г. Кипариссия Йоргос Левендакис, греческие активисты Соня Турколя, Анна Зумбули, Рула Фотини, Христина Фильдиси, Георгий Белояни, Фотини Стильяна и другие. Мы невероятно благодарны всем им! И мы будем продолжать³.

Внешнеполитическая турбулентность, спираль агрессии, начавшая раскручиваться после нападения России на Украину, охватывала все новые страны и народы. Никто был больше не в состоянии спрогнозировать, какой пожар в какой точке земного шара полыхнет завтра. Увы, такой пожар сопровождает наш университет практически ежедневно с момента его основания. Казалось бы, вполне мирная междисциплинарная конференция в Кипарисии... Но можно ли 7 октября бесстрастно обсуждать философско-филологические темы на фоне новостей о бесчеловечной бойне, произошедшей на территории Израиля? Но конференция не случайна — она и о войне тоже. О том, что к ней приводит, о языке вражды, о том, откуда он берется и о том, как этому противостоять. В том числе о том, как говорить вслух о трудных проблемах и не уклоняться от морального выбора.

Мы не могли не опубликовать заявления по событиям в Израиле. Вот оно:

В Свободном университете работает много коллег, друзей и знакомых из Израиля, и мы, их коллеги, те, которые не в Израиле, решили послать нашим израильским друзьям

3. Записи докладов доступны по ссылке: <https://tinyurl.com/27dy99mr>.

и подругам короткое письмо поддержки, которое на самом деле адресовано и тем, кто в Свободном университете не преподает и даже никогда о нем не слышал...

Мы, профессора, студенты и сотрудники Свободного университета, выражаем поддержку всем нашим друзьям и коллегам в Израиле, переживающим в эти дни тяжелейшее испытание и в истории их страны, и в личной судьбе каждого, кто считает себя евреем или кого считают евреем или еврейкой другие.

Мы сознаем, что всякое словесное выражение солидарности не более, чем самоутешение, но, даже расписываясь в бессилии хоть как-то помочь всем вам, мы произносим и пишем эти слова поддержки просто потому, что, не сказав их, мы бы стали в ряды ваших — и наших с вами общих — врагов, где бы те ни находились.

Молчать — значит молча поддерживать тех, кто хочет вас убить.

А мы хотим оставаться вместе с вами.

Это заявление подписали многие профессора и друзья университета: Гасан Гусейнов, Елена Немировская, Юрий Сенокосов, Леонид Гозман, Виктор Горбатов, Юлия Горбатова, Евгений Беркович, Анна Герасимова, Анна Цимбулова, Дмитрий Орешкин, Владимир Сотников, Татьяна Сотникова (Анна Берсенева), Анна Клятис, Елена Лукьянова, Дмитрий Дубровский, Александр Погоняйло, Михаил Минаков, Валерия Андреева, Михаил Харитонов, Роман Устяницев, Владимир Мукусов, Ирина Алебастроva, Наталья Громова, Екатерина Мишина, Руслан Лошаков, Андрей Алексеенко, Анна Ковалова, Андрей Десницкий, Ася Штейн, Татьяна Батурина, Владимир Харитонов, Олег Трояновский, Анна Каратникова, Александра Гордей, Сергей Лебеденко, Мстислав Пентковский, Борис Аронштейн, Елизавета Сапончик, Илья Бер, Инна Карезина, Илья Шаблинский, Юлия Курбатова, Рустам Курбатов, Александр Климович, Андрей Бузин, Ян Левченко, Юрий Быков, Макс Голд, Константин Павлов-Пинус, Сергей Гурко, Егор Бронников, Колле Писпанен, Валерий Балаян, Марина Садомская, Сергей Тимофеев, Александр Смолянский, Петр Отлан, Валерий Заворотный, Михаил Островский, Леонид Богатырев, Александр Абашкин,

Елена Барихновская, Павел Суляндзига, Денис Примаков, Федор Отрощенко.

Тогда же в октябре 2023 года суд в Москве арестовал троих адвокатов Алексея Навального — Игоря Сергунина, Вадима Кобзева и Алексея Липцера. Российская действительность не давала нам передыха.

Елена Лукьянова:

Почему в уголовном кодексе России нет ответственности за препятствование осуществления права на получение квалифицированной юридической помощи и за препятствование адвокатам в осуществлении их профессиональной деятельности? Ни в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод, ни в главе о преступлениях против правосудия. Да потому, что такое и в голову не могло никому прийти. Я хорошо помню, как шла работа над этим кодексом во втором созыве Думы. Все тогда пытались предусмотреть на будущее. Но такое!!!! Потому что право на защиту (получение квалифицированной юридической помощи) — это не просто право неотменяемое, но еще и одно из 13 неограничиваемых ни при каких обстоятельствах прав (ч. 3 ст. 56 Конституции).

Да, ползучее давление на адвокатуру началось не вчера, а еще в самом начале путинского правления. Да, мы все видели, как это давление расплзлось и усиливалось. Да, профессия адвоката стала опасной для жизни. В 2019 году было зафиксировано более 50 случаев нарушений прав адвокатов, описанных в исследовании «Адвокатура под ударом: насилие, преследование и внутренние конфликты». Защитников допрашивают, обыскивают, заковывают в наручники, душат и бьют, обвиняют в нападении на правоохранителей, не дают высказать свою позицию в судебном заседании или вовсе выдворяют из зала суда. За двадцать лет правления Владимира Путина в России погибло более 300 адвокатов. И это не были бытовые преступления.

Арест адвокатов Игоря Сергунина, Вадима Кобзева и Алексея Липцера, которые осуществляли защиту Алексея Навального — не просто возмутителен. Он чудовищно антиконституционен и преступен. Блестящий адвокат Маша Эйсмонт написала: «Это только начало, к сожалению. И все это пони-

мают, как и то, что противопоставить этому мы ничего не можем». Не можем в диктатуре. Да, похоже на то. Но не пытаться противопоставлять нельзя. Ибо никогда не сдавайся.

Я процитирую еще одного моего коллегу: «Государство заявляет о своем праве определять пределы юридической помощи. И думать, что так будет происходить только по громким политическим процессам — заблуждение. На политических делах происходит лишь обкатка тех механизмов воздействия на адвокатов, которые позже войдут в повседневную уголовно-правовую практику».

Профессор Илья Шаблинский написал обращение, которое подписали многие профессора университета и коллеги-юристы:

Всего три профессии помогают людям, над которыми на-висла угроза потерять всё. Врачи, священники, адвокаты. Какой бы грешный образ жизни каждый из нас ни вел, перед угрозой потерять жизнь, свободу, здоровье или имущество мы идем к адвокату, врачу и священнику.

Аресты врачей, священников, а теперь и адвокатов показывают ту степень беспомощности и безнадежности, до которой дошла современная нам Россия. Осознавая это, мы сделали это наше обращение не с озабоченностью и не только лишь с солидарностью — мы обращаемся с уверенностью. Уверенностью в том, что адвокаты, врачи, священники не выбирали свою профессию — это профессии выбрали их. Выхолащивание религиозных ценностей делает подлинных святителей еще светлее. Убийства, ранения и избиения делают весомее каждое слово в клятве Гиппократа. Преследование тех, кто не может себя защитить самостоятельно, напоминает, что право — это не то, за что проголосовали депутаты или что решил суд.

Мы уверены в том, что неприкословенностью обладают не высшие государственные деятели, а священники, врачи и адвокаты. Мы знаем: те, кто принял решение об аресте, уже поняли, что ни один священник, адвокат или врач им уже не поможет.

Уголовное преследование адвокатов Сергунина, Кобзева и Липцера должно быть прекращено, потому что оказание квалифицированной юридической помощи — не преступление и не соучастие».

Адвокаты должны быть освобождены!

Казалось бы, плотность негатива, создаваемого российской внутренней и внешней политикой, провоцирующей раскручивание спирали насилия по всему миру, и так чрезвычайно высока. Но нет. Миораждание продолжало посыпать нам все новые и новые испытания. Вильнюсский университет по доносу о якобы «имперскости» разорвал контракт с нашим профессором-бibleистом релокантом Андреем Десницким. В доносе приводились размышления Андрея в соцсетях двенадцатилетней давности. Это было неожиданно и очень тревожно. Подобное могло случиться с каждым из нас. Особенно учитывая специфику отношения европейцев к россиянам после начала войны.

Ксения Лученко, профессор Свободного университета:

Меня несколько человек спросили, что я думаю о том, что происходит с Андреем Десницким.

Во-первых, мне страшно за моего друга Андрея Десницкого. Он один со всем этим. А «это» — твоё имя во всех телеграм-каналах и медиа, отчуждение твоих мыслей и текстов с перевираниями и интерпретациями, абсолютная неуправляемость репутации и последствий. Как во время аварии, когда понимаешь, что куда-то летишь, но ничего не можешь сделать.

«Это» — огромная несправедливость, которая может раздавить, от которой обидно, как в детстве, сколько бы тебе ни было лет и сколько бы у тебя ни было достижений, опыта и внуков.

«Это» — тотальное непонимание, когда вокруг говорят о тебе, интерпретируют тебя, но тебя не слышат: открываешь рот, кричишь, а звука нет.

«Это» — полная неопределенность и растерянность, что же делать дальше.

Во-вторых, я вчера в ночи выискала свои тексты десяти, пятнадцати, двадцатилетней давности. Как-то мне стало очень неприятно при мысли, что их можно копипастить кусками и мне нынешней предъявлять.

Безобразная практика вытаскивать старые тексты, выдергивать из контекста, вырезать неудачные формулировки и неточные суждения — и наказывать за них без возможности оправдаться. Как будто человек статичен и приговорен к самому себе каждого момента жизни.

Меня один раз заставили извиниться — лично, не публично — за текст восьмилетней давности. Я бы, может, и сама извинилась бы, но когда тебя принуждают и загоняют в угол — это насилие, микрокадыровщина. Даже спустя годы, это вспоминается, как травмирующее событие. А когда это делают прилюдно, да ещё когда ты беспомощен и зависим — это казнь.

В-третьих, и это самое сложное, потому что мне не хочется, честно говоря, отправиться в путешествие вслед за Андреем. Вспоминая концепцию Хабермаса и его последователей о публичной сфере, если демократическое общество не защищает право на равное свободное и уважительное участие в любой полемике всех его членов, оно обречено. Без здоровой публичной сферы оно не живёт. Невозможно требовать от публичных интеллектуалов, чтобы они выражались языком плаката, редуцируя мышление до лозунгов. Чтобы они не занимали позицию “адвокатов дьявола” и не деконструировали, не подвергали сомнению позиции, концепции и мнения, особенно — те, которые им симпатичны и совпадают с их *bias*. Да, не всегда в корректных и точных выражениях, иногда с ошибочными посылками и выводами — что ж теперь, вообще не думать?

Я очень хорошо помню, как давили и раскатывали протоиерея Георгия Митрофanova за его публикации (исторические исследования!) о том, как и почему советские/руssкие православные и не только во время Второй мировой войны могли оказаться на стороне Гитлера. Как нельзя было просто произнести фразу типа «на оккупированных территориях пострадавшие от колLECTIVизации крестьяне встречали немцев как освободителей». Как он в 2005-м году сказал «победобесие» и все западали в обморок и затребовали его крови. А теперь это болеет мои существует без авторства. И сейчас мне кажется, что я снова там. Это какая-то петля времени.

Ещё меня спрашивают, чем опасны люди в «белых пальто», каково их влияние на реальность — да вот же. Натравить на человека общественные силы, имеющие политическую энергию — и вот он без работы и без документов. Война как шла, так и идёт, а эти люди с удобного и безопасного дивана имитируют вклад в борьбу за правое дело и испытывают от этого чувство глубокого морального удовлетворения.

Сейчас у Андрея Десницкого все хорошо. Но пережили мы ситуацию трудно. И продолжаем переживать в накаляющейся обстановке, когда спецслужбы наших стран проживания периодически предупреждают нас об опасности. Не только об опасности для места работы и для статуса, но и о прямой опасности для жизни. Непросто быть честными экспертами диктаторских режимов.

DOI: 10.55167/9fce5b7cafae

Виновность и ответственность: возвращение к разговору на третьем году большой войны

Ян Левченко, Виктор Вахштайн

В июне 2023 года в тбилисской студии Радио Свобода состоялись съемки одного разговора, где приглашенными спикерами были социолог Виктор Вахштайн и культуролог Ян Левченко. Оба долгое время работали в университетах Москвы и покинули Россию с наступлением острой фазы репрессивного путинизма.

Вахштайн уехал в Израиль до начала широкомасштабного вторжения России в Украину из-за преследований, связанных с его профессиональной деятельностью. Левченко вернулся (репатриировался) в Эстонию — после. Вахштайн продолжил работу в проектах, связанных с высшим образованием, Левченко ее вынужденно прекратил и работает журналистом, время от времени пытаясь реанимировать преподавание.

Диалог в Тбилиси был посвящен проблеме вины и ответственности. Эта тема широко обсуждалась в русскоязычных соцсетях, эмигрантской и собственно зарубежной публицистике на фоне вполне ожидаемого дистанцирования от этого вопроса в России. Отмеченный эффект не означает, что эта тема не занимает оставшихся там людей. Однако публичное обращение к подобной теме в России уголовно наказуемо. Так что обсуждение гаагских перспектив для конкретной группы лиц и более размытых, но мучительных проблем, встреча с которыми рано или поздно ожидает всех россиян, остается уделом людей, в чьем исполнении оно выглядит достаточно отвлеченно. Что само по себе небесполезно для анализа проблемы.

Если Вахштайн — эксперт в указанном вопросе, то Левченко выступает с общих позиций, озвучивая мнения и помогая эксперту их уточнять. Разговор в студии на момент записи соответствовал июню 2023 года. Бунт и гибель Пригожина,

нападение ХАМАС на Израиль, все более безрадостное положение Украины на фронте вследствие промедления ее союзников были делом будущего. Мы вернулись к этой теме чуть менее, чем через год после разговора и спустя полгода после выхода передачи и по просьбе редакции журнала *Palladium* переговорили свои мысли по поводу той же категории — но с учетом той временной динамики, в которой сами участвуем.

О самих словах

Ян

23 февраля я отрендил и заблокировал одну свою близкую родственницу, с которой я с детства общался по семейной линии. Она обнаружила у меня на аватарке флаг Украины, в сочетании с комичным беретом на моей лысине вызвавший у нее приступ легкого буллинга. Такое, знаете, по умолчанию допустимое среди людей старшего поколения (ей 72) снисходительное похлопывание по щеке. Постепенно оно перерастает в пощечины и все более явные колониальные оскорблении под видом извлечения скелетов из семейного шкафа. Когда на следующий день я проснулся и начал, по обыкновению, крутить ленты телеграм-новостей, я ничему не удивился.

Когда мы собираемся говорить о вине и ответственности, тут же всплывает двуслойность обоих понятий. Слово «ответственность» со всеми его контекстами в русском языке — понятие как этическое, так и юридическое. Ответственность несут конкретные преступники за конкретные действия, и границы этой ответственности, как и ее меру, а также степень вовлеченности конкретных людей в те или иные преступления, определят международный независимый трибунал, который, как очень хотелось бы надеяться, соберется. В начале войны я бы сказал: «вне всякого сомнения, соберется». Но сейчас все как-то так скверно, что сомнения появились.

Но, во всяком случае, по поводу России, бесчинствующей в Украине, это должно произойти. Что касается нападения ХАМАС на Израиль, ситуация осложняется тем, что война на Ближнем Востоке продолжается на протяжении всей истории государства Израиль, на которое ополчился в той или иной сте-

пени весь арабский мир. Единодушия в отношении действий ХАМАС нет, как хорошо известно, и внутри североатлантических обществ, достигших по поводу Украины большего или меньшего единодушия. Именно поэтому разговор об ответственности в оппозиции вине я бы ограничил здесь кейсом войны в Украине как заключительного аккорда (пост)советской истории. Когда соберется трибунал, будет уточняться мера юридической ответственности. В то время как в этическом смысле ответственность лежит определенно на всех россиянах, кто активно или даже пассивно способствовал развитию постсоветского рессентимента и торжеству силового сценария.

С виной дело обстоит на самом деле похожим образом. Коллективная вина, о которой заговорил Ясперс в своей работе 1946 года «Вопрос о виновности», — не юридическое, а этическое понятие. Это та вина немцев, которая с необходимостью ведет к покаянию. Прошу прощения за профанный пример, но я бы перевернул косноязычную формулу следователя Подберезовикова из комедии Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля». Она гласит: «Деточкин виноват, но он — не виноват», имея в виду омонимию юридического и этического измерения вины. В случае с виной россиян все наоборот: они не виноваты, но они — виноваты. Потому что, даже если ты «не делал ничего такого и никого не убивал», это не отменяет твоего чувства вины. Более того, наблюдая и слушая людей в эмиграции, которые с откровенно довольным видом говорят, что им не в чем себя обвинить, что они все сделали правильно, уехав, например, за полгода до 24 февраля, я ловлю себя на чувстве глубокой чуждости такому самообольщению. Я не призываю их виниться, но сам так не могу.

Они не чувствуют вину, потому что это не конструктивно. Они деловые, поэтому чувствуют лишь ответственность... Что это значит? «Я не голосовал за Путина, потому что вообще не голосовал. Я старался не покупать крымское вино после 2014 года, хотя и платил налоги этому государству, а как иначе-то, надо же цивилизованно, и так далее. Вот ты инвестировал в дачу под Севастополем и не ходил на протесты, а я ходил и сделал селфи в автозаке, поэтому я лучше тебя. У тебя может быть вина, тем более, если дача и сын по контракту в армии.

А у меня может быть одна только ответственность, потому что мне себя не в чем обвинить». И так далее. Такая манtra.

Мне кажется, что затягивание войны и превращение России в страну, которая в нынешнем виде может только воевать (да и то почти не может), ставит уехавших россиян в позицию, когда они больше не болтаются в лимбе, где якобы консервировались пути к отступлению. Зона ожидания закончилась, и те коллективные (разделяемые, этические) формы вины и ответственности, которые ранее были предметом вытеснения или демагогии (забалтывания), оказываются инструментом корректирования идентичности.

Так же, как покаяние Германии выражалось в медленном привитии обществу понятий терпимости, корректности и осознанности, уехавшие россияне, в отличие от абсолютного большинства оставшихся, не имеют внешних ограничений, чтобы прекратить отбиваться и начать отправлять процедуры моральной гигиены. Отступление, отказ, дистанция, превентивная холодность — не привычная по России индифферентность, а строгость к себе и своей роли в мировых процессах. Можно ли вообразить себе россиянина, который не хватает кого-то за пуговицу с криком: «А я вот тебе щас скажу!»? Можно, почему нет. Отступающего в тень человека, говорящего скрупульно, если спросят. Это и есть внешнее выражение чувства вины. Как преддверия покаяния.

Виктор

Буквально два замечания в ответ, прежде чем мы перейдем к сути разговора — различению вины и ответственности.

Первая ремарка касается «единодушного осуждения мирового сообщества» в качестве основы для вменения коллективной вины. Мол, Россию все страны единодушно осудили: можно начинать каяться и «прививать обществу осознанность», а вот с Израилем и ХАМАСом все уже не так однозначно, поэтому вынесем этот случай за скобки. Типа, на Ближнем Востоке вообще черт ногу сломит, там всегда какой-то трэш творится — вот будет решение суда в Гааге, тогда и поговорим. Боюсь, это слабый ход. Политический консенсус — плохой инструмент для работы с понятиями. Если бы в мире нашлось

50 богатых нефтью и влиятельных на международной арене русскоязычных государств, которые единодушно поддержали бы вторжение в Украину, если бы на американских кампусах студенты захватывали административные здания с портретами Путина и российскими флагами наперевес, даже тогда агрессия 24 февраля не перестала бы быть агрессией.

И от того, что у организаторов геноцидальной атаки 7 октября в мире хватает сторонников, готовых закрывать глаза на массовые изнасилования, захват заложников и обезглавливание детей, само событие от этого не перестает быть геноцидальной атакой в полном соответствии с критериями международного права. Если граница между понятиями проводится осмысленно и ответственно, это различие должно быть универсальным и работать везде, независимо от «контекста» и степени «единодушия осуждения мировым сообществом».

Второе замечание касается Ясперса. Я, признаюсь, пропустил тот момент, когда из него сделали апостола теории коллективной вины. Трудно найти философа, менее подходящего для этой роли. Вот дословная цитата из его «Вопроса о виновности»: «...абсурдно обвинять в преступлении какой-либо народ в целом. Преступник всегда только одно лицо... Абсурдно также морально обвинять какой-либо народ в целом... Морально можно судить только отдельное лицо, но не коллектив. Мышление, которое рассматривает, характеризует и судит людей коллективами, необычайно распространено... Это мышление тянется через века как средство взаимной ненависти народов и групп людей. Это мышление, увы, естественное и само собой разумеющееся для большинства, самым скверным образом использовали национал-социалисты, вдолбив его в головы своей пропагандой».

То есть Ясперс прямым текстом говорит — да, виновность и юридическое, и моральное понятие (а еще метафизическое и политическое; у него этих типов виновности четыре), но ни юридически, ни этически вы не имеете права приписывать виновность коллективу. По Ясперсу получается так, что, рассуждая о коллективной вине — неважно, в юридическом или только в моральном смысле — вы продолжаете дело нацистских пропагандистов.

Теперь — к понятиям. В какой именно плоскости находятся «вины» и «ответственность», где они локализованы? Они не субъективны. Было бы грубой ошибкой подменять вину чувством вины. Да, у них есть субъективные корреляты: чувство стыда — субъективная проекция ответственности, а чувство вины — виновности, но это не значит, что вина и ответственность исключительно «в глазу смотрящего». Однако они и не объективны. В мире нет таких объектов: вины и ответственности. Обе интересующие нас категории интерсубъективны. То есть находятся в зоне человеческих отношений, действий и социальных связей. Эту территорию делят между собой моральная философия, право, социальная теория и науки о культуре. Я попробую обозначить оптику, которой пользуются социологи с подачи Карла Ясперса, Ханны Арендт и Поля Рикера.

Вина — любая вина, не только юридически понятая — связана с действием. А значит, должны выполняться два условия. Во-первых, виновный должен быть субъектом. То есть причиной собственных поступков. Именно поэтому нельзя судить невменяемых или тех, кто совершает преступление под дулом автомата. Во-вторых, должна быть легитимная инстанция вменения. Ни френды в соцсетях, ни широкая общественность, ни бабушка во дворе ими не являются. Собственно, отсюда и следует тезис о невозможности коллективной вины.

С этой проблемой столкнулись прокуроры на Нюрнбергском процессе: как судить нацистов? Нельзя по дефолту признать виновными всех немцев (включая тех, кто укрывал евреев, или устраивал диверсии на предприятиях). С другой стороны, преступления совершались сообща. Режим — это больше, чем каждый отдельный функционер или бесноватый пропагандист. Это организованная преступная группировка. В итоге обвинителям пришлось сконструировать особый тип коллективного субъекта под названием «режим». И воспользовались они для этого юридической категорией «заговора», взяв за отправную точку момент предварительного сговора — Ванзейскую конференцию. Такое решение легло в основу современного корпоративного права. Вопрос «Как судить корпорации?» теперь рассматривается в сходной логике.

Если для теории вины мир состоит из индивидуальных действий и их последствий, то для теории ответственности он состоит из сообществ и образующих их социальных связей. У нее тоже два основания. Во-первых, ответственен может быть только тот, кто делает выбор. Если мы «в ответе за тех, кого приручили», то лишь потому, что могли бы и не приручать. Например, вы сделали выбор — уехать из страны. Поэтому вы приняли на себя ответственность за полуголодное существование и за потоки ненависти в ваш адрес от полуинформированных людей. А еще за то, что ваш отъезд разрушит что-то важное. Что было вам дорого — например, ваше сообщество.

Или вы сделали другой выбор — не уезжать. Как Виктор Франкл. А значит, приняли на себя ответственность за то, что с вами может случиться в ближайшем будущем. Нет, не за страну. Не за происходящее. А лишь за то, что могли предотвратить своим собственным отъездом. Эта часть теории ответственности предполагает личный выбор, свободу воли, рефлексию и минимальную способность прогнозирования. Здесь ответственность связана с виной. Но только здесь. Поскольку ответственность — это именно характеристика ваших связей с другими людьми. Вы связаны с теми, кого «приручили». И потому ответственны за них. Вы ответственны и за сообщество, которому принадлежите, и перед этим сообществом.

Чем больше связей внутри социального целого, чем больше у вас влияния на других людей, чем выше ваше положение, тем больше ответственности. Наполеон, став императором, заявил: «Я беру на себя ответственность за все, что Франция совершила со времен Карла Великого до террора Робеспьера». Как интерпретирует его слова Ханна Арендт: «все это совершено от моего имени в той мере, в какой я — член этой нации и представитель этой политической общности». Эта часть теории ответственности включает в себя ваше влияние на других людей, вашу связь с ними, отношения власти и подчинения, а главное — отношения принадлежности и идентичности.

Как вина по определению индивидуальна, так и ответственность по определению коллективна. Нет сообщества — нет ответственности. Ваш выбор тут ограничивается решением — оставаться частью сообщества или выйти из него. Именно

с этим связана идея «предательства». Кого, за что и с какими последствиями некоторое сообщество признает «предателем», многое говорит о структуре племени и характере связей внутри него.

Ян

Мне кажется, Виктор очень правильно и как будто естественно прояснил ситуацию, разделив объективный и субъективный уровни дилеммы, которую мы тут обсуждаем. Но вместе с тем, в конце этого очень организованного, по обыкновению структурного изложения, мы пришли к тому, что все-таки ответственность в какой-то момент сращивается с юридическим аппаратом, по крайней мере, она с его помощью описывается.

Русскоязычная политическая культура, видимо, находится в таком несколько атомизированном, если не сказать — разобщанном состоянии. Пытаясь называть вещи своими именами, приходится признать, что у нас проблемы с языком для описания сложной динамики понятия — как оно покидает пределы одной дисциплины и переходит в другую, или как моральная философия становится юриспруденцией. В конце концов, мы приходим к тому, что человек может быть ответственен и при этом невиновен одновременно. Это не просто нормально, но для многих ужасно привлекательно, в том числе и конструируемые нами здесь параллели с Третьим Рейхом, его уже состоявшейся, пройденной историей, которую мы начинаем эксплуатировать здесь как модель. Конструировать свою версию красивого *nazisploitation*, помните, такой жанр кино был...

В этом есть известный аспект такого, что ли, самоуспокоения и некоторого возвышения своего положения за счет того, что ошибки уже совершены другими, мы их учтем, и все у нас получится лучше и быстрее. Та история уже состоялась, мы — точнее, немцы, конечно, — ее преодолели, свое дело сделали, у них получилось, ужель и у нас не выгорит?! Исторический прецедент, который на протяжении многих лет проходил свои довольно мучительные стадии, является залогом того, что все будет хорошо. По крайней мере, я когда-то нередко слышал этот тезис в парикмахерской, где работало «Русское радио». Хотя вопрос открыт на самом деле. Исторические обстоятель-

ства и контексты, в которых происходит эта концептуализация вины и ответственности, наконец, сам язык со всеми его коннотациями, что мы хорошо видим на примере Ясперса, резко отличаются.

Виктор

Я тогда попробую заострить те пункты, по которым мы с Яном явно расходимся.

Да, у понятий действительно «сложная динамика». Термины, рожденные в абстрактных философских спорах, могут мигрировать в юридическую теорию, превращаясь в инструменты обвинения. Юридические прецеденты рефлексируются и становятся источником новых категорий в социологии. Наконец, моральная философия и политическая теория постоянно обмениваются формами концептуализации. Но это не значит, что не надо с понятиями работать, прослеживать их траектории, разбираться — в какие языки они встраиваются и как меняют свой смысл со временем. Сказать «у нас просто нет языка» — это в лучшем случае интеллектуальная капитуляция, а в худшем — попытка избавиться от содержания понятия, чтобы начать использовать его в своих собственных (пропагандистских, психотерапевтических или эстетических) целях.

Далее. Та теория ответственности, о которой я говорил выше и которая связывает ответственность с понятиями сообщества, идентичности, авторитета и влияния, принадлежит политической и моральной философии. Ханне Арендт и Полю Рикеру. Она не «срашивается с юридическим аппаратом» (ее ближайший юридический аналог — несколько устаревшее понятие «командной ответственности»). Юридический аппарат фокусируется на другой категории — виновности.

Следующий момент. Если какая-то категория из языка социологии или моральной философии обзавелась своим двойником в языке права, это не делает ее хуже. Наоборот. В некоторых социологических традициях, например, считается, что право — лаборатория социальной жизни. И если ваши понятия чего-то стоят, то они должны пройти проверку в судах. Аргумент «да-да, но это узкая юридическая трактовка, я же говорю расширительно, по факту, по истине, называя вещи своими

именами» — это чуть больше риторический прием, чем аргумент. Философские системы дают понятиям максимально широкие трактовки, но при этом остаются системами. То есть совокупностью взаимосвязанных различий. Они не позволяют использовать тот или иной термин произвольно, сообразуясь лишь с собственной интуицией и мироощущением.

Яркий пример — тот, который привел Ян. Формула «Ответственен, но не виновен». Ее произносит философ Поль Риккер в суде над бывшим министром здравоохранения Франции. Он сталкивает юридическую трактовку вины и философскую трактовку ответственности, чтобы показать: да, подсудимая ответственна — она принадлежала своему партийному цеху, обладала в нем авторитетом и влиянием. Она отвечала за исправное функционирование всей системы здравоохранения, в том числе и банка переливания крови (где из-за ошибки ее подчиненных пациентам перелили зараженную кровь). Но она невиновна. Ни ее действия, ни ее бездействие, не являются причиной произошедшей трагедии.

Когда мы слышим, как наши с Яном бывшие коллеги по Высшей школе экономики, покинувшие страну после 24 февраля, говорят: «Я ответственен, поскольку принадлежал этой системе и был частью сообщества, которое сегодня с радостью обслуживает запросы пропагандистской машины. Но я не виновен ни в военной агрессии, ни в соучастии», Ян вправе увидеть в этом трусость, самоуспокоение или желание избежать морального осуждения. Но с точки зрения теории это именно так. Они правы, а интернет-легион «Белое Пальто», пытавшийся устроить над ними суд Линча, — нет.

И последнее. То, в чем мы с Яном, вероятно, сходимся: исторические аналогии — дешевый наркотик. Не более, чем зыбкая почва для умозаключений и, тем более, прогнозов. Все эти восклициания в духе «ваша Гаага будет новым Нюрнбергом!» и так далее. Но из этого не следует, что понятия и категории, рожденные в конкретных исторических обстоятельствах, автоматически теряют смысл, переходя в новую эпоху или в новую страну.

Понятие геноцида было придумано юристом Лемкиным под впечатлением от массовых убийств армян турками, но использовано в Нюрнберге для осуждения нацистов. Это была

уже другая эпоха, другой контекст, другое действие, но в том и состоит предназначение понятий — подводить под общий знаменатель разные феномены. Точно так же понятия «виновности» и «ответственности» эволюционируют, сталкиваются, переходят из одного теоретического языка в другой, но это не значит, что в XX веке они еще имели смысл, а в XXI уже — извините, контекст поменялся.

Другое дело, что множество людей, которые в прошлом могли быть замечательными философами, юристами или социологами, в какой-то момент решают стать немного пропагандистами. Перековать свои теоретические построения в идеологические нарративы. Как это произошло, например, с Карлом Шмиттом, сначала создавшим теорию политического, а потом подогнавшим ее под нужды нацистского режима. Тогда строгие и ясно очерченные понятия погружаются в вязкую трясину политизированной медиа-риторики.

Предательство и групповщина

Ян

«Немного пропагандист» — это не то же самое, что «немного беременная», не так ли? Ведь такая дозированность, различие в степени имеет место на самом деле. Я бы подхватил то, что сказал Виктор. Действительно, категория предательства потянула национальное наполнение. До разрушения языка в эпоху Второй мировой войны она имела национальное наполнение. Если не вплоть до конца XX века, когда пошел настоящий оползень модерновых *nation states*.

В национальных государствах, у которых есть соответствующие «интересы», было более или менее понятно, кого называют предателями и в каких обстоятельствах. Сейчас предателями можно называть вообще любого человека относительно других, занявших определенную позицию и как бы прагматически заинтересованных в некоторой консолидации. Это случайное расположение в пространстве: вы попали на камеру, вы предатель, вас бьют до смерти, потом видят, что ошиблись.

Мы сейчас как-то расположены относительно камер в студии. Дополнительный фактор — наличие осветительных

приборов. И вот если, не дай бог, сочетание факторов заставит увидеть кого-то из нас каким-то неожиданно тревожным образом, все мы вдруг поворачиваемся к этому человеку и говорим: «Стоп, так ведь это же предатель! Как мы раньше этого не замечали! Как мы раньше-то жили вообще», — и уже ничто не заставит пересмотреть эту трактовку, если она заряжена эффектом — вернее аффектом — этого коллективного прозрения.

Виктор

Такое «аффективное прозрение» запускает машину возмущения и негодования, растягивается цепочка ритуалов вины и позора, и вот уже интернет-толпа, тыча натуженными указательными, повторяет «Не наш!» в адрес тех, кому вчера рукоплескала. Это хорошо изученный феномен — коллективный эффервесанс¹, или бурление взбудороженного племени, которое поддерживает свою картину мира и внутригрупповую сплоченность, забивая камнями одного из недавних членов.

Из вашего примера становится понятно, почему тема предательства — центральная для теории ответственности. Чтобы кого-то назвали предателем, он должен быть членом некоторого сообщества, спаянного отношениями доверия, общими коллективными представлениями или общей идентичностью. Сторонник теории виновности здесь может возразить: позвольте, разве предательство — не индивидуальное действие? Разве предатель не совершает свой (возможно рациональный) выбор? И разве сообщество не является легитимной инстанцией вмешения вины? Ответ на все три вопроса: «не обязательно».

Предатель действительно может совершить злонамеренный поступок по отношению к тем, кто ему доверяет, кто наделил его символическим авторитетом. А может и не совершать. Чтобы получить клеймо предателя, иногда достаточно просто попытаться выйти из коллектива (например, покинув страну). Или сказать что-то, не соответствующее «моральному порядку» группы. Или распить с кем-то не с тем вискарь. Или,

1. Понятие *effervescence* («кипение», «бурление») — термин, введенный в последней крупной работе Эмиля Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» (1912).

не дай Б-г, не вискарь, а крымское вино. Одним словом, важно не само действие — его может не быть вовсе — а номинация и квалификация со стороны других. Эти другие вполне могут претендовать на статус «легитимной инстанции вменения вины», примеряя на себя судейскую мантию. Но конечная цель подобных судов Линча — не само по себе наказание виновного, а солидаризация, сплочение, укрепление в общей вере и вос требование моральных обязательств перед «своими».

Сегодня эти манtry звучат немного трагикомично. Когда-то они действительно могли вызвать коллективное бурление. Еще пару лет назад члены племени возбудились бы при первых звуках призыва к ритуалу очищения. Но сейчас уже не очень понятно — к кому вообще могут быть обращены воззвания покарать предателей. По обе стороны баррикад доверительные отношения распались. Идентичность треснула. Так же, как и общая система представлений о добре и зле. Шаман все еще может танцевать вокруг костра, повторяя: «Вот он! ПРЕДАТЕЛЬ! Силенки в кулак, веревку берем», но... Племя разошлось по домам. Нет сообщества — нет ритуалов. Некому сплотиться в очистительном гневе по призыву очередного духовного лидера. Вместе с сообществом исчезает ответственность. Остается лишь вина, а вот ее вменять будет уже не шаман.

Говорят, при раскопках в Афинах археологи нашли около 11 000 остраконов — черепков, на которых демократичные греки писали имена своих соседей, предлагая подвергнуть их остракизму (проще говоря, выгнать из города). Когда мы впервые встретились с Яном в Тбилиси, чтобы обсудить тему вины и ответственности летом 2023 года, русскоязычный сегмент фейсбука бурлил, захлебываясь моральными инвективами в адрес вчерашних друзей, коллег и авторитетов. Но сейчас все эти посты годичной давности уже выглядят как кладбище древних остраконов.

У темы предательства есть два важных ответвлений. Во-первых, мы видим, что вина вторична по отношению к ответственности (так же как чувство вины по отношению к чувству стыда). Чтобы появилась современная идея виновности — далеко не только в юридическом смысле — должен был пройти процесс индивидуализации и рационализации мира.

Автономный, рефлексивный, рассудительный индивид, размышляющий над альтернативными сценариями своего будущего действия и выбирающий один из них, отдавая себе отчет в последствиях, рожден эпохой модерна. Так же, как и легитимная инстанция, вменяющая ему вину за его действия, ориентируясь на рациональные и универсальные критерии, а не на частные интересы самозванных судей. Сообщество же явление древнее и архаичное. Оно появляется еще на догосударственной стадии человеческого общежития.

Во-вторых, разные типы сообществ порождают разные типы «предателей», потому что в них разные основания ответственности. Упорядочим коллективы по масштабу. Есть большие политические сообщества — например, упомянутые Яном национальные государства — в которых основанием является исключительно общая идентичность. Бенедикт Андерсон называет их «воображаемыми сообществами». Есть относительно аморфные квазипартийные единства: группы единомышленников, племена «приличных людей» или интернет-батальоны «истинных патриотов». Здесь к идентичности добавляется общность коллективных представлений, единство морального порядка. Наконец, есть совсем небольшие группы, спаянные помимо идентичности и коллективных представлений отношениями личного доверия и привязанности. Антрополог Уильям Уорнер описал три «хрестоматийных кейса» предательства: шекспировский Яго, библейский Иуда и американский революционер Арнольд.

Какая ответственность «перевешивает»? Предать своих студентов, бросив их на произвол силовых органов, или предать свои убеждения (что на самом деле означает: «предать сообщество людей, которые со мной эти убеждения разделяют»)? «Если мне придется выбирать — предать друга или страну, я надеюсь, у меня хватит сил предать страну», — писал по этому поводу Эдвард Форстер.

Никто не может сделать моральный выбор за вас. Но чисто социологически напрашивается вывод, что в ситуации распада социальных связей, разрыва отношений, атомизации, утраты межличностного доверия, будут побеждать «большие» сообщества — с их опорой на идентичности и коллективные

представления. Тому, у кого нет друзей, нечего предавать, кроме страны.

Категориальное мышление против художественной образности

Ян

Россия живет, как уверены многие ее жители, «практически». То есть живет не очень осознанно, а катится и плывет, ну, или скатывается и стекает. Приспособливаясь к ландшафту и погодным условиям. То скрылась под водой, то всплыла где-то. И не потому что вытащили — вытаскивать никто не будет. Просто где-то какая-то природная история произошла. Органический процесс — он ни со стороны культуры, ни тем более в аспекте индустриального менеджмента неуправляем. То есть там нет понятной другим, соотнесенной с ними рациональности.

Поэтому, когда там занимаются опросами и спрашивают, в какой степени сознательно вы здесь принимаете решения, куда и зачем двигаться, этих вопросателей посылают, плетут заемную околосину или переспрашивают: «Чего?» Люди выживают, а государство на их атомизации паразитирует. Полное отсутствие понимания, в каком месте общества они находятся, выгодно этому типу государства, выстроенного как синдикат по ту сторону добра и зла. Пока у людей нет понимания того, что представляет собой их мир и какие еще миры бывают, у этого синдиката будет верный фарт.

У многих нет этого понимания. Речь не о так называемом «народе», это очень слабо обусловлено классовой принадлежностью. Отчужденность, отрицание и непризнание всего, что тебе мешает выжить в данных условиях, составляли мой ежедневный опыт общения с людьми умственного труда в последние годы перед большой войной. У меня в той же степени, что и у них, была какая-то вымороженная уверенность (привычка?), что я делаю правильное дело. Из какого-то, значит, автоматизма. Но если я и был бюджетником, то очень опосредованным — просто в России трудно им не быть. Найти настоящего предпринимателя в интеллектуальной сфере — это квест уже такой был в последние годы. Так что я бы весь этот кошмар на

пресловутых «учителей», которыми фальсифицируют выборы, не сваливал.

Государство удивительным образом все постсоветские годы стояло не на том, чтобы помогать гражданам, а на поддержании в них чувства постыдного удовольствия от возможности достичь успеха в отчуждении от государства. Потому что мафиозная и одновременно мобилизационная конструкция то и дело, когда у нее какие-то проблемы, просто нажимает на педаль насилия. И от тех мест, где нажалась педаль, расходятся нитки, на концах которых люди начинают хвататься за бока, животы и головы. И какие-то нанятые государством упыри говорили им: ну что, нравится тебе? Ах не нравится? Значит, давай так: я сейчас отпущу ногу, а ты пойдешь и сделаешь то-то, иначе я ногу не отпущу. Причем ту ногу отпускают ненадолго, чтобы отдохнули. А потом по новой давить — ресурсов-то нет больше на самом деле. Недра — они для другого совсем.

Вот так это работает. Вернее, не работает, если пытаться разглядеть в этой тотальной ФСИН договор государства и общества. Потому что общества как такового нет, есть колониальная администрация и ее бенефициары, которые нанимают себе охрану и манипулируют конкретными группами населения. Там никто ни за что не отвечает, на полной безответственности вследствие атомарности стоял позднесоветский консенсус, при котором состоялся, состарился и при котором, хотелось бы надеяться, скоро умрет Владимир Путин. Поэтому понятие об ответственности как следствие культивируемой осознанности может сформироваться только в небольших прослойках или нишах социальных. И только после полного морального разгрома России — вряд ли из-за войны в Украине, скорее по внутренним причинам.

В России остается просто статистически все еще достаточно людей, которые даже из гражданской войны, если предположить такой маловероятный сценарий, смогут вынести какое-то позитивное ядро и стать, если угодно, очередными «пуританами», поселившимися на пепелище, чтобы строиться. Нормальный человек может жить при любом порядке. Более того, если он или она не уехали еще в 2008 году, когда Абхазия была, или в начале путинского правления, когда дома на воздух

взлетали, чтобы войну в Чечне начать, значит и нечего теперь дристать за лучшей жизнью, задрав штаны от моральной паники. Я такую позицию хорошо себе представляю и готов ее если не разделить, то понять.

И гражданственность в России пусть и пребывает сейчас в спящем виде, но она возможна. Не бывает обществ и тем более народов, которые по каким-то органичным причинам тяготели бы к тому, чтобы быть подданными царя, а не свободными гражданами. Это все чепуха, которая на самом деле выгодна только нынешней российской власти — такой механизм перехвата повестки вполне очевиден. Ответственность как остывание и упорядочение вины, открывшейся, накрывшей и затопившей на время общество после вынужденного признания преступлений российского имперского терроризма — этот путь мне понятен. Или он невозможен, наивно об этом говорить?

Виктор

Не знаю, наивно ли. Все эти художественные образы — «спящей гражданственности», «остывающей вины» или «гигантского ФСИНа», плавающего на поверхности неизвестной субстанции, — наверное, могут резонировать с чем-то в душе эстетически одаренного читателя. Но об этом лучше спрашивать у читателя. У меня они отклика не вызывают. Я вижу в них два тех же вечных изъяна: отказ различать индивидуальное/коллективное и подмену ответственности виной.

Впрочем, этот постоянный сбой, перескок от анализа действий конкретного человека к рассуждениям о «коллективной России» (видимо, по аналогии с «коллективным Западом») — увы, не просто аберрация мышления. От него не застрахован никто. Даже Ясперс, предупреждавший нас об опасностях такого взгляда.

Он, например, пишет: «Народ нельзя превратить в индивидуум. Народ не может ни героически погибнуть, ни быть преступником, ни поступить нравственно или безнравственно, это могут всегда только отдельные его представители. Категориальное суждение о народе — это всегда несправедливость; оно предполагает ложную субстанциализацию, оно оскорбляет достоинство человека как индивидуальности». Но буквально

парой страниц ранее замечает: политическая виновность «стоит в действиях государственных деятелей и в принадлежности к гражданам определенного государства (курсив мой. — В. В.), в силу чего я должен расплачиваться за последствия действий этого государства, под властью которого нахожусь и благодаря укладу которого существую (политическая ответственность). Каждый человек отвечает вместе с другими за то, как им правят».

В этой логике каждый россиянин отвечает «вместе с другими» за то, как им правят. Но и жители захваченных территорий, получается, отвечают за действия оккупационной администрации. А заключенный — за то, как с ним обращается тюремное начальство; ведь и ФСИН — часть государства, под властью которого заключенный находится и благодаря укладу которого существует. После этого пассажа хочется спросить: профессор Ясперс, вы не охренели?

Нет, не охренел. У него в тексте есть внятное категориальное членение четырех типов виновности, которые различаются по «инстанции вменения»: перед судом вы отвечаете за преступления, перед собственной совестью — за подлость, перед Б-гом — за грехи. Политическая же виновность — в отличие от трех других — вообще не связана с действием или бездействием обвиняемого. Она состоит лишь в принадлежности к определенной группе. И ее единственная инстанция — воля победителя. Неслучайно Ясперс везде, где речь у него заходит о политической виновности (*Schuld*), в скобках уточняет: «политическая ответственность» (*Haftung*). Ответственность — это и есть «виновность без вины», виновность в принадлежности.

За такой ход Ясперса будут критиковать его же друзья и ученики. Зачем отделять вину от ответственности, если потом все равно ответственность окажется одним из подвидов вины? Резче всего высказалась Ханна Арендт: «Для меня квинтэссенцией моральной неразберихи всегда была послевоенная Германия, где те, кто лично ни в чем замешан не был, уверяли сами себя и весь мир в том, сколь глубоко их чувство вины, в то время как лишь немногие из настоящих преступников были готовы хотя бы к малейшему покаянию. Разумеется, результатом этого спонтанного признания коллективной вины стало крайне успешное

(хотя и ненамеренное) обеление всех, кто действительно совершил что-то; там, где виноваты все, не виноват никто».

Поэтому осмысленный разговор о вине и ответственности должен начинаться с отказа от использования слов-заглушек: «страна имперского терроризма», «вирус русской культуры» и т. п. Когда речь заходит об ответственности, мы обязаны внятно провести границу сообществ, когда говорим о виновности некоторого коллективного субъекта — показать вклад каждого индивидуального действующего.

Это интеллектуальное требование связано с юридической практикой. Оно выросло из вопроса: как судить пропагандистов? Ведь они не были (по большей части) участниками правительственного сговора, зачастую даже не состояли в организованных преступных группировках вроде СС. Значит ли это, что они — как и большинство «простых бюджетников» — ответственны, но невиновны? Нет. Именно виновны. Но вина эта должна доказываться индуктивно: от частного к целому, от индивидуального действия к преступному агрегату. А не дедуктивно: сначала припишем всем коллективную вину, а потом отмоем нескольких партийно близких.

Кто же все-таки виноват?

Ян

Вопрос, наказывать ли так называемых «пропагандистов», на первый взгляд, кажется простым. Как можно оставить без возмездия Соловьевых и Скабеевых? Однако нужно быть готовыми к тому, что в отношении буквально всех пропагандистов невозможно будет высказать объективное и юридически фундированное обвинение, которое можно будет реализовать в виде конкретных результатов, то есть сроков и видов наказаний. Придется заниматься законотворчеством. Почему нет, только процедурно это пока совершенно неясно. Вместе с тем, мне кажется, что символически крайне важно не останавливаться перед этими трудностями. Если Симоньян с Киселевым будут спокойно жить дальше, например, заплатив штрафы из своих чудовищных накоплений, это будет расписка между-

народного права в беспомощности на фоне признания безнаказанности тех, в чьей виновности никто не сомневается.

Важно не просто вслух произнести, а зафиксировать границы вины самих пропагандистов и их команд, медийных групп, их владельцев и заказчиков, чтобы определить меру ответственности за преступления против правды и человечности (потому что слово, призывающее убивать и всячески покрывающее убийство — такое же преступление, вопрос лишь в жесткости возмездия). Сложность в том, что на протяжении уже не просто лет, а, наверное, скоро десятилетий не только каналы RT и «Россия», но и нейтральная на вид «Комсомольская правда» и даже системные либералы типа условного «Эха Москвы» фактически обслуживали режим.

Более того, сам факт того, что «Новая газета» во главе с нобелевским лауреатом Дмитрием Муратовым на что-то жила долгие годы и продолжает доходить до читателя в том или ином виде при нынешнем режиме, означает, что к ней придется применять те же методы независимого дознания, которые будут применяться к «очевидным» пропагандистам. Репутационные вопросы не имеют значения. Диссидент — не диссидент, разницы нет. Если ты Алексей Навальный, и тебя уже убили в тюрьме, расследования проводиться не будут. А в отношении всех живых, даже если они не очень сыты и здоровы, — будут.

Иначе в этом нет смысла. Избирательная люстрация — это ни о чем. И тогда выяснится, что я несколько лет писал рецензии в «Русский журнал», который основал Глеб Павловский. Или еще лучше: в 2009 году я опубликовал несколько рецензий в журнале «Однако», который издавал не кто-нибудь, а флагман перестроечной журналистики, позднее матерый пропагандист Михаил Леонтьев, подобно Дмитрию Киселеву перешедший туда, где в России исправно платят. Скрыть это не получится. Цифровой след — великая вещь. Кажется, мне уже конец...

Европейские друзья и «ферштееры» Путина, вероятно, также виноваты в возникновении той системы координат, которой мы оперируем. Странно их выводить за скобки просто на том основании, что это дела давно минувших дней, что Шредер или там еще кто — это несерьезно, есть вещи поважнее. Но они

способствовали нормализации режима, бронзованию Путина на фоне розовых пузырей о том, что он-де «прагматик», «любит деньги», и ему «не нужна кровь», разве что «чуть-чуть иногда». Зарубежные элиты и обслуживающие их медиа вряд ли будут в состоянии признать, что десятилетия легитимации Путина, включение его шайки в клуб, где договариваются, а не воюют, где трут и ударяют по рукам, не желая менять мирной зажиточной жизни, теперь оборачивается расчеловечиванием всех, кто живет в России или, к примеру, только что смог оттуда выехать.

Бывший фанат Америки, а ныне ее злой враг Дмитрий Киселев ежедневно умножает материал своего уголовного дела. Тогда как в случае конкретных инвесторов России, директоров фирм, поставляющих чипы для российских ракет из «недружественных» стран, доказательством могут служить документы, контракты. Скорее всего, будет сделано все, чтобы спрятать любые следы таких документов, бросающих тень на тех, кто сейчас выступает в однозначно обвинительном ключе. Карта финансовых трансферов показала бы, в каком глобальном мире мы живем и как невероятно сложно провести в нем границы, которые кажутся такими очевидными в оценке действий России в Украине. Пропагандисты на этом фоне оказываются чем-то вроде прикрытия для тех, кого не схватишь за язык. Потому что, как правильно писал Галич, «молчание — золото».

Конечно, есть конкретная группа, люди, которые входили в круг бенефициаров российского режима. Независимая комиссия должна будет найти возможность заниматься и этими друзьями и ферштеерами на хорошем проценте. Если найдутся доказательства, фиксирующие их присутствие в сделках и схемах, если удастся показать, что вот они — их деньги, и вот она — схема их обращения, тогда это будет большая победа. Но она не гарантирована.

Виктор

В этом мире вообще мало, что гарантировано. Но если вернуться на минуту к теоретическому различению — индуктивного или дедуктивного вменения вины — то альтернативой этой скрупулезной работе по анализу конкретных действий будет «логика изъятия».

«Логика изъятия» предполагает пять шагов.

Первый — подмена вины ответственностью. Точнее, растворение вины в ответственности так, как если бы одно было частным случаем другого. Здесь работает следующая цепочка: «Сталин, конечно, палач, но кто написал 4 миллиона доносов? А куда смотрели оставшиеся миллионы, когда эти 4 миллиона их писали? А на какие деньги существовал сам институт доносительства? Не на налоги ли этих безмолвных миллионов?».

Второй шаг — априорное признание коллективной вины: «Мы все виноваты! Просто потому, что закрывали глаза, платили налоги, писали колонки в журналы будущих пропагандистов».

Третий — уточнение идеи коллективной вины именно как «вины по принадлежности». Формула ее проста: «Мы виновны в ЭТОМ, просто потому что мы — плоть от плоти ЭТОГО». А потому мы делим ответственность с Достоевским и Бродским, эмигрантами и возвращенцами, палачами и диссидентами.

Четвертый — мы начинаем делать исключения. Противопоставляя большому и насквозь виновному коллективу другой, меньший и невиновный. Принадлежность к нему дает индульгенцию. То есть, освобождение от ответственности тоже выдается коллективно и по праву членства в малом «сообществе чистых». Априорно невиновны те, кто «не молчал». Априорно невиновны те, кто «пострадал». Освобождены от ответственности те, кто получил резиновой дубинкой по голове. Те, кто уехал в Ригу. Те, кто сменил гражданство.

Наконец, последний шаг — нужно противопоставить этот маленький и невиновный коллектив большому и виновному целому.

Психотерапевтическая функция этого коллективного самобичевания мне видится именно в двух последних шагах. Чтобы в конце можно было с уверенностью сказать: «Да, мы все виноваты, но я хотя бы не...». Это называется смешным словом «персилинг».

В Германии каждый новобранец по прибытии на призывной пункт был обязан иметь с собой коробку. В нее он складывал свою гражданскую одежду и личные вещи, кото-

рые вермахт отправлял обратно семье. Незадолго до войны концерн «Хенкель» запустил акцию: купи большую упаковку нашего стирального порошка «Persil» по цене маленькой. Коробки «Persil» оказались очень удобными в хозяйстве и, когда порошок заканчивался, рачительные бюргеры не спешили их выбрасывать. Именно такие коробки матери давали сыновьям перед отправкой в армию. Так что в начале 1940-х слово «Персил» стало означать что-то вроде чистилища, промежуточного состояния между гражданской и военной жизнью. А в быту — просто повестку.

Но в конце 1940-х у слова «Персил» возникли совсем иные коннотации. Оккупационные власти разделили немцев на четыре группы: от «главных виновников» военных преступлений до «случайных попутчиков». К совсем «незапятнанным» относилась меньшая половина населения — антифашисты, жертвы режима и т. д. Зачисление в ту или иную когорту сильно зависело от того, в какой оккупационной зоне вам посчастливилось оказаться. В британском секторе, например, можно было обелить себя, заручившись рекомендательными письмами от проверенных борцов с нацизмом и диссидентов. Такие рекомендательные письма стали называться «Persilschein». Так же именовали и вожделенное удостоверение, полученное по результатам денацификации. А тех, кому его удавалось получить, голодающие сограждане называли «отстиранными» или «отперсиленными».

Что говорить, если даже Карл Ясперс отказался «отстирывать» своего бывшего друга Хайдеггера, зато приложил немало усилий для обеления Эдуарда Баумгартина — прожженного нацистского философа-карьериста, автора откровенно пропагандистских брошюр, изъятых впоследствии оккупационными властями, и по совместительству племянника Макса Вебера (в память о котором Ясперс и подключился к «персилингу»).

Ян

В продолжение того, что сказал Виктор, я вспомнил прекрасную метафору, которую Юрий Лотман применительно к историческим исследованиям называл «принцип горящего сарая». К нему прибегали, когда нужно было написать о каких-то полу-

запрещенных или вовсе запрещенных фигурах. При этом о них написать было по цензурным соображениям нельзя, хотя цензуры в СССР официально не существовало. Был Главлит, занимавшийся цензурой фактически. Авторы знали заранее, что о таких-то фигурах (эмигрировал, выступал за свержение большевиков и прочее) писать без толку — только сам пострадаешь.

Что делалось? Все модернисты, например, символисты какие-нибудь в русской или европейской литературе, всякая декадентская плесень, складываются в один сарай. Его с четырех сторон поджигают: вот они такие-сякие, деграданты, тунеядцы, эксплуататоры, интеллигенция вшивая. Они все синим пламенем горят, занявшиеся от принципиальной советской критики. А потом вдруг эта критика сама вспоминает: а ведь этот поддержал революцию! А этот, значит, выступал с критикой царского режима. Этот сидел на каторге, писал обличительные памфлеты! Приходится кидаться в сарай и этих вот «хороших» вытаскивать. Но там же все горят, балки вот-вот упадут! Этого схватили, а еще этого заодно — и ходу. Так что на одного хорошего два мазурика попадается. Это тот самый принцип, о котором говорил Виктор. Просто по-другому описанный. Это то, чего вроде как следует избежать, потому что это абсолютнейший мараэм. Все эти случайные хватания заодно только все испортят. А как этого избежать, можно ли вообще?

Это сугубо мое мнение. Избежать такого можно лишь одним способом: если все-таки исходить из растущей субъектности российских регионов. Россия не может остаться в прежнем виде централизованным государством, даже если там произойдет так называемый транзит власти. Там ничего не будет, разве что какая-то внешняя инстанция, которая по какой-то причине будет кого-то судить. Международный трибунал кого-то засудит, а изнутри ничего не поменяется. Изнутри что-то поменяется только тогда, когда это будет совершенно другое государство. Вернее, группа стран.

Когда не будет нынешней России с ее имперским триколором, советским гимном, большими буквами и державностью, когда все это надувное и бессмысленное образование просто закончится, оставшиеся на его месте субъекты смогут пересобрать себя. Возможно, в союзную федерацию, но реальную,

добровольно-эксплицитную. Помню, покупал в Академгородке набор стикеров на основе прекрасных рисунков Дамира Муратова, среди них были «Соединенные Штаты Сибири» со снежинками на месте звездочек и зелеными полосками. Это идеалистичный образ, конечно, но я бы хотел предостеречь от циничного скептицизма в отношении «художеств» и всякой «культуры», мы сейчас пожинаем плоды такого отношения.

Интересно, что сбирианием земель всегда занималась Москва, у которой просто пока не было шанса деимпериализовать себя изнутри. Ее все ненавидят, но, стоит ей перестать сбирать земли, оставшись городом-государством, финансовым центром, большим хабом для коммутации разных экономических траекторий, и у нее самой появится шанс превратиться в нормальное место, а не весь этот шлак и кошмар, в котором она увязает сейчас. Но сначала — самоопределение наций, и от каждой из определяющихся уже сейчас (азиатские и другие национальные республики, регионы с сильной идентичностью, которые есть на юге и востоке начиная с Урала) — выборное представительство в трибуналах, которые будут заниматься люстрацией, в первую очередь силовых органов, образования и медиа. Тех, кто репрессировали физически и морально.

Совершенно понятно, что не может вся страна, тихо сейчас прячущаяся в щелях истории, быть с властью и топить за нее. Наоборот, перефразируя слова Виктора: не все плывет по реке, не все одно деръмо. Есть какие-то группы, пассивно противостоящие оползню, в котором заинтересована нынешняя власть, безоглядно и необратимо летящая в ад. Можно смеяться над конструкциями в духе Екатерины Шульман о «спящих институтах», но мне они кажутся вполне уместными. Смех и попытки изобразить, как спит какой-то институт, не отменяют его существования.

Люди на местах, если им не угрожать физическим уничтожением, как привыкла вести себя власть в России, не заинтересованы в этом якобы страхующем их от непонятно чего централизованном государстве. Знаете, мне в Республике Саха говорили: «у нас ближайший порт — Магадан, на минуточку, до него 1000 километров, ехать по зимнику десять дней. Мы бы давно дорогу построили, но федералы не дают, им это не надо. Все алмазы заби-

рают русские, которым неважно, поддерживаем мы их, или нет. Вернее, мы не можем не поддерживать, выхода нет».

Виктор

Понимаю, что голосу растревоженной совести все равно, какими словами выражать свою боль. Но если ты всю жизнь работаешь с теорией, то отказаться сейчас от ее главного требования — осторожного и ответственного обращения со словами — было бы предательством. Предательством сообщества теоретиков и их (нашей) веры в силу концептуализаций, различений, аргументов. Даже когда очень сильно хочется. Даже когда каждый интеллектуал считает священным долгом озвучить публично свои грэзы о распаде России и будущей деколонизации. Увы, я не могу себе позволить такой роскоши.

У Ханны Арендт есть отличный сюжет про два класса немецких интеллектуалов. Одни сделали вынесение моральных суждений своей профессией задолго до пакта Молотова-Риббентропа. Они владели огромным словарем политически заряженного морализаторства, их понятия и категории были заточены под производство этических оценок — вроде обвинений и оправданий «войны подводных лодок» с точки зрения аристотелевской этики. Другие же занимались вопросами сугубо абстрактными, философскими, оторванными от актуальной повестки. К ним Арендт относит и себя. В ситуации войны, пишет она, «нам пришлось постигать все с нуля, как есть — без помощи категорий и правил, по которым можно было бы упорядочить наш опыт». Им пришлось собирать новую моральную философию из эпистемологии, онтологии, истории идей — из тех областей, которыми они занимались до войны.

Почему они не обратились к «профессионалам от этики»? К тем, кто годами щедро рассыпал моральные суждения, а потому был куда компетентнее в вопросах, например, вины и ответственности? «По другую сторону, — объясняет Арендт, — находились те, кто как раз был полностью компетентен в вопросах морали иставил их на первое место. Эти люди показали не только свою полную неспособность чему-либо научиться; хуже того, легко поддавшись искушению, они тем самым убедительно показали, насколько используемые ими

традиционные понятия и мерила неадекватны и неприменимы к новым условиям». Иллюстрируя это состояние, она цитирует стихотворение Одена:

Все лучшие в мире слова,
Все речи, достойные книг,
Низвергнуты, превращены
В глухой механический крик.

Кто будет платить?

Ян

Помимо освоения языка для описания общественной жизни важно еще критическое чтение и анализ объектов ностальгии, считавшейся чем-то невинным и даже очень предпочтительным. Хотя ностальгия по дизайну советского мороженого — это бич постсоветской России на протяжении 25 лет ее существования. Ностальгия началась приблизительно в 1992 году. После Беловежских соглашений сразу и началась, это просто какой-то анекдот. До свидания, СССР, and I'm back in the USSR. «Старые песни о главном», которые продюсировал ныне известный европейский эксперт по вину (не по вине!) и всей прочей приятной повседневности Леонид Парфенов, появились в канун 1995 года, у всех прямо дух захватило от того, как Богдан Титомир спел «Червону руту», мы ж один народ, вот это все. Дальше больше. Я не сразу понял, что это нужно наблюдать и анализировать, а не просто потреблять.

Со временем я начал замечать, что попытка проанализировать, что с нами делает ностальгия по СССР, как и в какой мере она мешает нам развиваться, встречает либо глухую блокировку, либо активное неприятие. Учителя и старшие товарищи говорят, что заниматься такими глупостями не нужно, точнее, заниматься ими надо «иначе». Это в лучшем случае, потому что чаще тебе просто приписывают стремление опорочить все самое дорогое. В диапазоне от глупостей до вреда эти попытки критического изучения советского на постсоветском пространстве и функционировали. А потом Светлана Бойм выпустила работы о ностальгии, а Алексей Юрчак написал книгу о застое, и стало

понятно, что многие вещи можно понять, только если ты уехал и смотришь на это в целом, потому что с приличной дистанции.

Но изнутри тоже нужно пытаться — а то так все в России и в том, что сможет появиться на ее месте, будет скатываться к некритической ностальгии. А если ты просто тоскуешь по прошлому, которое нужно для начала разобрать и понять, и все попытки такого разбора тебя только пугают, ни о каких репарациях — ни материальных, ни символических — речи идти не может. Вернее, ты будешь платить и жаловаться на всех углах, что тебя заставили. Такой синдром Веймарской республики, которая почти с облегчением сдалась нацистам, которые честно говорили то, что она сама от себя скрывала.

Действительно, на первый взгляд, не очень понятно, кто будет выплачивать навязанные извне репарации, если РФ распадется. Но как раз в распавшейся и вновь собравшейся по другим принципам, добровольно инвентаризованной федерации или в сумме соседствующих отдельных государств должны возникнуть правовые инструменты по определению и выделению своих долей репараций. Внешние инстанции типа все того же международного трибунала могут очертить общий контур механизма компенсационных выплат. А дальше государства, как в современном ЕС, определяют доли участия в зависимости от объемов ВВП и ресурсов, которыми можно так или иначе воспользоваться.

Насколько каждый субъект будет способен на это? Если эта инициатива пусть и не идет изнутри, но хотя бы не встречает сопротивления, это уже признак большого согласия и способности общества делегировать своим представителям (условной власти на местах) право принимать решение о добровольных репарациях. При этом те, кто донатит на ВСУ сейчас — это не репарации, это другой механизм совершенно.

Виктор

Репарации бывают двух типов. Те, что навязаны извне, по итогам войны. Они предполагают как раз коллективную ответственность проигравших. Это «репарации Ясперса». Но они бывают и добровольными — когда некоторое сообщество заявляет о своей политической субъектности, соглашаясь на

компенсации в качестве жеста искупления. Это тоже политическая ответственность, но уже не в негативном смысле (как у Ясперса, где «все решает воля победителя»), а в смысле Поля Рикера: ответственность как то, что принимают на себя добровольно, в знак принадлежности к сообществу.

Когда объединились ФРГ и ГДР, был введен «налог солидарности», который многие западные немцы тоже восприняли как очередные репарации. Поскольку основные сборы давали более экономически развитые западные регионы, а тратили их на развитие бывших гдээровских земель. Но он не вызвал по-настоящему сильного общественного негодования. Налог стал чем-то вроде символической демонстрации индивидуального вклада в объединение, в рождение новой политической общности.

Ян

Возвращаясь к чисто личной, персональной, отдельной, моей и твоей ответственности, нельзя не отметить, что не существует универсального пути. Долженствование остается. Говорящий по-русски человек, неразрывно связанный своей биографией с другими биографиями постсоветской истории, не может полностью выйти из тени этой войны, не может сказать я о себе: «я колобок, я колобок, я не ваша общность, я сам по себе». Потому что ты, колобок, по крайней мере, от кого-то сбежал — от бабушки и дедушки в данном случае.

И отсюда ты должен, грубо говоря. Ты не свободен «от»... Возможно, ты свободен «для» по терминологии Блаженного Августина, у которого «Большая свобода» (*Libertas Major*) — она для других, она для людей. Если ты умеешь зарабатывать, делись деньгами. Не очень умеешь зарабатывать — пиши, говори, действуй, будь то волонтерская работа или часть средств за работу — отдать на помощь другим. Я сознательно не говорю здесь о ВСУ, потому что нельзя вот так взять и требовать, чтобы все стройными рядами. Так не бывает. Но практики самоотречения и аскезы в разных дозах сейчас очень нужны постсоветскому россиянину, который доселе только выживал, веселился и знат ничего не хотел. Это наступление, если хотите, эры от-

ветственности, которая, например, у немцев к довольно мощным последствиям привела.

Можно начать с локальной репетиции страшного суда. Сесть на символическую диету, когда ты не позволяешь себе какие-то вещи, казавшиеся ранее естественными. Я бы на месте ряда известных деятелей оппозиции, приезжающих в какую-нибудь европейскую столицу на свой форум, хотя бы не делал селфи в ночном клубе. Я ведь не говорю о том, чтобы туда вовсе не ходить, хотя, конечно, в идеале... Но вот еще и рассказывать, как тебе здорово сейчас, — ну, это неприлично, по-моему. В русской обиходной культуре принято противопоставлять свою простоту чужому лицемерию. А мне кажется, лицемерие хотя бы не так отвратительно выглядит. Если ты переключаешься и смотришь на эти вещи по-новому, может высвободиться ресурс, чтобы кому-то еще помочь. Ответственность взять на себя в чисто бытовом, прикладном отношении.

Виктор

Наступление эры ответственности случилось в отдельно взятом сегменте фейсбука. И исключительно в виде моральных требований, адресованных другим — преимущественно своим бывшим согражданам. Мне кажется, практики самоотречения и аскезы действительно очень нужны постсоветскому россиянину. Тому постсоветскому россиянину, который уехал из страны и теперь считает своим долгом поучать остальных постсоветских россиян — и уехавших, и оставшихся.

Нет, я бы не назвал это лицемерием. Я вполне верю в искренность людей, возмущенных неподобающим поведением оппозиционеров, фотографирующихся в ночном клубе, или неподобающими костюмами участников голой вечеринки. Это не лицемерие, это честное ханжество. Но о нем лучше поговорить отдельно.

DOI: 10.55167/bd1277bc4908

